

Семен Малков

Вертикаль жизни

Победители и побежденные

Annotation

«Победители и побежденные» — первая книга новой эпической трилогии «Вертикаль жизни» Семена Малкова, автора популярного романа о любви «Две судьбы». Новая трилогия также написана в жанре семейной хроники. В основе книги сложная, насыщенная ярчайшими эпизодами история жизни ученого Артема Наумова и его родных. Время, в которое происходит события первого тома этой семейной саги, — одно из самых интересных и сложных в нашей истории: начало Второй Мировой войны и середины 50-х годов. Это период, когда жизнь волею истории «оголялась» до такой степени, что на суд людей выносились самые интимные подробности. Автор не стесняется в описании эротических эпизодов.

Роман читается с захватывающим интересом.

- [Семен Малков](#)
  - [От автора](#)
  - [Часть первая](#)
    - [Пролог](#)
    - [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
    - [Глава 4](#)
    - [Глава 5](#)
    - [Глава 6](#)
  - [Часть вторая](#)
    - [Глава 7](#)
    - [Глава 8](#)
    - [Глава 9](#)
    - [Глава 10](#)
    - [Глава 11](#)
    - [Глава 12](#)
  - [Часть третья](#)
    - [Глава 13](#)
    - [Глава 14](#)
    - [Глава 15](#)
    - [Глава 16](#)
    - [Глава 17](#)

- [Глава 18](#)

Семен Малков
Вертикаль жизни
Победители и побежденные

ПОСВЯЩАЕТСЯ

*Безвременно ушедшим Родителям моим, заботливо
меня вырастившим, и Жене моей — ТАМАРЕ
АЛЕКСАНДРОВНЕ, разделившей со мной радости и
невзгоды нашей совместной счастливой жизни.*

От автора

В романе, охватывающем большой временной период, насыщенный судьбоносными историческими событиями, невозможно описать все значительное и заслуживающее внимание читателя. В этой связи автор старался отразить основные события в судьбах героев и персонажей романа, привести факты и эпизоды, на его взгляд, наиболее интересные для современников и будущих поколений россиян. Хотя содержание романа целиком основано на подлинных событиях и сюжетах автобиографического характера, все его персонажи являются вымышленными и возможные совпадения совершенно случайны. Размышления и высказывания героев и других персонажей романа отражают оценки происходящего и личные переживания самых разных людей и могут не совпадать с мнением автора.

Часть первая
Перед войной (30-е годы)

Пролог

Празднование юбилея подкосило Артема Сергеевича Наумова. Еще накануне старый академик был бодр, подвижен и, как обычно, выглядел намного моложе своего возраста. Он будто не ощущал груза прожитых лет, но череда юбилейных встреч и застолий напомнила ему об этом и, похоже, исчерпала последний запас душевных и физических сил.

Из-за сердечной недостаточности Артем Сергеевич слег и, несмотря на все усилия врачей, улучшения не наступало. Однако сознание было ясным и, как бывает в старости, наиболее ярко всплывали в памяти картины далекого прошлого.

...Артем Сергеевич, выросший в «эпоху строительства коммунизма», когда насаждалось воинствующее безбожие, всегда считал себя атеистом. И сейчас с презрением наблюдал в новостях, как представители власти, бывшие партийные и комсомольские руководители, со свечками в руках истово крестятся на иконы. Знал, что это люди с двойной моралью: одной — напоказ, и другой — истинной, которую скрывают. И все же такое беззастенчивое лицемерие было противно.

...Тёма с детства был суеверным и верил во все народные приметы. А когда стал ученым и обнаружил много исторически достоверных явлений и фактов, которые наука объяснить не в силах, пришел к выводу о существовании внеземной высшей цивилизации, либо каких-то потусторонних божественных сил. Сам того не сознавая, академик давно был верующим, хотя и не соблюдал церковных обрядов.

«Разумеется, интересно, что принесет третье тысячелетие, — с легким сожалением, устало подумал он. — Человечество наверняка ждут и сенсационные научные открытия, и тяжкие испытания. Но вряд ли новое поколение соотечественников станет, как я, свидетелем смены в России трех государственных формаций на протяжении одного столетия. Вряд ли их ждут такие же кровопролитные войны и жестокие репрессии. И вряд ли удалось бы выдержать новые потрясения мне!»

Глава 1

Храм Христа Спасителя

Первомай. Над древней Красной площадью столицы яркое весеннее солнце. Стены прилегающих зданий празднично украшены. Непрерывным потоком движутся колонны демонстрантов. Грохочут марши. Один за другим раздаются призывы, славящие коммунистическую партию и ее вождей, мудрого Сталина. А вот и он на трибуне мавзолея среди соратников, о чем-то с ними переговаривается и периодически приветствует демонстрантов, помахивая рукой.

Маленький Тёма, сидя на плечах у отца, не отрывает глаз от мавзолея. Его еще ни разу не брали на демонстрацию, и он впервые видит великого вождя. Заслоняют обзор транспаранты, поднятые над головами идущих, но он все равно счастлив. Будет о чем рассказать ребятам в своем арбатском дворе. Вон тот, низенький с пышными усами, несомненно Буденный — легендарный командарм Первой конной! Тёма узнал его по многочисленным портретам. А повыше ростом — это Эрнст Тельман, знаменитый вождь немецких коммунистов. О нем рассказывала детям воспитательница их дошкольной группы Софья Ивановна Шмидт.

Доживая век, одинокая старая большевичка занялась подготовкой дошкольников. Бывшая институтка из благородных, она заразилась идеями коммунизма, изменила своему сословию и всем пожертвовала для победы революции. Но все же пенсии не хватало и пришлось набрать группу детей для занятий. Днем, пока работали их родители, Софья Ивановна обучала малышей азам грамоты, литературы, истории и немецкого языка, так как происходила она из курляндских дворян. Потому и группа называлась «немецкой».

Во многом благодаря усилиям своей наставницы малыши, в том числе Тёма, уже прониклись идеями всеобщего равенства и ненавистью к богачам-буржуям и врагам СССР — фашистам. Успехами в правописании, и особенно в немецком, похвастать могли немногие. Зато все дети знали поименно героев революции и Гражданской войны. Даже могли объяснить сверстникам — кто такие Карл Маркс, Фридрих Энгельс и Роза Люксембург.

Пройдя Красную площадь, на Васильевском спуске колонны стали рассыпаться, и папа спустил Тёму на землю. Сергей Ильич изрядно устал, и прошло несколько минут пока он отдышался. В этом месте участники

демонстрации сдавали представителям своих организаций портреты вождей, транспаранты и прочие предметы оформления, а затем отправлялись по домам отмечать пролетарский праздник. Попрощавшись с товарищами, отец взял Тёму за руку и повел по набережной в сторону Каменного моста.

Достигнув Арбатской площади, Сергей Ильич с Темой перешли ее прямо по булыжной мостовой через трамвайные пути, направляясь к дому на углу Малого Афанасьевского переулка, в котором находилось почтовое отделение. Через вход на почту можно было пройти во двор дома, где в старой кирпичной трехэтажке они жили.

Доктор Наумов занимал высокую должность в Наркомздраве (тогдашнем всесоюзном министерстве), но ему с женой и двумя детьми была предоставлена лишь небольшая комната в коммунальной квартире и полутемный чулан, использовавшийся как детская спальня. Но недаром говорится: в тесноте — да не в обиде. Сергей Ильич и его жена Анна Михеевна были молоды, жизнелюбивы и, несмотря на скромный быт, очень любили принимать гостей.

Вот и теперь, по случаю Первомая, в доме готовилось праздничное застолье. А друзей и родичей у них было — хоть отбавляй! У одного Сергея Ильича две сестры и три брата, старше него была лишь Фаина. Да еще у Анны Михеевны две сестры. Младшая Инна, самая красивая из сестер, была не замужем и училась в Москве, в институте связи. Она и помогала сестре готовиться к приему гостей.

На сестер можно было заглядеться. Обе статные, голубоглазые, с вьющимися каштановыми волосами. Несмотря на то, что выросли в зажиточной семье киевского чиновника, сестры были хорошими хозяйками и вкусно готовили. Потому занимавший всю комнату праздничный стол, хотя выбор продуктов был и невелик, радовал глаз. Сегодня гостей ожидало еще одно шикарное блюдо, секретом которого они не владели.

— До чего же я люблю плов, — призналась сестре Анна, накрывая на стол. — Привыкла к нему, когда жили в Туркмении, а готовить как следует не научилась. А все потому, что готовила хозяйка, Нана; она меня к плите не подпускала. Но разве научишься, когда только смотришь? А этот сложный процесс можно освоить только практикой.

— Ну, ничего, Мамед уже его сготовил классно. Целый казан! — с довольной улыбкой заметила Инна. — На всех хватит. Ты любишь плов? — потрепала по волосам вертевшегося около них Тёму и спросила: — А почему Мамед остался на праздники в Москве? У него же там молодая жена скучает.

Но ответить старшей сестре не пришлось. Дверь приоткрылась, и в комнату заглянул улыбающийся Мамед.

* * *

Мамеду Рузаеву было около тридцати лет. Молодой секретарь ЦК компартии Туркмении был крупным худощавым мужчиной. Смуглое худощавое лицо очень красила белозубая улыбка и горячий взгляд больших, чуть на выкате черных глаз. Ворот белой шелковой рубашки был распахнут, обнажая загорелую шею. Одет он был по моде тех лет: полотняные белые брюки и парусиновые туфли.

Мамед протянул хозяйке небольшой сверток.

— Взял в правительственном буфете, Аня-джан, — пояснил он. — Думаю, за столом пригодится.

— Еще бы! — просияла Анна Михеевна. — Полюбуйся, Инночка, что раздобыл Мамед! Тут и рыбка, и отличная ветчина. — Недурно заботятся хозяйственники о нашем руководстве!

Она передала деликатесы сестре и спросила:

— А с кем ты сегодня встречался в Кремле, если не секрет? И почему не вернулся на праздники домой? Жена не обижается?

— Она знает, что у меня большие неприятности, Аня-джан, — не стал скрывать правды Рузаев. — Меня и вызвали в Москву для объяснений. Вот и сегодня был утром у большого человека, — он не стал называть его имени, — члена Политбюро, который старается меня защитить.

— Догадываемся, о ком говоришь, — включилась в разговор Инна, раскладывая на тарелки семгу и ветчину. — Неужели, Мамед, тебе понадобилась его защита? Тебе, герою войны с басмачами?

— И правда, чем же ты мог провиниться? Сережа знает об этом?

Рузаев был моложе ее мужа, но это не мешало их крепкой дружбе. Когда Сергея Наумова направили военврачом в Туркестан на борьбу с повстанцами-басмачами, то поселили на квартире у персиянки Наны, юные сыновья которой были активными участниками революции в Средней Азии. И после того как Сергей Ильич стал наркомом здравоохранения и женился, он продолжал жить с ними в одном доме. Совместная борьба за советскую власть и дружба семьями еще больше сплотила их, и они сохранили тесную связь и тогда, когда Наумова перевели в Москву, а Мамед стал видным руководителем республики.

— Я ему еще не говорил, так как сам не знал, в чем дело, — ответил

Рузаев и натянуто улыбнулся. — Не знаю за собой грехов, такой уж я безгрешный!

— Позволь в этом усомниться, — весело возразила Инна. — Всем известно твоё женолюбие.

— У нас это грехом не считается, — отшутился Мамед. — Аллах даже разрешил мусульманам иметь несколько жен.

— Так то мусульманам, а ты — видный руководитель тамошней компартии, — не сдавалась Инна.

— Ладно, не об этом речь, — посерьезнел Рузаев. — На меня поступил донос с более существенными обвинениями. Разумеется, ложными! — и, стараясь казаться спокойным, объяснил: — У меня возник конфликт с нашим главным чекистом. Он-то и настроил поклеп в ГПУ. Только сегодня об этом узнал. Не думал, что этот кровожадный маньяк на такое решится. Хотя, — добавил удрученно, — следовало бы. Ведь я требовал его замены.

— Зря ты с ним связался, Мамед. Он может здорово навредить, — опасно покачала головой Анна Михеевна, обладавшая не по-женски рассудительным прозорливым умом. — И в чём же он тебя обвиняет?

— В государственной измене и связи с вражеской разведкой, ни больше и ни меньше, — гневно выкатил глаза Рузаев. — Надо же такое придумать!

— Ну кто же поверит в такую чушь? — воскликнула непосредственная Инна.

— Представь себе, найдутся подлецы и карьеристы, — озабоченно произнес Рузаев. — Сейчас повсюду ищут изменников и вредителей. Даже там, где их нет.

— К тебе, Мамед, это никак не относится, — успокоительным тоном заметила Анна Михеевна. — Твоя жизнь у всех на виду и революционное прошлое славное.

В ответ Рузаев лишь тяжело вздохнул:

— Кто с этим сейчас считается, Аня-джан? Разве не видишь какие летят головы? Старых большевиков, героев революции и Гражданской войны.

— Сам понимаешь, — понизила голос Анна Михеевна, — это борьба за власть. А ты в этом не участвуешь. Так что поклеп против тебя очевиден!

— Не скажи, Аня-джан, — угрюмо покачал головой Рузаев. — Этот гад ловко подтасовал факты. У наших, сама знаешь, родственники живут по обе стороны границы. Конфликт и возник из-за того, что он мешал мне создавать национальные кадры, арестовывая моих выдвиженцев «за связь с

иностранной разведкой» как шпионов. Разумеется, без оснований, чтобы показать начальству служебное рвение.

— Но почему же его не сняли, раз без оснований? — наивно спросила Инна. — Ты же, Мамед, там самый главный!

— А еще — грамотная комсомолка! — укоризненно посмотрел на нее Рузаев. — Должна бы знать, что чекисты на особом положении. Будь такая возможность, этого подлеца у нас давно духу не было бы. Он ведь своей «бдительностью» только восстанавливает население против советской власти.

— И все же... какие у него против тебя могут быть факты? — усомнилась Анна Михеевна. — Ведь их легко проверить!

— Конечно, в доносе в основном его собственный нелепый вымысел, но клевета искусно разбавлена фактами моего заступничества за арестованных и их освобождения по моему требованию.

— Ну и что, раз они были невиновны? — все так же наивно спросила Инна.

— Этот негодяй пытками добивался от них самоговора, — понуро объяснил Рузаев. — Потом арестованные отказывались от своих «признаний», но в делах они сохранились. Так что, — со вздохом заключил он, — придется оправдываться!

— Да уж, в неприятную историю ты попал, — сочувственно вздохнула Анна Михеевна. — Но я уверена, Мамед, что скоро все выяснится! Советую обсудить это дело с Горбаком. Николай Петрович обещал сегодня заглянуть к нам на огонек. Он получил второй ромб в петлицу и пребывает в отличном расположении духа.

Даже маленький Тёма знал, что хороший друг их дома Николай Петрович — очень большой чекистский начальник, тесным знакомством с которым его папа и мама дорожили и гордились.

* * *

Уже начало смеркаться, когда покончили с едой и выпивкой и по общему желанию перешли к танцам. Сергей Ильич принес свою гордость — маленький, изящный патефон, привезенный из командировки в Париж, и пластинки, среди которых были модные фокстроты и танго. Стол отодвинули к стене, и Тёма с сестрой Лелей, ненамного старше его, устроившись в уголке на диване, с интересом наблюдали, как разгоряченные вином молодые пары с энтузиазмом выделывают

замысловатые па.

Сергей Ильич танцевать не умел и занимался патефоном. Зато его холостые братья — инженер-строитель Борис и учившийся в одном институте с Инной Илья отлично танцевали. Илья, очень похожий на старшего брата, энергично ухаживал за подругой невестки — миниатюрной Беллой. Закончив курсы английского, они вместе работали переводчицами у британских инженеров, строивших в Москве шарикоподшипниковый завод. Широкоплечий Борис танцевал со своей девушкой, худенькой и застенчивой Ирой, на которой собирался вскоре жениться.

Очень любившие танцевать сестры обзавелись постоянными кавалерами. Партнером у Анны Михеевны был смуглый Мамед, а у Инны — кудрявый богатырь Горбак. Николай Петрович, недавно разошедшийся с женой, был «вольным казаком».

Когда устроили перерыв и сестры принялись убирать со стола, чтобы подать гостям чай, Горбак и Рузаев присели на диван передохнуть, и Мамед, стараясь не выдать волнения, сказал:

— Хочу, Коля-джан, спросить у тебя совета. Может, слышал, что твой коллега Сидорчук накатал на меня «телегу»? Я просил его от меня убраться, потому что мешал работать, вот и мстит. Ну и хочу знать: стоит ли мне подождать, когда проверят и убедятся, что это поклеп? Или надо принять контрмеры против этого подонка? Тебе ведь лучше известна обстановка.

— Сидорчук — карьерист. За это к вам и загнали, — остро взглянул на Рузаева Николай Петрович. — Сам знаешь, какая сейчас развернута кампания. Моему руководству такой компромат очень кстати, — предупредил он. — Ждать нельзя: потом может быть слишком поздно! Твоя жизнь в опасности.

— Но что я могу сделать? — уже не скрывая волнения, спросил Рузаев.

— Многое, — коротко ответил Горбак. — Срочно собери и на него компромат. Наиболее убийственные факты. Свидетельства, что под тебя копает. И вперед — в атаку! С подлецами иначе нельзя. — Он понизил голос: — Постараюсь тормознуть это дело. Чтобы не спешили с выводами. Но знай: сам рискую головой! И еще один совет. Если арестуют, упорство ничего не даст, кроме мучений. А спасти может только ложное признание.

— Это как же? — не понял Мамед.

— Очень просто, — невесело усмехнулся Горбак. — Наговори сам на себя такого, чего добивается следователь, но чего никак не могло с тобой случиться в действительности. И докажи это на суде! Понял?

— А что — будет суд? — недоверчиво поднял брови Рузаев.

— Непременно! — заверил его Горбак. — Скорее всего ты предстанешь перед тройкой во главе с членом Политбюро. Ее-то и нужно убедить в несуразности этой лжи.

Их разговор прервала Анна Михеевна.

— Прошу к столу! Попробуйте, какой мы с Инночкой испекли роскошный пирог! А вам я принесу кусочек в вашу комнату, — обратилась к детям. — Время уже позднее, пора спать.

Сын и дочь недовольно фыркнули, но все же послушно слезли с дивана. Тёма задержался в коридоре, привлеченный возней доносившейся из-за открытой двери в их спальню. Он потихоньку туда заглянул и был поражен увиденным.

Его дядя Илья и маленькая тетя Белла вели себя чудным образом. Он за дверью прижал ее к стене так, что оторвал от пола, и она повисла на нем, обхватив сзади ногами. Дядька продолжал ее тискать так, словно хотел пригвоздить к стене, а бедная тетенька стонала. Тёма уже хотел было от испуга заорать, но тут они неожиданно помирились и стали целоваться.

Ничего не понимая, Тёма пошел к своей кроватке, и лишь много лет спустя до него дошло, чем занимались дядя Илья с тетей Беллой за дверью их спальни.

* * *

Маленький Тёма очень любил, когда мама брала его с собой на базар. Она ходила туда за продуктами, но всегда покупала своему сынишке чего-нибудь у кустарей, торговавших там своими изделиями. Крытый колхозный рынок на Арбатской площади располагался за кинотеатром «Художественный» и был одним из лучших в Москве. Торговые ряды в нем находились под стеклянной аркой. Там всегда было чисто, полно товаров и хорошо пахло фруктами.

Вот и на этот раз, сделав необходимые покупки, Анна Михеевна подвела сына к кустарному ряду — выбрать очередную игрушку. На прилавке было разложено столько всего, что у Тёмы разбежались глаза. Но матери надо было успеть приготовить обед, и она его поторопила:

— Ну давай, сынуля, выбирай то, что нравится! У меня дома дел по горло.

— Хочу мишек, что дрова пилят, — наконец выдавил из себя раскрасневшийся Тёма, — и еще птичку на резинке.

— Выбирай что-нибудь одно. У меня денег не хватит, — потребовала

мать.

Но Тёме не хотелось расставаться с игрушками, которые он уже бережно прижимал к груди.

— Поче-ему? — заканючил он, и его глаза наполнились слезами.

— Потому, что я все деньги истратила на продукты для обеда, — как взрослому объяснила Анна Михеевна, и строго приказала: — Выбирай одно из двух, и побыстрее!

— Тогда ми-ишек, — сквозь слезы объявил Тёма, со вздохом положив птичку на прилавок.

Но когда мать проверила оставшиеся деньги, оказалось, что их хватает только на эту птичку.

— Бери свою птицу и пойдём, — Анна Михеевна расплатилась с продавцом. — Нам уже пора быть дома.

— Не отда-ам! — во весь голос заревел Тёма, не в силах расстаться с игрушкой, которую уже считал своей. — Не нужна мне эта птица!

— Вы уж извините, — огорченно бросила Анна Михеевна продавцу, с трудом отнимая у Тёмы игрушку.

— Знаете что? Возьмите обе! — сжалился над ребенком старик-кустарь. — Долг вернете в следующий раз.

— Нет! Нельзя потакать его капризам. Поиграешь пока птичкой, — строго сказала сыну. — А будешь хорошо себя вести, куплю и медвежат.

— Но почему, мамочка? — еще сильнее зарыдал Тёма. — Ведь дедушка их нам отдает! — он не мог понять, зачем должен расстаться с полюбившейся игрушкой.

— Потому, что нельзя все иметь сразу. И перестань реветь! — приказала Анна Михеевна, отгаскивая его от прилавка.

Горе Тёмы было безутешным. Ноги домой не шли, а глаза не могли оторваться от оставленных им деревянных медведей. Матери надоело тащить его за собой, и она пригрозила:

— Немедленно перестань реветь и упираться! Не то выброшу и птичку.

— Вы-ыбрасыва-ай, она мне не ну-ужна-а, — продолжал реветь Тёма, еле передвигая ногами.

— Ах так? — уже не на шутку рассердилась Анна Михеевна и в сердцах бросила птичку в нишу подвального окна, мимо которого они проходили.

Посмотрев туда, куда упала его птичка, Тёма понял, что все потеряно. Чтобы не проваливались прохожие, глубокая ниша была сверху накрыта стальной решеткой, и достать оттуда игрушку было невозможно. Ему стало

до смерти ее жаль, и он с горя повалился на асфальт, не желая идти дальше.

Анна Михеевна была молодой, физически сильной женщиной и попыталась волоком дотащить сына домой, уже было до дома рукой подать. Но когда перетаскивала его через трамвайные пути, Тёма уцепился руками за рельсы и оторвать его от них она не могла. Эта сцена немедленно собрала толпу зевак, кто-то потешался над тем, как мучается мать, не в силах справиться с капризным ребенком. Какие-то сердобольные старушки ей посочувствовали и помогли дотащить его до дома.

На беду, отец в этот день приехал обедать пораньше, и, когда очевидцы рассказали, что произошло на площади, он, поблагодарив их за помощь, сразу же достал свой ремень. Анна Михеевна, которая никогда физически не наказывала сына и всегда отнимала, когда муж заслуженно его порол, на этот раз не мешала свершению возмездия. И хотя сердце у нее обливалось кровью, слыша отчаянные вопли провинившегося, она все вытерпела и, вспоминая учиненное им безобразие, лишь сказала, утерев слезы: «Надеюсь, что такое больше не повторится».

В тот момент Анна Михеевна даже думать не хотела, что жестокую экзекуцию придется повторить снова, и еще не один раз.

* * *

Гоголевский бульвар, протянувшийся от Арбатской площади к храму Христа Спасителя, в погожие майские дни был всегда полон народу. Там обычно гуляла со своей немецкой группой и Софья Ивановна Шмидт. Дети носились вокруг памятника русскому писателю, бегали наперегонки по аллеям бульвара, играли в классы и прыгали на широких ступенях лестницы, ведущей к храму, построенному на Народные деньги в ознаменование великой победы над Наполеоном в Отечественной войне 1812 года.

Пока дети играли, Софья Ивановна сидела на лавочке, следя за ними бдительным оком, вела неторопливые беседы со старушками-сверстницами, как и она выгуливавшими своих чад. Темы были самые разные, но в последнее время все больше разговоры велись о решении снести храм Христа Спасителя и на его месте возвести символ новой эпохи — Дворец Советов.

— Это ж какое варварство — храм взорвать! Как можно так гневить Бога? — ужасались старушки. — Разве нельзя построить новый дворец в другом месте? Зачем разрушать исторический памятник?

— Новое замечательное здание, увенчанное огромной скульптурой Ленина, будет самым высоким в столице и еще лучше ее украсит, — заученно убеждала их Софья Ивановна. — А ставят его на месте храма — как символ построения нового мира на обломках старого.

Приятельницы не соглашались.

— Ты же сама, Сонечка, окончила гимназию и институт. Ну как можно наплевать на свободу совести, на тысячелетнюю историю России? Нельзя сохранить нравственность без веры!

— Религия — опиум для народа, — заученно проповедовала старая большевичка. — И мы вместо церковного мракобесия дадим народу новую мораль строителей коммунистического общества.

— Ничего себе мораль — разрушать храмы и памятники истории, — ворчали приятельницы, боясь высказать свое осуждение более резко. — За это Господь жестоко накажет наш народ!

Пока старые дамы спорили и сокрушались, глядя на гордо высившиеся над городом, сверкающие на солнце золотые купола обреченного храма, ребяташки бегали неподалеку, казалось бы беззаботно играя. Но и у них уже были не совсем детские заботы. Так у Тёмы появилось доселе неведомое ему томительное чувство — любовь к девочке Маше из группы, с которой они вместе гуляли на Гоголевском бульваре.

Эта длинноногая девочка, дочка каких-то советских дипломатов, недавно вернувшихся из-за границы, по-видимому, была старше Тёмы и не обращала на него никакого внимания. И хотя он, движимый своим нежным чувством, старался ей понравиться, подавая мячики и потерянные ею игрушки, Маша упорно этого не замечала и за все время не удостоила его ни единым словом.

Эта детская Тёмина любовь, если ее можно назвать таковой, осталась без ответа, хотя до поступления в школу он продолжал думать о Маше, ощущая сладкое томление и частенько повторяя слова из популярной песни Леонида Утесова:

Как много девушек хороших,
Как много ласковых имен...
...сердце, тебе не хочется покоя...

Ужасное событие, о котором в Москве ходило столько разговоров, все же произошло. Над столицей прогремел оглушительный взрыв страшной силы, потом еще и еще, и массивный, величественный храм Христа Спасителя, казалось построенный на века, рухнул, превратившись в бесформенную груду обломков. Эхо мощных взрывов заглушило на время стоны и плач сотен тысяч верующих, которые еще многие годы спустя продолжали скорбеть, моля Бога о прощении сородичей, совершивших это злодеяние.

Маленький Тёма в это время играл вместе с другими детьми в своем дворе, совсем недалеко от места взрыва. Хотя то, чем они занимались, вряд ли можно было назвать игрой. Скорее это напоминало жестокое побоище: вооружившись деревянными мечами, игрушечными ружьями и пистолетами, мальчишки безжалостно лупцевали друг друга, разбивая в кровь носы и царапая руки и ноги. Называлось это у них все же — играть в войну.

Когда раздался первый взрыв, потрясший окрестности, перепуганные жильцы высыпали на улицы. Узнав, что произошло, старухи подняли вой, а остальные хмуро переговаривались, опасаясь открыто высказывать свое возмущение случившимся. К тому времени добровольное доносительство уже всюду процветало и могли арестовать даже по анонимному навету.

Вопреки категорическому запрету родителей, Тёма, вместе с другими ребятами, перебежал через трамвайные пути и понесся по бульвару к месту взрыва. Там еще не успело осесть плотное высокое облако пыли. Все кругом было оцеплено милицией, которая с трудом сдерживала толпу верующих. В основном это были старые люди, среди которых выделялись лохмотьями нищие и юродивые. Многих Тёма видел на папертях храма, когда гулял там со своей группой. Они причитали и плакали, потрясая костылями.

— Погодите! Бог еще вас, злодеев, накажет! Пропала Россия! — слышались в толпе негодующие выкрики.

Но Тёма долго глазеть на это не мог. Он уже опомнился и, боясь, что если узнают родители, то ему снова грозит порка, опрометью побежал домой.

Глава 2

Шпиономания

Страна жила во вражеском окружении, в одиночку строила свое «светлое коммунистическое будущее». А вокруг буржуи-капиталисты жестоко угнетали и преследовали наших братьев по классу, со всех сторон засылали шпионов и диверсантов, чтобы выведать военные секреты и подорвать мощь пролетарского государства. Им помогали недобитые враги советской власти — кулаки и прочие предатели, а доблестные пограничники и чекисты, рискуя жизнью, их ловили.

Об этом писали газеты, говорили по радио и показывали в кино, в которое любили ходить по выходным родители и часто брали с собой детей. Тёма еще до школы научился читать стихи, а в первом классе уже с выражением их декламировал. Особенно ему нравилось такое:

...В глухую ночь, в полночный мрак
Посланцем вражьих банд
Переходил границу враг,
Шпион и диверсант...

В кино враги и шпионы маскировались под честных, хороших людей. Часто кого-нибудь убивали и пользовались их документами. Но бдительные граждане помогали чекистам разоблачать это отродье. А на границе самыми лучшими помощниками бойцов были собаки-овчарки. После того как Тёма посмотрел замечательный фильм «Джувльбарс», он стал мечтать о четвероногом друге, и он так упорно приставал к отцу, что Сергей Ильич не выдержал и купил ему породистого щенка.

К сожалению, Рекс не был немецкой овчаркой, как Джувльбарс, но этот красивый доберман-пинчер сразу ему понравился, и он не терял надежды вырастить из своего щенка полезного служебного пса. Отец сказал, что эту породу за отличный нюх и смелость издавна прозвали «полицейскими собаками».

Тёма без устали дрессировал Рекса и подолгу выгуливал в надежде, что тот сумеет «вынюхать» какого-нибудь врага и шпиона и прославит на все страну своего наставника. Однако этим мечтам не суждено было осуществиться и вовсе не потому, что в действительности некого было

ловить. В скором времени произошло сногшибательное событие, которое окончилось весьма плачевно.

В одном классе с Темой учился рыжеволосый мальчик Витя Старостин, с которым они подружились в первый же день учебы. Хотя он был рослым и крепким, на перемене его, как обычно всех рыжих, стали дразнить. Не стерпев обиды, он полез драться, но враги превосходили числом и ему пришлось бы туго, не приди на помощь Тёма.

Драки в их арбатском дворе были непременно сопровождением «военных» игр и основным методом разрешения споров. Раздавая тумаки направо и налево, он отогнал ребят от конопатого Витьки, чем сразу завоевал авторитет у пострадавшего.

— Ты чего это растерялся? — покровительственно спросил Тёма, видя, что у того из носа текут кровавые сопли. — Такой здоровый, а не можешь справиться с мелюзгой. Дал бы им пару хороших пенделей — и порядок!

— А я не привык драться, — смущенно признался Витька. — Мне раньше не приходилось.

— Это почему? — удивился Тёма. Ему такое было непонятно.

— Мы жили в Японии, на территории посольства. Мой папа был там военным атташе, — объяснил Витька, вытирая нос платком. — Нас, детей, там было мало, и мы не ссорились.

— Значит, ты жил у самураев? — поразился Тёма. — Вот здорово! Расскажешь? — он хотел было сразу приступить к расспросам, но прозвенел звонок на урок, и им пришлось вернуться в свой класс.

С тех пор они с Витькой стали неразлучны. Оказалось, что живут они совсем рядом. Старостины занимали две комнаты большой коммунальной квартиры в доме по Гоголевскому бульвару, не более пяти минут ходьбы от Малого Афанасьевского переулка. А их школа, бывшая Медведковская гимназия, находилась совсем близко, в Староконюшенном. И после уроков мальчишки, сговорившись, часто бегали вдвоем играть на бульвар: днем родители работали, а старшие сестры были заняты своими делами.

На противоположной стороне Арбатской площади, на углу улицы Фрунзе и Гоголевского бульвара, за высокой кирпичной стеной располагались здания, занимаемые Генштабом Красной Армии. Высокие металлические ворота то и дело открывались, впуская и выпуская черные служебные автомобили. Охрана проверяла документы и отдавала честь.

В этот несчастливый для них день Тёма и Витька после школы отправились на бульвар поиграть в снежки. Погода была чудесная, был легкий морозец. Мальчишки носились вокруг памятника Гоголю,

укрываясь от крепких снежков, а когда устали, присели передохнуть на лавочку. Им и в голову не пришло, что за ними внимательно наблюдают.

Довольно молодой еще мужчина, с усами и небольшой интеллигентной бородкой, в скромном драповом пальто и барашковой шапке, внешне походил на учителя. Он не спеша прогуливался по аллее, словно кого-то ждал, а когда заметил, что мальчишки уселись на лавочке, подошел и мягким, вкрадчивым голосом заговорил:

— Что, хлопцы, умаялись? Могу предложить вам более интересную игру.

Поскольку Тёма и Витька молча тарасили на него любопытные глаза, он изящным жестом фокусника извлек из кармана объемистый пакет.

— Это очень вкусные конфеты, «Мишки». Ведь любите их? — растянул губы в улыбке «учитель» и объяснил: — Устраиваем соревнование. На время. Кто за час запишет больше номеров автомобилей, которые будут проходить через вон те ворота, — указал жестом на Генштаб. — Все равно в какую сторону. Каждый получит столько конфет, сколько запишет машин, а победитель сверх того еще пять! Устраивает?

Витька с Темой переглянулись. Предложение им понравилось — тем более что «Мишки» они очень любили и ели их лишь иногда, по большим праздникам. Поняв, что ребята клюнули на приманку, «учитель» тем же ловким движением достал два листка бумаги и карандаши, по-видимому приготовленные заранее.

— Постарайтесь записать номера разборчиво, чтобы можно было проверить. Я знаю, какие машины туда ездят. Через час буду ждать на этом месте, а пока где-нибудь погреюсь. Время засек. — И показал рукой на большие уличные часы.

Не долго думая и не теряя времени, мальчишки взялись за дело. Они бегали по площади и вблизи улицы Фрунзе, стараясь каждый раньше другого записать номера нужных автомашин. Прошло более получаса, когда Артема, вертевшегося у самых ворот, остановил высокий человек в дубленом полушубке.

Он крепко взял Тёму за рукав:

— Ты чего это делаешь, пацан?

— Номера записываю, — честно признался Тёма и взмолился: — Отпустите, дяденька, а то проиграю!

— Не думаю! — возразил «дяденька». — Отпущу, если скажешь, что это за игра.

— Мы с Витькой соревнуемся, кто больше запишет, — чуть не плача, объяснил Тёма. — Нам за это «Мишек» дадут. Ну вот! Теперь он выиграл.

— А я говорю — не выиграет, — серьезно заверил его дядька. — Это вон тот шкет, что за машиной побежал? Ну-ка, позови его сюда! — строго приказал он. — Ваша игра кончилась!

— Это почему? — спросил было Тёма, но осекся, увидев его суровый взгляд. — А вы, дядя, из милиции?

— Считаю, что угадал, — коротко бросил высокий в полушубке. — Зови своего приятеля! Будем разбираться, что это у вас за игра.

Тёма отчаянно замахал руками, и друг, заметив, что его держит за рукав какой-то мужик, боязливо подошел. Он уже догадался, что игра их — плохая и им за нее попадет.

— Давай-ка сюда свой листок, — приказал Витьке «дядя милиционер». — И скажи: кто придумал эту игру? Мне очень интересно это знать.

— Какой-то... мужчина... в барашковой шапке, — запинаясь, пролепетал Витька. — Мы около Гоголя... снежками бросались, а он... предложил нам... игру. «Мишки» обещал. — Не выдержав, он заплакал.

— Ладно, не хнычь, — прикрикнул на него дядька. — Опиши, как он выглядит? Ты вроде бы потолковей, — приказал он Тёме.

— Невысокий, с бородой и усами. В очках, — послушно выполнил его требование мальчик поняв, что «Мишек» им с Витькой не видать, как своих ушей. — Через десять минут обещал вернуться.

Но разумеется, никого там уже не оказалось, и высокий отвел перепуганных мальчишек в какой-то дом на улице Фрунзе, в котором была детская комната, хорошо обставленная и полная разных игр.

— Поиграйте здесь вдвоем, пока за вами не придут, — наказала им женщина, она была в форме, какую носили чекисты. — Вы плохо поступили, послушавшись незнакомого человека, — не удержавшись, укорила она их. — Но виноваты в этом не вы, а ваши родители.

Только через час первыми забрали Тёму. Анна Михеевна и Сергей Ильич выглядели очень расстроенными. Видно, им здорово досталось от чекистов. Не сказав ни слова, они увели сына, а дома его ждала такая порка, после которой ему еще целую неделю было больно сидеть, но, сознавая свою вину, Тёма терпел и не жаловался.

* * *

В стране продолжалась ожесточенная кампания поиска и разоблачения замаскировавшихся шпионов и внутренних врагов советской власти.

Судили и уничтожали троцкистов и бухаринцев, различного рода вредителей в промышленности и на селе. Народ призывали к бдительности.

Школьникам ставили в пример Павлика Морозова. Этот юный сельский пионер помог вывести на чистую воду своих родных, которые прикидывались честными тружениками, а на деле были злейшими врагами социалистического строя. Узнав, что они готовят вредительство, маленький патриот донес на своих родителей и его за это убили. Пресса и печать превозносили Павлика как героя.

Вскоре и Тёме выпал шанс в некотором роде повторить подвиг Морозова. На период зимних каникул его отвезли к бабушке и дедушке в Лосинку. Так все называли станцию Лосиноостровскую. Родители отца, вместе с его незамужней сестрой Феней и младшим братом Димой, делили половину верхнего этажа бревенчатого барака с семьей участкового милиционера Коршунова. Илья и Борис прописаны были там же, но предпочли общежитие, и приезжали в Лосинку только по выходным.

Дедушка Илья, кряжистый бородатый старик с добрым взглядом светло-голубых глаз, столярничал в мастерской и его сыновья Боря, Илюша и Дима, как дети рабочего, беспрепятственно прошли в институты. В отличие от Инны, которой для поступления в вуз пришлось из-за своего непролетарского происхождения зарабатывать «рабочий стаж» на стройке.

Столяр дедушка был превосходный и умел из дерева делать все. Особенно разного рода лодочки и корабли. Тёме он выточил пару деревянных коньков, которые прикручивались к валенкам, на них можно было легко кататься по снежному насту зимних дорог. Дед был немногословен, пространных разговоров с внуком не вел, но, приходя с работы, любил с ним повозиться, якобы пробуя силу, и мастерил все, что тот попросит.

Бабушка же, которую все называли «баба Ада», была очень общительна, обо всем Тёму расспрашивала и много рассказывала сама. Плотная и маленькая, с живыми черными глазами и приветливой улыбкой, она была признанным лидером у окрестных старух. И хотя баба Ада была малограмотной, как тогда говорили «темной», к ней постоянно приходили за советом и утешением.

От нее-то Тёма и узнал, что дедушка не всегда был простым столяром. Оказывается, до революции Илью Самойловича Наумова знали в Астрахани как богатого купца второй гильдии, делавшего лучшие на Волге бочки для засолки рыбы. Благодаря этому отец Тёмы и старший сын, погибший на Германском фронте, окончили университеты еще в царское время, а дочери были одними из самых богатых невест — не то, что теперь.

Вскоре открылась еще одна, куда более ужасная тайна. Дедушка с бабушкой жили под одной крышей, однако мира между ними не было. Дед только отдавал ей заработанные деньги и питался вместе со всеми, но почти не разговаривал и спал на лежанке за перегородкой, где у него был верстак. Как Тёма выяснил после одной из перебранок между старшими, произошло это на религиозной почве. Вернувшись к обеду и снимая коньки в коридоре барака, он услышал, как старики ссорятся.

— Никогда не прощу, что предал веру наших отцов! — горячилась бабушка. — Ну ладно еще — в царское время. Если б не стал выкрестом, то дороги тебе не было бы. И мне пришлось это терпеть, втайне молиться нашему богу и соблюдать обряды. Но теперь-то никто тебе не мешает!

— Я не флюгер какой-нибудь, чтобы вертеться во все стороны, — упрямо возражал дед. — Думаешь легко мне было переходить в другую веру? Но раз уж сделал это и стал православным, то им и помру.

— Чего же ты теперь в церковь не ходишь? — резко упрекнула баба Ада. — Сколько лет туда таскался, даже в хоре пел.

— Не хожу потому, что одна на всю Лосинку и далеко, — ворчливо ответил дед. — Да и молодежь над верующими смеется. Но Бог един, и он у меня в душе.

— Значит, хочешь умереть вероотступником? — непримиримо повысила голос бабушка. — Не будет тебе на том свете покоя!

— Как знать, Ада? — стоял на своем дед. — Вот партийцы утверждают, что Бога нет, и все это поповские выдумки. Увидим, когда там окажемся.

— Богохульник! — возмутилась бабушка — А говоришь, что — верующий.

Поняв, что больше ничего интересного не услышит, Тёма оставил коньки в коридоре и, обмахнув веником снег с валенок, вошел в жарко натопленную комнату.

* * *

Окончательно просветил Тёму его ровесник, соседский Николка Коршунов. Был он рослым в отца-милиционера, долговязого, как «дядя Степа» — героя детского стихотворения Михалкова. Хотя Николка был крупнее и весил больше, Тёма его почти всегда побеждал, так как был половчее и сообразительнее.

В тот день с утра, вместе с другими ребятами, они строили во дворе

снежную крепость. Вдоволь набежавшись, Николка, который был в курсе всего, что происходило в округе, поманил Тёму пальцем.

— Пойдем, что тебе покажу! — сказал с видом заговорщика. — Тут один мильтон, что вместе с моим папкой служит... В общем, женился... и они днем, — он замялся, покраснев, — это самое... ребенка делают. Хочешь посмотреть?

Тёму уже жутко интересовало то, как «делают детей». Тоже покраснев, он молча кивнул, и Николка повел его к соседнему бараку. Перебравшись через невысокий забор, утопая в снегу, пацаны добрались до окна на первом этаже и прикинули к стеклу. Зрелище было такое, что им мог позавидовать любой эротоман!

Прямо перед их глазами, на старинной двуспальной кровати с никелированными шариками занималась любовью совершенно голая молодая пара. Это были молодожены, которые даже днем, как уже известно было всем соседям, находили время для секса. Несмотря на малолетство, Тёма и Николка отлично знали, чем они занимаются, хотя и не понимали, почему затрачивают столько усилий и мучительно стонут. Но смотреть было очень интересно!

От этого увлекательного занятия их оторвал окрик вышедшей из дома бабки, и ребята бросились наутек. Они порядком озябли и отправились к Николке, чтобы отогреться и поиграть в тепле. Его отец и мать были на работе, и друзья, сбросив пальто и валенки, прямо на полу занялись борьбой, устроив в комнате изрядный кавардак.

— А ты знаешь, что твоя баба Ада — жидовка, и все старухи, которые всегда у нее толкуются, тоже? — спросил Николка, когда они, подустав, сидели, отдуваясь после очередного поединка. — Мамка говорит, что жида пьют кровь христианских младенцев.

Тёма попробовал представить свою маленькую симпатичную бабушку в образе злой ведьмы, и это было столь дико и невероятно, что он пришел в негодование.

— *Думай*, что говоришь! Не то дам леща и дружить не буду, — заявил он приятелю. — Чтоб моя бабушка такое могла — это надо придумать!

— А чего тогда у бабы Ады всегда старухи собираются и какие-то праздники не наши справляют? — въедливо спросил Николка. — Ты ничего не знаешь, но мы-то, как соседи, все видим. Неужто твой дедушка тоже жид?

— Ну и дурак же ты! — разозлился Тёма. — Как он может быть жидом, когда у него на шее крестик висит? Разве ты не знаешь?

— Знаю, конечно, — немного растерянно согласился Николка. — И в

церкви деда Илью видели. Но твоя бабка крестика не носит! — нашелся он.

Тёма сразу вспомнил подслушанный разговор бабушки с дедом и огорченно подумал, что, похоже, его приятель говорит правду. Но конечно, кроме крови христианских младенцев. Не найдя лучшего выхода, он небрежно бросил:

— Все это, Николка, глупости! Нас с тобой чему в школе учат? — Тёма с видом превосходства посмотрел на приятеля. — Никакого Бога нет. Его попы выдумали, чтобы охмурять народ. Дед это понял и не ходит в церковь. А бабушка — очень умная. Она раньше его это поняла. Вот и крестик не носит.

Однако в том, что Николка прав, он убедился очень скоро, когда вместе с родителями приехал в Лосинку накануне праздника Пасхи.

* * *

Христианская Пасха не совпадает с иудейской. Но оба светлых праздника доставляют много радости верующим, так как им предшествует длительный пост, после которого можно вволю разговеться, и поэтому готовится много вкусной еды. На этот счет бабушка Ада была большая мастерица. Помимо традиционной мацы, она делала замечательное хрустящее печенье «хворост», превосходно готовила любимые еврейские блюда: «фиш-картошку», фаршированную рыбу и еще много такого, чего, как говорится, пальчики оближешь.

Именно поэтому, хотя верность своей религии в семье сохранила она одна, на ее вкусный праздник обычно собирались все дети, за исключением младшей, Киры. Приехав погостить к брату, когда Сергей Ильич еще работал в Ашхабаде, она вышла замуж за его коллегу-врача, родила двоих детей, да так и осталась жить в дальних южных краях.

Из Туркмении они выезжали крайне редко.

Вот и на этот раз в Лосинке за столом в большой комнате барака было тесно. Мало того, что старший сын привез всех своих, но и Борис, успевший получить квартиру и жениться, прибыл к матери вместе с женой Ирой: она уже была на шестом месяце беременности. Баба Ада с Феней наготовили всего полным-полно, каждый из гостей обладал здоровым аппетитом, и за столом было весело и шумно. Говорилось много тостов и обсуждались текущие дела.

Разговоры вертелись вокруг прихода к власти в Германии Гитлера и начавшегося там фашистского террора.

— Да уж, твою Пасху там сейчас вряд ли кто-то празднует, — объяснил матери Борис. — Нацисты считают евреев людьми второго сорта, грозят уничтожить, устраивают облавы и погромы. Бросают их вместе с коммунистами и прочими противниками режима в концентрационные лагеря!

— Им надо дать по рукам, пока силы не набрали и не сломили дух немецких антифашистов! — горячо произнес Илья, активный комсомолец, мечтающий о вступлении в партию. — Надо объявить Гитлеру войну и оказать интернациональную помощь коммунистам, пока их там всех не перебили. Я первый пойду добровольцем!

— Не готовы мы воевать, — возразил ему Борис. — Ведь только начали строить современную систему укреплений. Я как раз этим сейчас занимаюсь. И армию надо перевооружать. Нашей славной конницей немецкие танки не одолеть!

— А как же в кино мы всех побеждаем? — скромно подал голос младший из братьев, студент Дима. — Разве наша авиация, наши летчики не самые лучшие в мире?

— Летчики-то хорошие, но Боря прав, — сказал свое веское слово Сергей Ильич. — Наша промышленность только начинает набирать обороты, страна еще не оправилась от голода, да и братским компартиям приходится помогать. Не готовы мы еще к новой войне! — Он поднял свой бокал и провозгласил тост.

— Давайте лучше сначала укрепим свое государство, построим процветающее общество у себя. Выпьем же за победу коммунизма в *отдельно взятой стране!* Ленин учит, что это возможно!

Все дружно выпили, хорошо закусили и молчавшая во время разговора о политике баба Ада с нескрываемым скепсисом произнесла:

— А вы что, дети, и правда верите в победу этого, — она запнулась, произнося трудное слово, — коммунизма? Сколько лет об этом все талдычат, а чтобы это все сготовить, — указала рукой на стол, — я на базаре за один раз истратила столько, сколько мой дед за месяц зарабатывает. — И не без ехидства добавила: — Вот вы у меня все такие партийные, а мою Пасху уважили. И молодцы. А ваши вожди — непутевые, раз веру преследуют. Бог не даст им удачи!

Ее слова вызвали легкий шок, и Сергей Ильич, как старший, счел нужным внести ясность.

— Мы здесь собрались не Пасху праздновать, тем более еврейскую, а чтобы повидаться и поесть твоей вкусной стряпни. А раз ты сама об этом заговорила, то и я скажу прямо, — нахмутив брови, посмотрел он на

мать. — Не делом ты занялась, что собираешь у себя верующих старух. На всех нас бросаешь тень! Вот отец ведет себя умно — за что ему большое спасибо.

Но маленькая баба Ада обладала сильным характером.

— Господь накажет вас, безбожников. Совсем загнали народ! Разве так люди жили при прежней власти? Вот ты, Сергей, вроде большой начальник, а ведь еле с семьей перебиваешься! Ты дай людям хорошую жизнь, а не энтот... тьфу, — опять запнулась старуха, — коммунизм.

Братья, как по команде, переглянулись, и в их испуганных глазах можно было прочесть: «Не дай Бог кто-нибудь услышит!». Первым опомнился Борис.

— Ну, мама, ты и даешь, — строго произнес он. — Не смей нигде высказывать такое! Даже своим старухам! Ты же не хочешь закончить жизнь в тюрьме и всех нас потащить за собой?

Наступило тяжелое молчание, но по виноватым глазам бабы Ады было видно, что она сожалеет о своей вспышке. Поэтому на политические темы больше не говорили.

* * *

Всю ночь валил снег, но наутро выглянуло солнце, и Анна Михеевна предложила детям пойти на прогулку. Тёма охотно согласился, а Леля отказалась наотрез. Очевидно, ей хотелось еще немного поспать.

Тепло одевшись, не спеша отправились по протоптанной тропинке в сторону железнодорожной станции. Стоял легкий морозец, и долгое время шли молча, с наслаждением вдыхая чистый сельский воздух. Но когда повернули обратно, Тёма не выдержал и спросил то, что давно вертелось у него на языке:

— Мам, а это правда, что баба Ада жидовка и против советской власти?

— Это кто же тебе сказал такое? — поразилась Анна Михеевна.

— Сам слышал, что она у себя старых жидовок собирает, а вчера против вождей говорила. — Тёма решил не выдавать своего друга Николку. — Я же, мам, не маленький!

— Не смей так говорить! — сердито одернула его Анна Михеевна. — Только плохие люди и фашисты обзывают евреев жидами. Тебя же учат, что все нации равны. Ты — октябренок и должен быть интернационалистом. Не надо стесняться того, что баба Ада еврейка! И великий вождь всех

трудящихся Карл Маркс был евреем.

— Выходит, и он тоже жид? — вытаращил глаза Тёма.

— Да потому, что евреи ничуть не хуже других людей, и среди них есть те, каких почитают миллионы, — уже спокойно объяснила ему мать.

Ее доводы обескуражили Тёму, но оставалось главное сомнение, которое не давало ему покоя.

— Но ведь правда, что бабушка против советской власти? Ты ведь слышала, что она вчера говорила, — снова пристал он к матери. — Они с дедом ненавидят революцию, потому что раньше были богачами и у них все отняли. Баба Ада сама мне рассказывала. Выходит, они — скрытые враги?

Анна Михеевна так растерялась, что не нашла слов для ответа и лишь смотрела на сына, словно увидела впервые. А Тёма продолжал излагать то, что тяготило его детскую душу.

— Разве честно выдавать себя за рабочего? Какой же дедушка рабочий, если раньше был купцом? — забросал он мать вопросами. — Выходит, и папа, и дяди всем врут, что они из рабочих, а на самом деле — из класса угнетателей, но это скрывают?

— Да что с тобой, сынок? Почему тебя это беспокоит? — не на шутку обеспокоилась Анна Михеевна. — Никто ничего не скрывает! Дедушка Илья, как ты знаешь, простой рабочий-столяр. Какая тебе разница, кем он был раньше?

— Ну как ты, мамочка, не понимаешь? Вот нам в школе все это объяснили, — назидательным тоном ответил Тёма. — Как оказалось, дедушка Илья и баба Ада — представители класса эксплуататоров, скрытые враги советской власти. Их надо разоблачать и не давать никому пощады!

— Даже если это твои родные? — не веря своим ушам, переспросила его Анна Михеевна. — Ты можешь такое сделать по отношению к своим близким? К деду и бабушке, которые тебя так любят?

Ее взволнованные слова смутили Тёму, и он ответил уже не так уверенно:

— А почему же нет, мама? Вот Павлик Морозов так и сделал! Нам всем его приводят в пример, как настоящего героя.

— Ну, что же, сыночек. Вопрос этот очень серьезный. — Анна Михеевна справедливо решив, что к продолжению разговора нужно привлечь мужа: — Мы его хорошенько обсудим дома, в Москве. Надеюсь, что папа все тебе объяснит лучше, чем я.

При упоминании об отце, Тёме стало не по себе, у него сразу

зачесалось то место, которое обычно подвергалось наказанию ремнем. Он быстро сообразил, что, если отец узнает о его намерении разоблачить бабушку и деда, наверняка учинит жестокую порку. Утешала лишь мысль, что скорее всего не до смерти и его не постигнет судьба Павлика Морозова.

* * *

Еще до отъезда домой по мрачным взглядам отца Тёма понял, что мама ему обо всем рассказала. Поэтому, прощаясь с родными в Лосинке, и в дороге ни о чем не мог думать, кроме грозившей ему экзекуции. Он был уверен, что как только за ними закроются двери квартиры, папа, как обычно безо всяких разговоров, возьмется за ремень. Но на деле все произошло совершенно иначе. Они сначала пообедали, потом родители прилегли отдохнуть в своей комнате, а детей отправили в их чулан. И лишь когда сестра ушла к подружке, у них с отцом состоялся мужской разговор.

— Значит, если я правильно понял маму, ты решил последовать примеру Павлика Морозова и донести на своих родных, — присев к нему на постель, без всякой угрозы в голосе спросил он сына. — А ты уверен, что этот мальчик поступил правильно?

Поскольку Тёма не осмелился ответить и лишь утвердительно кивнул, отец задал новый вопрос:

— А как у вас в школе, да и во дворе, ребята относятся к тем, кто ябедничает, доносит учителям и родителям на своих товарищей? Одобрят таких?

Тёма снова промолчал, начиная догадываться, куда клонит отец, а Сергей Ильич тем же ровным голосом продолжал:

— Думаю, как и мы в детстве, вы презираете ябед и доносчиков. Так чем же, по-твоему, от них отличается этот Павлик? — он пристально посмотрел на сына, с интересом ожидая ответа.

— Но... при чем же... они, папа? — проямлил Тёма. — Ведь Павлик Морозов — герой!

— Это ты сам так думаешь или, как попугай, повторяешь то, что говорят другие? — строго посмотрел на него отец. — Объясни: чем же тебе так понравился его поступок?

— Он поступил... смело. Разоблачил... врагов, — запинаясь, но все же упрямо высказал свое мнение Тёма. — Погиб... за общее дело.

— А кто же эти враги? И что они сделали?

— Его... родители. Они выступали... против... нашей власти, —

начиная терять уверенность в своей правоте, опустив глаза, пролепетал Тёма.

— Выходит, если услышишь, что мы с мамой не одобряем тех, кто сейчас нами правит, и решим бороться с властью, ты напишешь на нас донос? Смотри мне в глаза! — повысил голос Сергей Ильич. — Сделаешь так, чтобы нас посадили в тюрьму? И будешь считать себя героем?

Эти вопросы сразили Тёму, у него снова заныл зад в предчувствии порки.

— Ну что ты, папочка, — заканючил он. — Вы же... не против... советской власти, как дед и бабушка.

— А если бы были против, как бабушка? — не дал ему уйти от ответа Сергей Ильич. — Неужели ты сам додумался, что таких старых людей нужно сажать и расстреливать только за то, что они с чем-то не согласны и критикуют власть? Или не думая, как баран, делаешь то, что тебе говорят и велят?

Тёма виновато молчал.

— Ну, что молчишь? — уже мягче спросил отец. — Вижу: ты и сам теперь понимаешь, что был не прав. Предательство — отвратительно, какими бы высокими идеями и словами оно бы ни прикрывалось.

...Сергей Ильич вышел, а Тёма еще долго сидел, погружившись в глубокое раздумье. Преподнесенный ему словесный урок был куда убедительнее любой, самой сильной порки.

Глава 3

Дворец Советов

В летние месяцы семья Наумовых перебиралась из душного города на дачу. Анна Михеевна к тому времени уже преподавала английский и на каникулах была свободна. Но у Сергея Ильича был только один месяц отпуска, и дачу снимали в ближнем Подмосковье, откуда ему было недалеко до работы. В тот год члену коллегии дали путевку в санаторий Академии наук, находившийся на Калужском шоссе, в часе езды до центра, и жена с детьми переехали в деревню Узкое, недалеко от санатория.

Место было не только живописное, но и примечательное, поскольку Узкое представляло собой бывшее ближнее поместье графа Трубецкого, в господском доме которого теперь отдыхали и лечились академики. Деревня была за территорией усадьбы; роскошный парк тремя каскадами тянулся почти до самого Калужского шоссе. В каждом из них был вырыт пруд, причем в самом нижнем (и самом большом) можно было не только ловить рыбу и купаться, но даже кататься на лодках.

За деревней, отделенные полем ржи, на несколько километров раскинулись березовые и дубовые рощи, богатые грибами и ягодами. В каждом доме хозяева держали корову и продавали своим постояльцам молоко. В общем, Узкое идеально подходило для дачного отдыха и многие москвичи, особенно семьи академиков, выезжали сюда на лето постоянно.

Тем летом Тёме на даче было особенно хорошо, потому что к ним присоединилась старшая сестра мамы тетя Римма с дочкой Леночкой. Со своей кухней он был дружнее, чем с Лелей, поскольку она всегда за него заступалась. Только благодаря ей старшие ребята брали Тёму с собой в лес, тогда как Леля, боясь ответственности, всегда была против. Кроме того, им повезло на соседей.

— Боюсь, как бы соседи по даче не оказались спесивыми. Ведь нам все лето придется там жить, — сказала мужу Анна Михеевна перед отъездом и пояснила: — Будет скучно, если они станут перед нами нос задирать. Не смогу я с такими общаться.

Однако опасения эти оказались напрасными.

И академик Видов, их сосед по даче справа, и академик Газарян, большая семья которого поселилась напротив, сами пришли к ним знакомиться сразу же в день переезда. Особенно экзотичным было знакомство с армянами, которые отмечали день рождения дочери.

Наумовы только стали распаковывать вещи, когда их переполошил дикий визг, донесшийся с улицы. Выскочив из дома, они увидели, что во дворе напротив два черноволосых мужика, явно кавказского облика, режут молодого барашка. Его-то предсмертный крик они и слышали. Но совсем их dokonало то, что под струю свежей крови убиенного агнца подставили кружки и охотно стали ее пить.

Не выдержав такого зрелища, Наумовы вернулись в дом и продолжили свое обустройство. Но через какое-то время сквозь открытые окна стал проникать дразнящий запах готовящегося шашлыка, и все, почувствовав голод, позавидовали соседям, которые будут есть такую вкуснятину.

Их ожидал приятный сюрприз.

Раздался легкий стук в дверь, и, пригнувшись, чтобы не задеть притолоку, в горницу вошел высокий осанистый армянин. Широко улыбаясь, с кавказской простотой он предложил:

— Давайте, дорогие сасэди, познакомимся! Меня зовут Арам, а фамилия Газарян. Наверное, слышали?

— Ну как же, Арам Суренович, вы — человек известный, — приветливо ответила Анна Михеевна, регулярно читавшая газеты. — На вас держится вся наша архитектура!

— Это хорошо, что меня знаешь. А твой муж? Где он? — добродушно произнес академик. — Хочу пригласить вас на наш семейный праздник.

— Муж еще на работе. Будет вместе с вами отдыхать в санатории, — любезно улыбнулась ему Анна Михеевна. — Наумов Сергей Ильич. Может, слышали?

— Нэ знаю такого. Академия большая, — мотнул головой Газарян.

— Он не академик. Мой муж — начальник Главсанупра Минздрава, — сообщила ему Анна Михеевна и сочла нужным добавить: — Дипломированный врач, окончивший Казанский университет.

— Нужный нам человек, — еще шире улыбнулся академик. — Будэм ждать! Через полчаса садимся за стол.

— Но нас много, Арам Суренович! — смутилась Анна Михеевна. — Я, моя сестра и еще трое детей.

— Это нэ много. Нас побольше будет, — весело рассмеялся Газарян. — Ждем вас, и мужа позовем, как приедет.

Вот так они попали сразу «с корабля на бал».

Вечером того же дня, когда вся семья во главе с Сергеем Ильичей пила чай из большого пузатого самовара, к ним пожаловал еще один гость. Валентин Мефодьевич Видов был сухощав и подвижен, его серьезное интеллигентное лицо совершенно преобразалось, когда он широко улыбался своим большим ртом, обнажая крепкие и ровные зубы. Наумовы знали академика по портретам в газетах, которые в последнее время много о нем писали. Крупный специалист по железобетонным конструкциям, Видов возглавлял строительство Дворца Советов.

— Прошу извинить за вторжение, — с порога заявил Валентин Мефодьевич, — решил вот, по-соседски, зайти. Сразу должен признаться, что у меня к вам, Сергей Ильич, деловой интерес.

— Очень рад познакомиться! Если не секрет: как вы узнали, что я здесь? — живо откликнулся хозяин. — Может, выпьете с нами чашечку чаю?

— С превеликим удовольствием! — охотно согласился академик, подсаживаясь к столу. — Люблю чай из самовара, но редко это получается. Никто из моих домашних не любит с ним возиться, — добродушно пожаловался он и добавил: — А о том, что вы свой отпуск проведете в нашем санатории, мне сказали в Наркомздраве.

За чаем, к которому по случаю знакомства добавилось распитие графинчика водки, академик очень интересно рассказывал о своей недавней командировке в США. Он туда ездил для консультаций по строительству высотных зданий и был полон впечатлений.

— Чего греха таить, у них там — совсем другая жизнь! И технический уровень неизмеримо выше. Подкосили нас Гражданская война и разруха. Отстали мы от Америки лет на сто, — с сожалением констатировал Валентин Мефодьевич. — Мой папаша царствие ему небесное, сказал бы, что это — кара Господня. Я ведь, знаете ли, происхожу из «жеребьячьего сословия». Он у меня был архиереем.

Тема была скользкой, и Анна Михеевна постаралась перевести разговор на предметы, не связанные с политикой.

— А что вы оттуда привезли, кроме строительного опыта? — она лукаво улыбнулась. — Расскажите подробней: чем порадовали жену и детей? У нас ведь такой товарный голод! А в «Торгсине» есть хорошие вещи, но их продают только за валюту.

— Да уж, накопил всякой всячины. Всего и не перечесть. Ведь у нас, считайте, ничего не было, — как бы оправдываясь, ответил Валентин Мефодьевич. — Вы заходите, моя супруга все это покажет, — нашелся академик. — А моим двойняшкам, Борису и Глебу, привез все, что просили:

от педального автомобиля до карандашей с ластиками.

— Вы сказали, что у вас ко мне деловой вопрос, — напомнил Видову Сергей Ильич.

— У меня на стройке свирепствует санинспекция. Мне и без нее забот хватает, — нахмурившись, объяснил Видов, — а тут приходится еще тратить время и нервы, чтобы преодолеть их запреты.

— Неужели они выставляют столь непреодолимые требования? — удивился Сергей Ильич.

— Дело не только в этом, хотя в наших условиях выполнить их нелегко. Вся беда заключается в гнилом, зыбком грунте, на котором мы возводим высотное здание. Это — болото, полное сточных вод, которые дают зловонные испарения. Санинспекция не только запрещает кормить рабочих в таких условиях. Она, — а это сейчас стало модой, — возмущенно повысил он голос, — обвиняет администрацию во вредительстве!

— Но не лучше ли будет выполнить их требования и организовать питание в другом месте? И потом, эти обвинения, — пожал плечами Сергей Ильич, — слишком несолидные, чтобы их принимать близко к сердцу.

— Это на первый взгляд, поскольку дело обстоит серьезнее, — хмуро пояснил академик. — Из-за никудышного грунта у нас треснул фундамент, почему меня и командировали срочно в Америку. Уже тогда пошли разговоры о вредительстве.

Он сделал паузу и добавил:

— Если возить рабочих на обед, надо увеличить время перерывов, а это грозит срывом сроков строительства. Но требования санинспекции не обоснованы, и жалоб от рабочих нет. В этом убедится любая объективная комиссия!

— Хорошо, Валентин Мефодьевич, я об этом позабочусь, — обещал именитому соседу Наумов и, усмехаясь, спросил: — А что, может, и правда — это проклятое Богом место, на котором так и не удастся больше ничего построить?

— Досужие домыслы! Ведь стоял же там храм Христа Спасителя, и мы тоже сумеем построить Дворец Советов, — решительно отверг мрачные прогнозы академик. — Современные наука и техника дают такую возможность. Хотя, — на его лицо набежала тень, — если у нас снова лопнет фундамент, тогда и я поверю, что этого не желает сам Господь!

Больше о делах не говорили; все дружно расспрашивали соседа о том, куда надо ходить за грибами и ягодами и где лучше удить рыбку.

— Неужто, Анечка, снова будет война? Ведь из-за нее, проклятой, я мужа потеряла, — посетовала Римма Михеевна, когда они стряпали на даче обед. — Болезнь Саша развилась как следствие полученных им тяжелых ранений. — Ее муж Александр Сальников был героем Гражданской войны, соратником легендарного Щорса, установившего советскую власть на Украине. В мирное время он стал большим начальником, но скоропостижно скончался от болезни, оставив молодую вдову с ребенком на руках. — Если бы Саша был жив, то сражался бы на стороне испанских коммунистов, как это делают сейчас многие герои Гражданской.

— Верно, так бы оно и было, — согласилась Анна и с сомнением в голосе добавила: — И все же напрасно, мне кажется, столько средств и сил мы тратим на помощь зарубежным коммунистам. Нам ведь никто не помогал делать революцию. По-моему, это нас разоряет. Ходим раздетые и разутые, завидуем тому, как живут за границей. Лучше бы сделали богаче и сильнее свою страну! Тогда бы, может, и фашисты поостереглись на нас нападать.

— Брось, Аня! Не так уж плохо мы живем. Слава Богу, не голодаем и одеты не хуже других, — возразила Римма, не вышедшая еще из роли жены красного командира. — У всех есть работа, и государство о нас заботится.

— Очень много оно о тебе заботится! Разве ты можешь прожить на пенсию, что получаешь за Сашу? А ведь он жизнь отдал за советскую власть. Может, вам с дочкой хватает тех грошей, которые получаешь на работе? — Анна укоризненно взглянула на сестру: — Не власть ты должна благодарить, что вы одеты не хуже других, а Вадика!

Она попала в точку. Римма смущенно замолчала, понимая, что если бы не регулярная помощь их старшего брата, то они с дочерью влачили бы нищенское существование. Вадим Михеевич был кадровым офицером, и революция застала его в Маньчжурии. Не приняв новой власти, он не вернулся на родину и жил в Шанхае, работал клерком в банке. Брат был холост и присылал Римме, которая вела с ним переписку, посылки и валюту.

— Зря ты мне завидуешь, Аня! — только и нашлась, что сказать, старшая. — Если бы ты ему написала, и тебе бы Вадим помогал. Но ведь ты сама от него отказалась, — в ее голосе был упрек, — когда не указала в анкете, что у тебя есть брат. А чего было скрывать? Он ведь не служил у белых, как Сережа.

— Типун тебе на язык! — испуганно осадил ее Анна. — Надеюсь, у тебя хватит ума больше нигде об этом не упоминать. Неужто не понимаешь, почему я скрыла в анкете про Вадика? — Она перевела дыхание и уже более спокойно добавила: — Тебе ведь, Риммочка, как лаборантке поликлиники ничего не грозит. А меня за связь с заграницей вышибут с преподавательской работы, а Сережу уж точно снимут с должности!

Анна умоляюще посмотрела на сестру.

— И заклинаю тебя: о том, что он короткое время был в армии Колчака, ты — никому! Его же тогда мобилизовали, и через месяц ему удалось бежать. Понятно, что в анкетах Сережа об этом умолчал. Иначе нигде бы ему ходу не было!

— Да о чем ты, Анечка! — успокоила ее старшая. — Разве я могу вас с Сережей предать? Никогда никому не проговорюсь!..

* * *

То лето в Узком выдалось особенно сухим и теплым. В такую отличную погоду дел у ребят было хоть отбавляй. Вместе со старшими сестрами Тёма ходил в походы по соседним рощам за грибами и земляникой. С близнецами Борисом и Глебом играл в прядки, в расшибалочку, катался на велосипеде. Отец им привез из Америки очень красивые, сверкающие никелем, с толстыми цветными шинами. Но и у Тёмы был детский велосипед «Украина», на котором он, фасоня перед девчонками, лихо раскатывал без рук.

Но самую большую радость доставляла дружба с хозяйкиным сыном Васькой — тот брал его с собой на рыбалку и отвести коней в ночное. Правда, сидеть подолгу с удочкой у Тёмы не хватало терпения, но зато нравилось ловить рыбу вершей. К радости его товарища, Сергей Ильич купил сыну настоящую, и мальчишки, тайком от посторонних глаз, ставили ее на ночь в укромном уголке пруда. Их добычей был в основном мелкий карась, но ребята с гордостью несли домой свой улов и с удовольствием уплетали хрустящие косточки — Анна Михеевна очень вкусно жарила карасей в сметане.

Что касается ночного, то это огромное удовольствие, которое Тёма познал впервые, выпадало ему не часто. Лошадей было мало, а деревенских мальчишек много и ему, как городскому, редко доставалась уздечка. Но уж когда везло, впечатление было незабываемое. Пацаны, сидя

верхом без седел, неслись на пастбище галопом, представляя себя лихими красными конниками. Как всегда, в хорошем было и плохое. У тощих колхозных кляч были такие острые холки, что зады мальчишек стирались в кровь. Даже от редких поездок у Тёмы образовались струпья, и матери пришлось их лечить.

Тёма не был завистлив и не испытывал досады, когда не имел того, чем обладали его товарищи. Правда, у большинства из них и не было ничего такого, чему можно позавидовать. Но его соседи Борис и Глеб обладали тем, о чем он давно несбыточно мечтал. У них были духовые ружья! Добрые ребята, они по очереди давали ему пострелять в птиц и лягушек, но от этого еще больше хотелось приобрести свое.

— С ружьем даже не приставай! — отмахивался от его настойчивых просьб Сергей Ильич. — Оно слишком дорого стоит. Потом, эта прихоть у тебя быстро пройдет. Что ты с ним будешь делать зимой?

— Хочу стать ворошиловским стрелком! Я метче Борьки и Глеба, а у них есть, — не отставал от него сын. — Мне нужно! Чтобы лучше бить фашистов.

— Ну, положим, воевать тебе придется еще нескоро, — пришла на помощь мужу Анна Михеевна. — А пока можешь ходить в тир.

Однако никакие их доводы не могли утешить Тёму, так сильно ему хотелось иметь свое ружье. Казалось бы, его мечта была неосуществима, но совершенно неожиданно судьба ему улыбнулась. К ним в Узкое приехали снимать кино! Настоящий большой фильм с участием знаменитых артистов и, конечно, про шпионов. Назывался он «Ошибка инженера Кочина», а роль главного чекиста в нем играл сам Михаил Жаров.

Быстро возвели павильоны и поставили необходимые декорации для съемок, а отдыхающую публику, даже детвору, предприимчивые киношники использовали в массовке. Дело нашлось и для Глеба, и для Бори с Темой — им надлежало разъезжать на своих велосипедах туда-сюда перед павильоном, изображавшим придорожное кафе. А сестры вместе с другими дачниками сидели за столиками в роли посетителей.

То ли кадры движения на дороге впоследствии вырезали, то ли, может, они слишком быстро промелькнули, но, когда фильм вышел на экраны, разглядеть там Тёму было невозможно. И хотя товарищи в Москве, которых он заранее оповестил о своем дебюте в кино, из-за этого сочли его хвастуном, заработанных им денег вполне хватило на заветную покупку.

Со съемками кино у Тёмы было связано и другое яркое воспоминание. В это время к ним на дачу приехала отдыхать тетя Инна. Ей, красивой и яркой, конечно, предложили принять участие в массовке, и студентка института связи не отказалась от возможности немного подзаработать. Общительная и остроумная, она была на короткой ноге как с режиссерами, так и с артистами.

Даже сам Михаил Иванович Жаров заметил Инну и оказывал ей заметное внимание. Прославленный народный артист со всеми держался очень просто и в перерывах между съемками, сидя на лавочке, охотно фотографировался с участниками массовки. Огромного роста, он был в красивой форме чекистов — синих галифе и серой коверкотовой гимнастерке. У Тёмы осталось на память несколько таких снимков, которые он с гордостью показывал всем ребятам.

В один из перерывов Михаил Иванович фотографировался на лавочке со своими младшими коллегами из массовки. Справа от него сидела Инна, а слева — блондиночка Капа. Но Тёма заметил, что почему-то за талию он своей большой рукой обнимал только его тетю. Этого оказалось достаточно для того, чтобы она поссорилась с приехавшим их навестить Горбаком.

Тёма уже знал, что Николай Петрович ухаживает за тетей Инной и они в скором времени собираются пожениться. Их свадьба откладывалась только из-за того, что им пока негде жить. Свою квартиру Горбак оставил прежней жене, временно перебравшись к холостому товарищу по работе. Ему обещали дать новую, но он ее еще не получил. А в маленькой комнатке, которую занимала тетя Инна с бабушкой Верой, им было бы слишком тесно.

Николай Петрович подошел к съемочному павильону именно в тот момент, когда Жаров перед фотокамерой демонстративно обнимал его невесту, и ему это, по-видимому, не понравилось. Почти такого же роста, как Михаил Иванович, так же как и он облаченный в синие галифе и серую коверкотовую гимнастерку, Горбак выглядел как двойник народного артиста.

— Инна! На одну минуточку, — громко позвал он ее издали.

— Коленька! — обрадованно воскликнула Инна, вскакивая с места.

Она подбежала к Горбаку и повисла у него на шее. Но суровый чекистский начальник не любил обнажать свои чувства перед публикой и, отстранив ее, язвительно произнес:

— Тебе по роли положено обниматься с Жаровым или это импровизация? По-моему, у вас сейчас перерыв.

— На сегодня у меня съемки закончены, — ответила Инна, словно не замечая его ревности. — Мы можем хоть сейчас пойти с тобой гулять.

— Ты не ответила, почему так нежна с Михаилом Ивановичем. Тебя располагает к нему наша форма? — честный и прямодушный, Горбак не умел лицемерить и носить обиду в себе.

— Уж не вздумал ли ты меня ревновать, Коля? — Инна поняла, что объяснения не избежать. — Ну как мне может нравиться актер в форме чекиста, — прильнула она к нему, — когда у меня жених — самый что ни на есть настоящий?

Характер у Горбака был жесткий, и обид он не прощал.

Он молча повернулся и зашагал к деревне — мимо поля, на котором уже колосилась рожь.

Тетя Инна немного постояла в растерянности и побежала его догонять, а Тёма последовал за ними, желая знать, чем кончится их ссора. Он видел, как она поравнялась с Николаем Петровичем, как они возбужденно спорили, отойдя к краю поля, а потом Горбак схватил ее, повалил, и они скрылись во ржи. Не на шутку испугавшись, мальчик бросился к ней на помощь, но, раздвинув высокие колосья, застыл как вкопанный, не зная, куда глаза девать. Ничего его тете не угрожало. Наоборот, на спине лежал дядя Коля, а она сидела на нем верхом и они с азартом, как он это уже хорошо знал, занимались любовью.

Боясь, что его заметят, Тёма хотел было ретироваться, но запретное зрелище было столь захватывающим, что оторваться не смог и, затаившись во ржи, продолжал наблюдать за их конвульсивными движениями. Он уже знал, что секс — это любимое времяпровождение взрослых, но многого не мог взять в толк.

В Тёме уже начинал просыпаться мужчина, и его все чаще стали посещать эротические фантазии. Все чаще ловил он себя на том, что глядя на девочек и женщин, испытывает вождление.

* * *

Сергей Ильич Наумов ошибался, считая свое служебное положение выше, чем у академика Видова. Его еще ни разу не приглашали на поле Тушинского аэродрома, где ежегодно праздновали День Воздушного флота. А Валентин Мефодьевич отправился туда всей семьей на машине, да еще

взял с собой и Тёму. Это был один из лучших советских праздников, проводился он в августе — самом сухом и жарком летнем месяце и, как правило, была отличная погода.

Обширное поле аэроклуба в Тушино было заполнено праздничной толпой приглашенных, а высокий берег Москвы-реки и железнодорожная насыпь также были усыпаны людьми, пришедшими целыми семьями полюбоваться воздушным парадом. Даже речные пароходы, став на якорь, ждали, когда начнется праздничное шоу. На специальной трибуне, защищенной от солнца, расположились почетные гости и члены правительства, а когда там появился Сталин, толпа пришла в бурный восторг.

Из репродукторов гремел марш воздухоплателей:

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,
Преодолеть пространство и простор.
Нам разум дал стальные руки — крылья,
А вместо сердца — пламенный мотор.

И действительно, все, что происходило на празднике, было сказочно красиво.

Сначала запускали разноцветные аэростаты и воздушные шары, потом мастера высшего пилотажа показывали всевозможные фигуры, в том числе и знаменитую «мертвую петлю» Нестерова. Но настоящий гром аплодисментов раздался, когда в небе появились летчики-истребители, демонстрируя слаженный групповой пилотаж. В прессе их иначе не называли, как «сталинские соколы».

В перерыве между праздничными номерами Валентин Мефодьевич покупал всем ситро, бутерброды и мороженое. Царило веселое оживление, было очень интересно находить и разглядывать в толпе именитых гостей — известных артистов и героев труда, о которых тогда много писали и говорили. А завершился парад воистину феерическим зрелищем — выброской массового воздушного десанта. Сначала высоко в небе появились большие тяжелые самолеты, из них, как горох, посыпались крошечные фигурки парашютистов. Потом над каждой из них раскрылся цветной зонтик парашюта, и они плавно приземлились на поле аэродрома.

Этот праздник врезался в память Тёмы как одно из наиболее ярких детских впечатлений еще и потому, что совершенно неожиданно закончился для академика Видова большими неприятностями. Они уже

собрались ехать домой и находились в машине, когда к Валентину Мефодьевичу, сидевшему рядом с водителем, подошел какой-то мужчина. Боязливо озираясь, словно он не хотел, чтобы это увидели, что-то быстро ему сказал и тут же, еще раз оглянувшись, растворился в толпе.

Обычно веселый и общительный, академик полдороги мрачно молчал, а когда сделали остановку и Борька с Глебом за компанию с водителем отправились в кусты по малой нужде, Валентин Мефодьевич коротко бросил жене:

— Плохи мои дела, Дарьюшка! В Узком меня уже ждут. Такой праздник испортили, мерзавцы.

— Кто тебя... ждет? — пролепетала перепуганная супруга.

— Будто не знаешь кто. Гепэушники. Снова дал трещину фундамент. Просто какой-то злой рок! Зря я связался с этой проклятой стройкой.

Его супруга Дарья Васильевна и сама сознавала, что это — конец, но все же попыталась подбодрить мужа.

— Только не надо падать духом, Валечка. Неужто ты, академик, не сможешь доказать, что не виноват в просчетах проекта? Сам же говорил, что грунт там ужасный. — И мягко добавила: — Ну снимут тебя с работы. Ославят. Сделают простым инженером. Жизнь на этом для нас не кончится.

— Если бы так, Дарьюшка! Если бы рассматривались только инженерные аспекты, — покачал головой академик. — Но здесь первую скрипку будет играть политика! Срыв строительства Дворца Советов — символа новой эпохи, народу не объяснишь только техническими причинами. Тем более что бытует мнение, будто это Богом проклятое место. — Валентин Мефодьевич, тяжело вздохнул: — Заранее предвижу, что объяснение будет одно — вредительство. В этом обвинят все руководство стройки и меня в первую очередь. В Чека состроят фальшивое «дело», на что они большие мастера, и это означает конец. Не надо обманывать себя, дорогая!

До приезда в Узкое они больше об этом не говорили. Но в доме его действительно ожидали двое крепких мужчин в штатском. Академика увезли, и больше Тёма его никогда не видел. А через пару дней съехала с дачи Дарья Васильевна, и Бориса с Глебом он встретил лишь спустя много лет.

* * *

— Кто бы мог подумать — милый, обаятельный человек, и на тебе —

оказался Главарем шайки вредителей, — недоумевал Сергей Ильич, читая газеты, сообщавшие о срыве стройки Дворца Советов по вине не дремлющего классового врага.

— Как бы и нас с тобой, Сережа, не начали таскать в ГПУ за соседство по даче, — тревожно отозвалась Анна Михеевна.

— Не должны, — постарался успокоить ее муж. — Всем ведь известно, что мы раньше и знакомы-то не были. Это и академик Газарян сможет подтвердить, — привел он убедительный довод.

— А ты веришь тому, что там и правда было вредительство? — с сомнением произнесла Анна Михеевна, понизив голос, хотя, если не считать Тёмы, в доме они были одни. — Не похоже, чтобы такой большой человек, всеми уважаемый академик был способен совершить диверсию. Ну зачем ему это было надо?

— Недаром говорят: чужая душа — потемки, — задумчиво ответил Сергей Ильич. — Конечно, человеку простому трудно понять, зачем люди, занимающие высокое положение, всем рискуют, чтобы добиться еще каких-то своих целей. Но ведь по радио передавали, что чекисты разоблачили поповский заговор, и это очень похоже на правду! Ты разве не слыхала?

Анна Михеевна штопала детям чулки, но, узнав эту новость, отложила свое занятие.

— Нет, и никто мне об этом не говорил. До сих пор много толкуют о том, что Бог проклял это место и не даст коммунистам построить там свой Дворец Советов. Выходит, цель вредительства — доказать народу, что так оно и есть? Я правильно поняла?

— В общем, да. Это вредительство представляют как поповскую месть за снос храма Христа Спасителя, — сообщил ей муж все, что знал. — Якобы представители так называемого «жеребьячьего сословия», к которому принадлежит и академик Видов, решили не допустить возведения там Дворца Советов. Мол, поэтому он и стал во главе стройки, чтобы ее сорвать. — Сергей Ильич грустно посмотрел на жену. — Довольно логично построена версия, не правда ли? Валентин Мефодьевич и не скрывал, что его отец был архиереем, — криво усмехнулся он и неожиданно добавил: — Вот поэтому я ей и не верю!

— Да что ты, Сережа! Почему? Думаешь, чекисты ошибаются, подозревая вредительство? Веришь, будто и правда это место проклято?

— И место не проклято, и ничего они не подозревают, Анечка, — с горечью объяснил ей муж. — Насчет вредительства — это все злостные выдумки, чтобы оправдать провал строительства. Видов — честный

человек! Грош мне была бы цена, как руководителю, если бы не умел разбираться в людях. Но какие-то инженерные ошибки академик явно допустил.

— А что тебя удивляет? — продолжал он. — Разве мало расстреляли достойных людей и за меньшие грехи, — он скорбно опустил голову. — У Мамеда тоже неприятности продолжаются. А ведь таких коммунистов, как он, на Востоке мало!

— Так что же это выходит? — еле слышно произнесла Анна Михеевна. — Неужели вредители завелись там, наверху?

— Скорее, беспощадные карьеристы, для которых жизнь человека — ничто! — нахмурился муж. — Им ведь нужно объяснить народу, почему допускается так много ошибок, почему до сих пор не видно плодов революции. Вот они и приносят в жертву часто ни в чем неповинных людей. Сейчас каждый может угодить в эту мясорубку!

— Но как же тогда они думают построить Дворец Советов, если пересаживают специалистов? Ведь академик Видов у нас самый лучший?

— А я теперь не уверен, что его и правда хотят построить. Слишком дорогое строительство, а у государства есть заботы и поважнее, — с усмешкой ответил Сергей Ильич. — Думаю, они от этой затеи уже отказались, а вину за погубленные средства решили свалить на строителей.

Тогда Тёма счел его слова святотатством, даже мысли не допуская, что строительство Дворца Советов может не осуществиться. И лишь через много лет убедился, что отец оказался прав.

Глава 4

Враги народа

Середина тридцатых вошла в историю как «годы сталинских репрессий», однако остается вопрос — правильно ли связывать их беспрецедентно массовый характер с именем главы государства. Слишком очевиден карьеризм подлецов, засевших в тогдашних органах безопасности, которые, стремясь выслужиться перед вождем, искусственно раздували размеры оппозиции режиму и беззастенчиво стряпали клеветнические дела против партийных и советских работников.

Особенно преуспел в этом и сыскал мрачную славу нарком внутренних дел Ежов. Развернутая этим кровожадным карликом кампания по уничтожению партийно-хозяйственного актива и военачальников так и называлась: «взять врага в ежовые рукавицы». Несомненно, вина Сталина, и немалая, есть в том, что дал слишком большие права и ослабил контроль за НКВД, что и привело к массовому террору. Но, ликвидируя своих личных врагов и противников режима, дальновидный политик не мог санкционировать поголовное уничтожение руководящих работников высшего и среднего звена советской власти и тем более командного состава Красной Армии.

Со своими личными врагами он расправился беспощадно, невзирая ни на какие заслуги. Даже с соратниками Ленина — Зиновьевым и Каменевым, а также с самим Троцким, который руководил Октябрьским восстанием в Петрограде и был главнокомандующим Красной Армией в Гражданскую. Загадочно погибли видные партийные лидеры Киров, Фрунзе и другие, которые могли быть его соперниками. Был уничтожен также Бухарин — молодой и очень популярный партийный идеолог. Все это были потенциальные конкуренты, угрожавшие его личной власти.

Но репрессировать широкие массы честного работавшего и преданного ему партийно-хозяйственного актива у Сталина не было необходимости. Тем более обезглавливать армию, уничтожая ее лучшие кадры в то время, когда страна готовилась к обороне от набирающего силу и все более наглюющего фашизма. Ходили упорные слухи, что массовые аресты военачальников во главе с героем Гражданской маршалом Тухачевским — это ловкая провокация германской разведки, подсунувшей НКВД клеветническую фальшивку, которую карьеристы подхватили и раздули.

Тем не менее по всей стране прокатилась волна массовых арестов

«врагов народа». Причем вместе с ними репрессировали также членов их семей. Один за другим шли громкие судебные процессы. Сначала — над «троцкистско-зиновьевской бандой», потом — над «военной оппозицией». Могли схватить любого, знакомого с арестованными, по доносу завистников и недоброжелателей. Люди жили в постоянном страхе. В любой день могли прийти.

Однако была надежда, что семью Сергея Ильича Наумова эта беда обойдет стороной. И для нее имелось веское основание: Инна выходила замуж не за кого-нибудь, а за крупного начальника, работающего в самом НКВД.

* * *

Николай Петрович Горбак носил два ромба в петлице, а это соответствовало званию «комдива» и указывало на его высокое служебное положение.

— Боюсь, как бы ты теперь не зазналась, Инночка, — полушутя сказала Анна Михеевна сестре, когда та в очередной раз заскочила к ней посоветоваться накануне свадьбы. — Ты ведь у нас становишься генеральшей, и теперь небось нос задерешь!

— Да ты что, Аня, какая там генеральша! — хмыкнула счастливая невеста. — И какой из Коли генерал?

— Самый настоящий! Командир дивизии — это в армии генерал. Высокий чин, — усмехнулась сестра. — Так что тебе есть чем гордиться.

— Твой тоже занимает высокую должность. Слава Богу, у нас нет этого — чиновничества, — небрежно махнула рукой Инна. — Между прочим, я, не в пример тебе, комсомолка и своего Коленьку люблю не за должность, а за то, что он, — она запнулась, подбирая слово, — очень милый!

— Выходит, у тебя с Николаем еще больше любовь, чем была с Леной? — не удержалась Анна Михеевна.

Видно, стрела попала в цель, потому что радостное выражение с лица Инны сразу исчезло. Леня, талантливый пианист, был другом юности сестры и, как догадывалась Анна Михеевна, ее первым мужчиной. Они уже собирались пожениться, когда неожиданно его послали на какой-то конкурс за границу и он оттуда не вернулся. Лишь спустя полгода от него с оказией пришло письмо с объяснениями, в котором он клялся Инне в вечной любви, обещая со временем и ее «вызволить из советской неволи».

К таким людям, которых называли «невозвращенцами», все относились как к предателям родины, и за связь с ними преследовали. Инна бурно переживала потерю любимого, была даже на грани самоубийства. Однако, сумев справиться со своим горем, не простила Лене того, что променял свою невесту на прелести зарубежного рая. Он еще долго пытался вести с ней переписку, но она рвала его письма не читая, и они перестали приходить.

— Леня всегда останется в моем сердце потому, что он — моя первая любовь, — честно призналась Инна старшей сестре. — Но только с Колей я ощутила, что такое женское счастье...

* * *

Замужеству Инны можно было позавидовать не только потому, что выходила за высокопоставленного чекиста с двумя ромбами в петлицах, имевшего хорошие продовольственные пайки и другие важные привилегии. Ему дали ордер на отдельную квартиру, что по тем временам было невероятным счастьем, такое редко кому выпадало. Для разношерстного народа, плотно населявшего коммуналки, проживание без соседей казалось несбыточной мечтой.

Горбак был скромным человеком и после развода с первой женой, просил лишь предоставить ему такую же комнату в общей квартире. Но в результате массовых арестов и конфискации имущества у «врагов народа» по всей Москве освобождалось много жилой площади и ему повезло. Предоставили не только двухкомнатную квартиру какого-то расстрелянного директора завода, но вместе с обстановкой и всем, что в ней было.

Николай Петрович и Инна из-за отсутствия жилья долго тянули со свадьбой, и тем более были счастливы, когда то, что предстало перед глазами, когда они приехали, получив смотровой ордер, превзошло все их ожидания. Квартира была небольшой, но очень уютной. И замечательно обставлена. И столовая со старинной мебелью из дуба, и маленькая спальня из светлой карельской березы.

Но особенный восторг у Инны вызвали два предмета в столовой. Пианино — она неплохо играла — и огромная, во всю стену, картина: скакуны в знойной пустыне. Было видно, что она принадлежит кисти большого мастера. Полы в комнатах были покрыты прекрасными коврами ручной работы.

— Как здорово, Коленька, что покупать ничего не надо, —

восхищенно блестя глазами, говорила Инна. — А не отнимут у нас всю эту красоту?

— Пока не отнимут, хотя все это принадлежит государству, — спокойно объяснил Горбак. — Сейчас просто девать некуда конфискованное. А со временем постараюсь выкупить многое, хотя боюсь, Инночка, что это окажется нам не по карману.

— А как же это оказалось по карману директору завода? Он ведь наверняка был коммунистом и получал партмаксимум, — удивилась Инна. — На такие гроши много не купишь, а обстановка — сплошь антиквариат.

— За это, думаю, его и расстреляли, что жил двойной жизнью, — недобро усмехнулся Горбак. — Хотя знаю лишь, что тот, кому принадлежала квартира, был инженер-путеец и арестовали его за вредительство. Может быть, он все это получил по наследству. Не знаю. Я к его делу даже не прикасался, — объяснил Николай Петрович, — чтобы не сказали, что у меня к нему шкурный интерес.

Николай Петрович и Инна еще больше часа провели в своей будущей квартире, рассматривая и обсуждая предметы обстановки, а также решая, куда и что надо переставить. Им очень понравилось, что большой дубовый стол широко раздвигается и, чтобы разместить всех гостей, приглашенных на свадьбу, достаточно будет приставить к нему маленький из кухни. Наверное, таким же образом поступали в торжественных случаях и прежние хозяева.

Если бы они только могли знать, что капризная, непредсказуемая фортуна от них уже отвернулась и ничему из этого произойти было не суждено!

* * *

За окнами уже начинало темнеть, когда Анна Михеевна, придя с работы, застала дома плачущую Инну. Лицо сестры опухло от слез, и было видно, что она близка к истерике.

— Что случилось, родненькая? Неужто поссорилась с Николаем? — испуганно спросила, опуская на пол тяжелые сумки с продуктами. — Перед самой свадьбой?

В ответ Инна разразилась рыданиями.

— Мы даже... не думали... ссориться. Но его... Анечка, — с трудом произнесла она сквозь слезы и, не в силах вымолвить страшное слово,

взвыла: — Арестова-али!

— Не может быть! — упавшим голосом пробормотала Анна Михеевна и, сразу ослабев в коленках от страха, плюхнулась рядом с сестрой на диван. — Когда его взяли? Сегодня? — еле слышно спросила она.

— Не зна-аю... со вчера-ашнего дня... его... не видела, — продолжала рыдать Инна. — Он... позвони-ил... сегодня. Очень... спешил-ил.

Анна Михеевна, очень любившая младшую сестру, не пыталась ее больше расспрашивать и, лишь приобняв, молча гладила по голове, чтобы хоть немного успокоить. Выплакавшись, Инна судорожно вздохнула:

— Ну что теперь делать, Анечка? Как жить дальше? Я без Коли не смогу!

— Ты мне скажи, как все случилось? — потребовала Анна Михеевна. — Ведь нас всех это касается!

Видно, Инна и сама понимала, в какое тяжелое положение их всех поставит арест Горбака, ибо перестала стенать и скорбным голосом сообщила:

— Я сегодня не пошла на лекции: прихворнула мама. Только взяла в руки конспекты, позвонил Коля. Наверное, тайком, потому что спешил. Всего несколько слов сказал. Что вызван на комиссию по делам, о которых я знаю, и, похоже, ему их не простят. Тогда это — конец!

— А еще... он... сказал, что, если... нам... не суждено... больше... свидеться, чтобы знала, — Инна захлебнулась слезами, — в его жизни самым лучшим... была я. Анечка! Сердце мне подсказывает, что я потеряла его навсегда, — она снова впала в отчаяние. — Я больше никого не смогу полюбить!

Внезапно она, видно, вспомнила что-то очень важное:

— Коля велел еще передать вам с Сережей, чтобы побереглись. Если он не вернется, то Мамеда с Бахрамом непременно арестуют. И эта старая связь может вас погубить!

— Ты не сказала мне, в чем обвиняют Николая? — настойчиво спросила Анна Михеевна. — Значит, у него уже были неприятности по службе? Он тебе о них говорил?

— Совсем немного, и просил не распространяться, — неохотно ответила Инна. — Да что уж теперь скрывать, — всхлипнула, вытирая платочком мокрые глаза. — Злились на него, что все время заступает за бывших боевых друзей, арестованных по делу о военной оппозиции. А они обвиняются облыжно. Он-то это хорошо знает. Потому и пытался спасти тех, с кем на фронте из одного котелка кашу ел.

— А как же тогда ему квартиру выделили? — удивленно вскинула на

нее глаза старшая сестра. — Хотя теперь, — махнула рукой, — об этом уже говорить нечего.

— Коля сумел доказать невиновность друзей. Их единицы, а арестовали уйму народу, — объяснила Инна. — Но некоторые коллеги обиделись и даже угрожали ему, чтобы не совал нос в чужие дела.

— Но как они могли ему отомстить? — поразилась Анна Михеевна. — Николай ведь там большой человек, все их приемы знает.

— Против лома нет приема. Разве не знаешь эту поговорку? Коля говорил, что опасается вот чего. Когда применяют пытки, даже стойкие бойцы ломаются и способны оговорить себя и товарищей. — И оглянувшись, словно опасалась, что их подслушают, шепотом сообщила: — Коля подозревал там одного. Тот вел дело его старого друга и отказал ему, старшему начальнику, в свидании с подследственным, прямо в глаза выразив недоверие. Он опасался, что этот карьерист подаст на него рапорт, как когда-то, после его приказа прекратить дело Мамеда. Тогда начальство их еле помирило.

— Вот оно что! Видно, так и есть. Комиссия, о которой упомянул Николай, наверняка разбирает клязу этого подонка. Выходит, уже вторую по счету, что усугубляет его положение. И если им сейчас недовольны, — голос у Анны Михеевны дрогнул, — все может закончиться очень трагично!

— А я что тебе говорю! — горестно прильнула к старшей сестре Инна. — Это конец!

— Нет! Я так не считаю, — задумчиво произнесла Анна Михеевна и как будто даже приободрилась. — Конец был бы тебе сестричка, если бы вышла замуж за Николая!

И, поскольку Инна недоумевающе смотрела на нее, широко раскрыв зареванные глаза, пояснила:

— Понимаю, сестренка, тебя вновь постигла личная неудача. Но это все же не смертельно! Вспомни-ка: ведь смогла ты пережить первую любовь? Сможешь пережить и это. А вот если бы успела выйти замуж, — она ласково прижала к себе младшенькую, — то тебя бы арестовали как жену врага народа, и тогда уж точно был бы конец!

* * *

— Бедная Инночка, — только и сказал Сергей Ильич Наумов, когда жена, встретив его в дверях, сообщила о постигшей их беде. — Вот уж

верно: пришла беда — открывай ворота! Мало мне своих неприятностей, а теперь вот и эта!

— А что, и у тебя неприятности на службе? — всполошилась Анна Михеевна. — Почему же, Сережа, ты мне об этом ничего не говорил?

— Потому, — неожиданно грубо отрезал муж. — Пойдем к себе! Там все и объясню. В пятницу на партбюро будут рассматривать мое персональное дело.

Новая беда, свалившаяся как снег на голову, так потрясла Анну Михеевну, что она едва не лишилась чувств. Но нервы у нее были крепкими, и молодая женщина сумела совладать с собой. «Что же такого мог натворить Сережа, раз хотел от меня скрыть, и за что его будут судить товарищи по партии? Наверное, я сейчас узнаю что-то плохое, — заранее пугалась она, — о чем он мне никогда не говорил». И оказалась права.

Первое, что сказал ей муж, виновато потупив глаза, когда они уселись рядом на своем любимом, покрытом туркменским ковром диване было:

— Мои неприятности связаны с прошлым, о котором я тебе не рассказывал дорожа нашей семейной жизнью, Анечка. — Жена настороженно молчала. — Ничего ужасного и оскорбительного для тебя в нем нет. Но и приятного тоже. Поэтому молчал. А когда оно вдруг неожиданно всплыло и обернулось для меня крупными неприятностями, — на его лице отразилась досада, — мне тем более не хотелось, чтобы ты об этом узнала. Думал, что все обойдется.

— Может еще и обойдется, Сережа? — не глядя на него, выразила надежду Анна Михеевна, уже не слишком желая все знать, так как интуитивно сознавала, что ничего хорошего не услышит.

— Боюсь, что нет! Добром для меня это не кончится, так как я в анкете скрыл такое, чего мне не простят, — уныло произнес муж, и она впервые увидела в его глазах слезы. — Сейчас как раз идет очередная «чистка» партии, и меня непременно выкинут, Анечка!

Только теперь, в трудную минуту их жизни, Анна Михеевна поняла, как ей близок и дорог муж. В ее душе поднялась волна жалости, она знала, что он — истинный коммунист и не мыслит себя вне партии. Движимая чувством солидарности, она теснее к нему придвинулась и, нежно взяв за руку, попросила:

— Ну, расскажи обо всем, Сереженька, тебе легче станет! Не бойся, я постараюсь тебя понять.

— Ладно, Анечка. Куда теперь от этого деваться? Я совершил непростительную ошибку и мне придется за нее расплачиваться. Несправедливо лишь то, что это коснется и тебя с детьми.

Жена молча приготовилась слушать, и он, глядя прямо перед собой, словно желая вновь увидеть картины прошлого, рассказал о том, что произошло задолго до их знакомства и женитьбы.

* * *

Юный Сергей Наумов только окончил медицинский факультет Казанского университета, когда разразилась Первая мировая война. Русская армия несла тяжелые потери, и его сразу призвали на военную службу по специальности, присвоив звание «вольноопределяющегося» и послав на фронт лечить раненых солдат. Это звание было введено для мобилизованных медиков из-за нехватки военных врачей и приравнивало их к офицерам.

Вот где у него была богатая практика! Чего только не приходилось лечить. Но Сергей был прилежным студентом, и полученные знания не пропали даром. Тем более что его окружали опытные военные медики. Беда была лишь в том, что не хватало медикаментов, да и смерть косила направо и налево, не щадя никого. За два года, проведенных на фронте, он и сам несколько месяцев провалялся в госпиталях после ранений, а последний раз — заразившись сыпным тифом.

В тот раз ему пришлось особенно тяжело, и он еле выкарабкался. В сыпном бараке каждый день кого-нибудь уносили на носилках вперед ногами. Вряд ли бы остался в живых и Сергей, если бы не сестра милосердия Настя. Статная, с симпатичными ямочками на полных щеках, она была внимательна ко всем больным офицерам, но о Сереже заботилась более других, очевидно, из-за того, что он был самым юным и вдобавок ее коллегой. Может быть, поэтому и выходила.

Милое лицо и пышная фигура Насти волновали воображение юного Сергея, особенно когда пошел на поправку. Она несомненно это заметила и на прогулке крепче, чем это требовалось, обнимала его своей сильной рукой за талию, прижимая к себе и как бы поощряя.

Однако тогда все кончилось ничем. Сергей почти не имел любовного опыта. Он был очень застенчив и совершенно не предприимчив по части женщин. Даже зная, что близок к успеху, он до самой выписки так и не решился на активные действия. Прощаясь, он горячо благодарил Настю за все и пожелал счастья, хотя по ее разочарованному взгляду понял, что не оправдал ее надежд.

— Как знать, может, еще свидимся? — только и нашел что сказать ей в

утешение. — Вот тогда, Настенька, все у нас будет по-другому.

В тот момент ни он, ни она, конечно, в это не верили. Сергей Наумов с легкой душой вернулся на фронт и, снова попав в эту мясорубку, совсем позабыл о Насте, не зная, вернется ли оттуда живым. Однако судьба распорядилась иначе. Через полгода они встретились вновь.

Когда фронт усилиями большевиков развалился и солдаты отправились по домам, вернулся в родную Астрахань и вольноопределяющийся Наумов. Месяц перекаптался в отчем доме, отдыхая и отъедаясь после полуголодной армейской жизни, но, активный по природе, без работы заскучал. И как только случайно повстречавшийся однокашник по университету, который к тому времени уже стал заведующим больницей в Самаре, предложил ему место лечащего врача, охотно согласился.

Неизвестно, как бы сложилась его жизнь, если бы не белогвардейский мятеж в Самаре. Молодой врач был увлечен своей работой и сторонился политики. После поражений на фронте он воочию убедился в гнилости царского режима, но идею: передать власть «кухаркам», то есть низшим слоям населения, тоже не признавал. Видя разорение отца, который добился богатства упорным трудом, не мог сочувствовать революции, призывавшей разрушить все «до основанья» и истребить господствующие классы, давшие России много великих людей, в том числе и вождя большевиков Ленина.

Когда его как врача мобилизовали в белую армию, он в силу необходимости подчинился, но с твердым намерением при первой же возможности удрать домой в Астрахань, так как не желал принимать ничью сторону. Однако удалось ему это не скоро. Скачала они с жестокими боями отступили на Урал. Было столько раненых, что приходилось работать сутками, и клятва Гиппократова не позволила ему бросить солдат в беде. Тем временем его часть оказалась уже в Сибири и вошла в армию Колчака.

Вот в Омске все и произошло. Приехав в городскую больницу за медикаментами и не получив необходимого, Сергей отправился к заведующей с тем, чтобы крупно поругаться, но, переступив порог кабинета, так и замер с открытым ртом. За маленьким столиком величественно восседала и смотрела на него круглыми от изумления глазами Настя, которая тоже узнала своего любимого больного.

— Это... ты? Вот... мы... и... встретились, — только и смог вымолвить Сергей. — Ну, что я тогда тебе говорил? — уже овладев собой, напомнил об их расставании. — Ты веришь в Провидение, Настя?

— Не очень, но теперь начинаю верить, — она охотно приняла его тон,

доказывая этим, что старая любовь «не ржавеет». — Какими судьбами? У Колчака служишь? — спросила, кивнув на форму, и улыбнулась: — Только не говори, что меня искал.

— Специально не искал, но и не забывал и часто думал о тебе, Настенька, — из вежливости соврал Сергей, отметив про себя, что она немного похудела и, пожалуй, выглядит еще аппетитнее, чем прежде. — А как ты? Наверное, забыла обо мне и думать?

— Разве забудешь тебя, такого красавчика? Черноглазенького, — покраснев, как прежде, бросила на него призывный взгляд Настя. — Но я думала, что мы больше не свидимся, и вышла замуж.

— Так ты, значит, замужем, — не скрывая разочарования, протянул Сергей и кисло добавил: — Ну что ж — поздравляю!

— Поздравлять меня не с чем. Как все рухнуло, да еще сожгли наше поместье на Украине, вышла с горя за раненого поручика и он привез меня сюда. А он, — поморщилась Настя, — оказался запойным пьяницей. — И, не скрывая злости, добавила: — Мы уже месяц как не живем вместе. Он интендант, и сейчас вымогает какую-то помощь у американцев во Владивостоке. Хорошо бы там и остался! Пусть тебя это не беспокоит! — и опять призывно посмотрела на Сергея. — Приходи вечером! Хочу знать, как ты жил.

* * *

Сергей Ильич не стал, разумеется, рассказывать жене о жарких бессонных ночах, которые он проводил тогда в Омске у Насти. Он был невысоким и худощавым, а она — дебелая и на полголовы выше ростом, однако в постели у них была завидная гармония. Оба обладали южным темпераментом и были столь ненасытны, что доводили друг друга до полного изнеможения. Хотя любовница неплохо подкармливала, чтобы не ослаб, за месяц непрерывных встреч он очень отощал и осунулся.

— Эта бабища загонит тебя до смерти, — посмеивались сослуживцы, его связь с врачом из горбольницы была всем известна, да и он перестал ее отрицать, хотя поначалу объяснял свои частые визиты к ней тем, что этого требует дело.

Наверное, так бы все и продолжалось, если бы положение на фронте не осложнилось и их госпиталь не решили передислоцировать к месту ожесточенных боев. К тому времени пребывание в армии белого генерала сделалось для Сергея невыносимым, и он все чаще подумывал о том, чтобы

дезертировать. Он не мог мириться со зверскими расправами колчаковцев над красноармейцами и населением и не желал быть их соучастником. Но подходящего случая все не было, да и что греха таить: его все еще держали в крепком плену объятия Насти.

Но вот наконец-то такой шанс у него появился. Возникла проблема с перевязочными материалами, и понадобилось срочно отправиться в Ташкент. Закупки больших партий обычно делал сам начальник госпиталя, но он приболел, и неожиданно выбор пал на Сергея Наумова.

— Никому больше не можем доверить деньги, — откровенно объяснили ему в штабе. — Только ваш начальник честный. Остальные пропьют или спустят в карты. А ты, Наумов, похоже, совесть еще не потерял. Так что — в добрый путь!

«Ну что же, видать, судьба, — обрадованно подумал Сергей. — Другого такого случая не будет! Из Ташкента вышлю закупленное, и тютю! До Астрахани как-нибудь доберусь. Вот только Настю жалко, — пришла в голову грустная мысль, но он тут же ее отбросил. — К ней муж в любой момент может вернуться».

Расставание вышло все же бурным. Настя тискала и терзала его последнюю их ночь до самого рассвета так, словно желала выжать как лимон, не оставив другим женщинами ни капли. Клятв верности они друг другу не давали, хорошо понимая, что дороги их жизни окончательно разошлись. Однако, покидая ее навсегда, Сергей растрогался и заверил свою пылкую любовницу, что никогда ее не забудет. Если бы он знал, к каким роковым последствиям это приведет, то проглотил бы язык!

Начальник Главсанупра Наркомздрава Сергей Ильич Наумов не вспомнил об этом месяц тому назад, когда проводил в Омске совещание медработников, и, увидев в зале высокую полную даму, сразу узнал в ней свою бывшую любовницу. Она сидела в первых рядах и все время старалась обратить на себя его внимание, из чего можно было сделать безошибочный вывод, что и она не сомневается в том, кого видит перед собой.

«Что же делать? Не могу же я засвидетельствовать перед всеми, что мы знаем друг друга», — лихорадочно думал Сергей Ильич, чувствуя как его охватывает паника.

«Это катастрофа, — растерянно пробормотал он, стараясь собраться с мыслями и найти выход из критического положения, в которое его поставила новая встреча с Настей. — Ну не мог же я, вступая в партию, признаться, что месяц воевал у Колчака. Меня бы тогда просто расстреляли!»

Сергей Ильич сразу вспомнил, как его в Ташкенте чекисты сняли с поезда, на котором собрался ехать домой, и, узнав, что он врач, тут же включили в свой отряд, отправлявшийся на Туркестанский фронт. Комиссаром был большевик Мартынов, бывший студент-народоволец, фанатично преданный революции и хорошо подкованный теоретически. Он-то и сумел за время боев и скитаний по безводной пустыне сделать из аполитичного доктора пламенного приверженца идей марксизма.

«Если бы я только заикнулся, что столько времени лечил их врагов, меня чекисты сразу бы поставили к стенке. И слушать бы не стали про то, что был насильно мобилизован, — мысленно оправдывался Сергей Ильич. — ...Я не мог отказаться, когда мне предложили вступить в партию и сам Мартынов дал свою рекомендацию!»

И он совершил роковую ошибку, решив не признавать свое знакомство с Настей. «Ну а если все же проболтается и поползут слухи, буду все отрицать, — успокаивал он себя. — Кому надо их проверять? На службе вроде никто под меня не копает».

Но Сергей Ильич плохо знал женскую психологию и потому, как показали дальнейшие события, жестоко просчитался.

* * *

В перерыве, он и ожидал, к нему одной из первых, широко улыбаясь, подошла Настя и, гордо взглянув на стоящих рядом, небрежно кивнула, как старому знакомому:

— Привет, Сережа! Давненько же мы с тобой не виделись!

— Здравствуйте. Мы разве раньше уже встречались? — изобразив рассеянность, с самым любезным видом ответил он Насте, пожимая ей руку так, чтобы поняла, что не надо афишировать их знакомство.

Однако его бывшая пламенная подруга не поняла или не оправдала в душе причину отступничества Сергея Ильича.

— Вот, значит, как! Позабыл обо мне? А ведь обещал век помнить! — упрекнула, не стесняясь окружающих, и в глазах ее зажглись гневные огоньки. — Только, думаю, память у тебя не отшибло. Просто ты струсил!

— Вы это о чем? — сказал Сергей Ильич, продолжая по инерции фальшивую игру, но бросив на нее умоляющий взгляд.

Но все было бесполезно. Уязвленное самолюбие Насти не знало пощады.

— О том самом, о чем ты так хочешь забыть! — возмущенно бросила

она ему в лицо. — Забрался высоко и трясешься, что тебя могут разоблачить? Но мне-то бояться нечего. Я ничего не скрываю. — Настя круто повернулась и пошла к выходу.

— Она меня с кем-то спутала, — смущенно развел руками Сергей Ильич, и в сопровождении местного санитарного начальства вернулся за стол президиума.

Хорошо зная горячий и решительный нрав своей бывшей любовницы, он еще долго не мог успокоиться, опасаясь мести, на которую способна оскорбленная женщина, и особенно такая, как Настя. Эта постоянная тревога, которой не мог поделиться с женой, так его измотала, что в последнее время все у него валилось из рук. И вот, когда, казалось, угроза уже миновала, в отдел кадров пришло анонимное письмо.

— Я только взглянул и сразу понял, что от Насти. Она даже почерк не изменила, Анечка, — удрученно покачал головой Сергей Ильич, заканчивая свою исповедь. — Мне оставалось только честно во всем признаться.

— Плохи дела! Но ты ни в чем не виноват передо мной, Сережа, — в голосе Анны Михеевны чувствовалась тревога. — Что же теперь будет?

* * *

В пятницу Сергея Ильича Наумова исключили из партии.

— Я полностью признал свою вину перед товарищами. Сам осудил себя за допущенное тогда малодушие, — бледный, с покрасневшими то ли от тайно пролитых слез, то ли от проведенной накануне бессонной ночи глазами, он вяло поведал жене о том, что произошло на заседании партбюро. — Сказал, что всегда старался искупить эту вину кровью, пролитой в боях с басмачами и ударной работой. — И сообщил жене главное: — Я, Анечка, сам попросил снять меня с должности и послать на самый трудный участок, а там уж постараюсь самоотверженным трудом заслужить прощение товарищей.

— И что — решение состоялось? — перебила Анна Михеевна. — Тебе придется от нас уехать?

— Из партии исключили, хоть и не единогласно. Все-таки многие ценили мою работу. И рекомендовали наркому направить меня на одну из больших строек или на борьбу с эпидемией. Так что, — он виновато посмотрел на жену, — тебе придется одной управляться с детьми, Анечка. Но я попрошу братьев помочь вам.

— А что от них толку, Сережа? — грустно отозвалась Анна

Михеевна. — Илюша и Дима студенты. У них ветер в голове. Вот Борис мог бы помочь, но он все время что-то там строит, а к нам и носа не кажет. Говорят, — понизила голос, — будто он сейчас в Испании.

— Вполне могли тайно послать. Он же военный инженер, — согласно кивнул муж. — Но студентов ты используй, Анечка, если потребуется мужская помощь. — Очень жаль Инночку и Николая! Вот кто мог тебе помочь, но теперь только создает для нас новую угрозу. А знаешь, может, как раз нас и выручит то, что меня снимают с работы. Ведь если Горбака объявят «врагом народа», то возьмутся и за его окружение. И мне в это время лучше оказаться как можно дальше от Москвы!

Позвонили в дверь. Анна Михеевна пошла открывать и вернулась вместе с младшей сестрой. Лицо Инны опухло от слез.

— Вот... посмотрите! — протянула она свежую газету и, заплакав, упала ничком на диван. — Их теперь расстреляют!

Наумов дрожащими руками развернул газету и непроизвольно вскрикнул. На первой странице крупным шрифтом был приведен список лиц, объявленных «врагами народа» и приговоренных к расстрелу. Среди них были Николай Петрович Горбак и Мамед Рузаев! Первой пришла в себя Анна Михеевна.

— Что же это делается? Ну какие Мамед и Николай «враги народа»? За что уничтожают таких замечательных парней, честных коммунистов, благодаря которым победила советская власть? Ведь Рузаев с боями устанавливал ее в Туркестане, а Горбак на Украине! Кто же тогда истинные враги народа?

— Замолчи сейчас же! — всполошился Сергей Ильич. — Не забывай: и у стен есть уши.

— А я не побоюсь сказать правду! — истерично выкрикнула Инна. — В самом НКВД окопались враги народа, и главный из них — нарком Ежов! Когда перестреляют таких, как Коля, там останутся одни мерзавцы.

— И правда, последнее время ходят разговоры, что и над этим карликом, погубившим столько неповинных людей, уже занесен дамоклов меч. Что он сам — предатель или даже иностранный агент, — полушепотом согласился с ней Сергей Ильич. — Иногда мне кажется, что Ежов — просто кровавый маньяк.

— Скорей бы его самого расстреляли! — в сердцах произнесла Анна Михеевна. — Пока не уничтожил всех честных людей. Перестань разводить сырость! — прикрикнула она на Инну. — Слезами горю не поможешь, не у тебя одной случилась беда! — Видя, что сестра все еще ничего не понимает, Анна Михеевна хмуро сообщила: — Сегодня Сережу

исключили из партии и сняли с работы!

— И... это... все... из-за... Коли? — запинаясь, пролепетала Инна.

— У него своих неприятностей хватает, — уклонилась от ответа сестра. — Со временем все узнаешь. Ты просто должна понять, как нам всем тяжело придется, когда и Сережа надолго нас покинет.

— А что, и его арестуют? — ужаснулась Инна.

— Типун тебе на язык! Надеюсь, что хоть эта беда пройдет стороной. Но из Москвы его отправят в такую даль, куда Макар телят не гонял!

— Куда же тебя сошлют, Сережа? — Инна только теперь заметила, как плохо он выглядит.

— Пока еще неизвестно, но я буду проситься в Казахстан, на озеро Балхаш, — ответил Сергей Ильич. — Это место немного подальше того, — грустно пошутил, — где побывал Макар. — И пояснил свое решение: — Там сейчас строят железную дорогу в голой степи, совершенно в антисанитарных условиях. Недавно оттуда вернулась комиссия, и ее доклад просто ужасает! Отсутствуют туалеты, желудочные заболевания угрожают эпидемией. А я сумею навести там порядок! — заключил он, и в его глазах зажглись азартные огоньки.

— Поживем — увидим, — немного приободрившись, резонно заметила Анна Михеевна. — Главное, чтобы тебя сейчас не посадили, — и, глядя на сестру, добавила: — А все же как хорошо, что ты не успела выйти замуж за Николая, Иннуса. Это Бог тебя спас, хоть вы в него и не верите!

* * *

Сергей Ильич не стал больше испытывать судьбу и после недолгих сборов, расцеловав жену и детей, отбыл на стройку железной дороги в районе озера Балхаш, куда его все же назначили начальником летучего санитарного отряда.

Наверное, именно поэтому он выпал из поля зрения следствия и избежал более жестокой участи. Недаром говорится: нет человека, нет и проблемы.

Оставшейся без мужней помощи с двумя детьми на руках Анне Михеевне пришлось на первых порах так тяжело, что здоровье у нее не выдержало. Раньше она ни на что не жаловалась. Утром первой вставала, бежала на работу, да и придя домой, еще допоздна хлопотала по хозяйству.

Но теперь все чаще хваталась за сердце и присаживалась отдохнуть. Очевидно, сказались не только возросшие заботы, но и треволения

последних месяцев.

Врачи рекомендовали ей срочно подлечиться, и друзья на работе сумели выхлопотать путевку на лучший «сердечный» курорт — в Кисловодск. Конечно, сразу же возникла проблема: на кого оставить детей, но и ее удалось успешно решить. За ними обещали поочередно ухаживать сестры, а чтобы было кому присматривать, на Арбат временно перевезли бабушку Веру.

Анна Михеевна с легкой душой отправилась на знаменитый курорт в самый, что ни на есть «бархатный сезон» — в октябре месяце, когда на Кавказе еще очень тепло, а в закрытом со всех сторон горами Кисловодске тем более. Она прекрасно отдохнула, но главная радость ее ждала на обратном пути в поезде, когда проходя по коридору в свое купе, «нос к носу» столкнулась не с кем-нибудь, а с Мамедом Рузаевым. С расстрелянным «врагом народа»!

Это казалось невероятным, но Мамеда трудно было с кем-то спутать. Ну конечно, она видит его, хорошо знакомого ей с юности, только сильно похудевшего и с седой прядью в черных как смоль волосах, которой раньше не было. Но самым верным доказательством того, что перед ней Рузаев, был орден Ленина, прикрепленный к лацкану новенького, щеголеватого пиджака. Кавалеры высшего ордена государства в то время были наперечет.

Ноги у Анны Михеевны словно приросли к полу и она, видно, вытаращилась на него как на привидение, потому что Мамед, который сначала тоже обомлел от удивления, весело рассмеялся и замахал руками.

— Да не смотри на меня так, Аня-джан, будто я с того света явился. Живой, как видишь. Вот только подлечиться пришлось. Да что мы стоим, мешаем проходу? — спохватился он. — У меня целое купе. Пойдем! Нам есть о чем поговорить, — как всегда белозубо улыбнулся.

Сгорая от любопытства, Анна Михеевна прошла в купе, которое соответственно своему высокому положению занимал он один. Мамед в мельчайших подробностях поведал такую историю, которую она потом еще долго рассказывала знакомым, поражая их воображение.

Своим чудесным спасением Мамед был обязан Горбаку. Поначалу, не зная за собой вины, он не хотел «признаваться» в надуманных следователем преступлениях и его стали кормить одной селедкой, не давая пить. Тогда-то, умирая от жажды, Рузаев вспомнил то, чему учил его Николай и, мысленно составив план действий, предпринял отчаянную попытку спастись.

Была ночь, когда Мамед Рузаев поднял такой стук в тяжелую железную дверь, словно собирался разбудить всю тюрьму. Он упорно требовал следователя, и, стоило явиться прыщавому майору, демонстративно ему «сдался», искусно изобразив крайнюю степень отчаяния.

— Ладно, твоя взяла. Дай скорей попить, — взмолился он, театрально закатив глаза. — Лучше пуля, чем мучительная смерть!

— Только не вздумай меня обманывать, — криво улыбаясь, предупредил майор. — Не то все внутри отшибу, чтобы дольше мучился, — и жестом указал на длинный узкий мешочек с песком. — Тебя еще им не били. Вот и попробуешь.

— Ты воду носи и бумагу! — взвыл Мамед, делая вид, что готов на него броситься. — Все подробно напишу! Я твое вранье хорошо запомнил, да и от себя кое-что добавлю, чтоб расстреляли скорей.

По-видимому, разыграл он все натурально, так как майор деловито распорядился и Рузаеву принесли не только целый графин воды, который он тут же, захлебываясь от жадности, опустошил, но и тарелку отличных наваристых щей, очевидно, из столовой для персонала. Убедившись, что подследственный уже насытился, следователь пригласил его к столу и, достав чистый лист бумаги, предложил:

— Давай я лучше все тебе продиктую, чтоб не напрягал понапрасну мозги. Так будет намного быстрее, и переписывать не придется!

— Не стоит, — решительно возразил Рузаев. — Поверь, у меня намного складнее получится. Все же уровень другой, да и местный колорит лучше знаю.

— Ладно, пиши! — поколебавшись, согласился прыщавый и пододвинул к нему чернильницу. — Только постарайся поразборчивее.

Спустя час, когда, покраснев от творческих усилий, Мамед Рузаев закончил сочинение самоговора, следователь, прочитав то, что вышло из-под его пера, пришел в немой восторг.

— Ну ты и даешь! Здорово все написано! Последовательно и четко! Никто еще у меня так не старался получить вышку.

Аккуратно промокнув чернила, он как величайшую драгоценность положил «признание» врага народа Рузаева в папку с его делом, и в течение последующей недели Мамеда никто не беспокоил. Кормили вполне сносно, и мучили его лишь мысли о том, что последует дальше. «Неужели ни суда,

ни пресловутой тройки не будет? Неужто я сам подписал приговор и меня расстреляют, так ни в чем и не разобравшись — только на основании этого фальшивого листка бумаги?» — тоскливо думал он, с каждым днем все больше приходя в отчаяние.

И вот настал решающий день. В том же здании его привели в комнату, где сидели три человека. Двое Рузаеву были неизвестны, но зато он хорошо знал главного из них, впрочем, как и тот его. Это был Маленков, любимец Сталина, который заведовал руководящими кадрами партии. Не глядя на подсудимого, словно не он назначал Мамеда секретарем компартии, строго спросил, держа в руках его «признание»:

— Это ты сам написал Рузаев? Как же ты мог совершить такое?

— А ты, Георгий Максимилианович, внимательно прочитал то, что я там насочинял? — пошел ва-банк Мамед. — Неужели из-за этой лживой чепухи меня поставят к стенке?

— Ты что же, отказываешься от того, — грозно глянул на него Маленков — в чем сам признался?

— В чем же я признался? — выдержав его взгляд, с усмешкой ответил Рузаев. — В том, что пяти лет отроду меня завербовала иностранная разведка? Или в том, что совершал разные преступления в местах, где никогда не бывал? Именно в то время, когда воевал с басмачами!

Воцарилось неловкое молчание. «Тройка», тихо переговариваясь между собой, стала перечитывать его «признание», с которым, похоже, никто толком не ознакомился. Маленков мрачно изрек:

— Почему ты это сделал, Мамед?

— А что мне оставалось, когда кормили селедкой и не давали пить? Знал, что проглотят любую чепуху! У них же против меня ничего нет, Максимилианыч. Это предатели, уничтожающие партийные кадры!

— Хорошо, мы разберемся, — бросил Маленков, и в измученной душе Рузаева шевельнулась робкая надежда.

А когда, уже через неделю, его вызвал большой чекистский начальник и, извинившись за допущенную органами ошибку, вернул ему все награды и документы, вручив крупную сумму денег и путевку на курорт, Мамед понял, что одержал окончательно победу.

— Но Николаю, Анечка, спастись не удалось, и это обидно вдвойне, — потому что уже подул ветер перемен. Предательство Ежова и тот ущерб, который он нанес государству очевидны. Я уверен, что ему придется за это ответить! Но вот Колю Горбака уже не вернуть. В тюрьме мне точно стало известно, что его расстреляли.

Глава 5

Крах Лиги Наций

Страна жила в обстановке ожесточенной конфронтации с не по дням, а по часам растущей агрессивностью германо-итальянского фашизма. Во всем мире противостояли объединенные силы Коминтерна, руководство которым осуществлялось из Москвы. Первая схватка произошла, когда вспыхнул контрреволюционный мятеж генерала Франко в республиканской Испании.

Гитлер и Муссолини оказали прямую военную помощь мятежному генералу, а Сталин — скрытую — республиканскому правительству, организовав под флагом Коминтерна посылку в Испанию добровольцев, из которых на месте формировались интернациональные бригады бойцов. И конечно, они в основном состояли не из плохо обученных сторонников мирового коммунизма, а из кадровых военных Красной Армии, и немецкой и итальянской военной технике противостояла только советская.

В этой ожесточенной схватке скоро выяснилось, что фашисты оказались все же сильнее. Интернациональные войска терпели поражение за поражением и в основном объяснялось это тем, что советская военная техника уступала немецкой и итальянской. Об этом рассказал своим родственникам вернувшийся из Испании Борис.

— Наши бойцы, особенно летчики и танкисты, показывали просто образцы мастерства и героизма! Но что поделаешь, когда наша техника здорово им уступает? — сокрушался он, описывая события, свидетелем которых оказался. — Красной Армии надо срочно перевооружаться! Если фашисты нападут, не выстоим.

— А что ты там делал, Боря? — задала ему вопрос, который интересовал всех, Анна Михеевна. — Неужто воевал на стороне республиканцев?

— Можно считать и так, — кивнул он. — Республиканская армия была очень слаба, а о ее оборонительных укреплениях и говорить не приходится. Вот меня в числе других военных строителей и послали помочь их создать. — И не скрывая гордости добавил: — Зачастую нам приходилось работать под огнем противника. Было много убитых и раненых, но, как видите, я цел и невредим. Надо за это выпить, — потянулся к графинчику с водкой. — Ты как считаешь, Анечка?

По случаю его возвращения в арбатской квартире Наумовых было

устроено небольшое застолье. Борис пришел с женой Ирой и двухлетним сынишкой. Были тут и Илюша с Димой, Инна и Римма с Леночкой. Всем хотелось повидаться и поговорить с «испанцем». Не хватало только хозяина дома — ему редко удавалось вырваться домой с далекой стройки.

— А почему тебя тогда отозвали? — спросила Римма, когда все выпили и закусили. — Разве там дела так хороши?

— Республика в Испании обречена, — с горечью ответил Борис. — Потому и вернули. По нашему ведомству и здесь скоро предстоит много работы.

Все уже знали, что он служит в строительных частях НКВД и имеет звание, хотя дома формы не носит из-за секретного характера своей работы. Поэтому расспрашивать о том, что будет делать, не стали. Но Борису, видно, хотелось выговориться.

— Война в Испании — серьезный урок для всех нас, — объяснил он, наливая себе и остальным водки, так как в отсутствие старшего брата выполнял роль хозяина. — И сейчас необходимо взяться за строительство мощных укреплений, которые станут непреодолимыми для современной техники. — Борис с усмешкой взглянул на братьев.

— Мне снова придется подолгу отсутствовать. Поэтому прошу почаще навещать мою Ирочку, — лукаво, с явным намеком подмигнул, — чтоб не скучала!

— Ты уж прямо скажи: чтоб не загуляла, — с обидой отозвалась Ирина. — Зря беспокоишься, Боря! Раз уж выдержала, когда бросил надолго меня, одинокую, — спохватившись, перевела все в шутку, — то теперь, я надеюсь, будешь хоть иногда навещать свою семью.

Все дружно рассмеялись, но отвлечься от испанской темы не смогли. Инна с беспокойством спросила:

— Так что, Боря, вполне вероятно, что, победив в Испании, фашисты нападут уже на нас? Неужто они так сильны? А зачем тогда Лига Наций?

— Зачем нужна Лига Наций и почему она бессильна укротить фашистскую агрессию, пусть тебе объяснят на комсомольском собрании, — насмешливо улыбнулся Борис. — Но в Испании я убедился, что им дали вооружиться до зубов, — добавил уже серьезно. — Наверное, для того, чтобы натравить на нас и уничтожить СССР их руками. — И уверенно заключил: — И Гитлер, и Муссолини хорошо подготовились к войне, Инночка, и хотят развязать ее в мировом масштабе. Их армии очень сильны. Они непременно на нас нападут, если не примем срочных мер.

Советским правительством, разумеется, принимались всесторонние меры для предотвращения войны, к которой, как выяснилось в Испании, страна не была готова. В то время как на границах спешно возводились мощные железобетонные укрепления, пропаганда также делала все возможное для того, чтобы утратить врагов и предотвратить фашистскую агрессию. Особенное внимание уделялось созданию ореола непобедимости народа и вооруженных сил СССР в многочисленных фильмах, воспевающих стойкость и героизм бойцов Красной Армии.

«Бить врага на его территории!» — под таким девизом шли фильмы о том, что произойдет в случае, «если завтра — война», целью которых было показать силу боевого духа и подавляющую техническую мощь Красной Армии, которая в действительности еще только создавалась.

Для поднятия патриотического духа народа и демонстрации врагам его сплоченности и готовности к войне выпускались жизнерадостные фильмы о веселой жизни и трудовых подвигах советских людей, которые в любой момент могут дать отпор агрессорам. В таких популярных в то время картинах, как «Большая жизнь» и «Трактористы», герои колхозных полей при необходимости могли превратиться в отличных танкистов, и в звучащих с экрана песнях народ убеждали:

И если к нам ползет враг матерый,
Он будет бит повсюду и везде!

И еще в этих фильмах воспевалась счастливая и зажиточная жизнь рабочих и крестьян, успешно выполняющих планы выпуска продукции и собирающих богатые урожаи. В действительности же население испытывало нужду во всем: в продовольственных товарах, одежде, предметах первой необходимости. Все еще слабые после разрухи Гражданской промышленности и сельское хозяйство работали только на оборону. На нее и на оказание помощи Интернационалу уходили все государственные ресурсы, не оставляя ничего на нужды людей.

Впрочем, в столице, которая снабжалась лучше, бедность жизни была не так заметна, и Тёме открылась она лишь во время его первого путешествия по Волге, которое он неожиданно совершил летом вместе с отцом и Лелей.

Вышло так. Анне Михеевне снова пришлось отправиться на лечение в санаторий, а детей оставить было не с кем. Обе ее сестры на лето уехали из Москвы: младшая — на практику, а Римма с дочкой и бабушкой Верой — к родственникам на Украину. Надежда на бабу Аду тоже отпала, так как ее уложили в больницу. И вот, как говорится: не было бы счастья — несчастье помогло. Сергею Ильичу, благодаря сложившейся ситуации, удалось-таки добиться отпуска, и он решил показать детям Волгу, на которой родился и вырос.

В то время канал «Москва — Волга» еще только строился, и большие колесные пароходы до столицы не доходили. Поэтому ехали поездом в город Горький, а там уже совершали посадку на волжские пассажирские суда.

Так поступил и Сергей Ильич, у которого в бывшем Нижнем Новгороде жил товарищ по университету. Был август месяц, они у него только переночевали, и этот вечер запомнился Тёме лишь обилием в его тесной комнате мух, которые очень всем досаждали и за которыми они с Лелей все время охотились.

Зато посадка на огромный пароход бывшего общества «Русь», один из самых больших на Волге, произвела на Тёму неизгладимое впечатление, впрочем, как и все их плавание до Астрахани и обратно. Несмотря на то что каюта была тесной и душной, для них с Лелей новая, необычная обстановка была сказочна и прекрасна. И изумительная по красоте природа Поволжья, и многочисленные поселки и города, с которыми знакомились впервые, и само плавание.

Но наибольшее удовольствие доставляли им сопровождавшие все плавание причаливания, отчаливания и, разумеется, выходы на берег во время стоянок парохода. Особенно волнующими были вылазки на маленьких пристанях, где стояли недолго. Сергей Ильич вел детей на базар, чтобы купить еду, но нервничал, боясь опоздать к отходу.

Импровизированные базары располагались неподалеку от пристани. Чего на них только не было! Люди несли на продажу все, что могли. Но Сергея Ильича интересовало только съестное. Он покупал деревенский хлеб, молоко, домашнюю колбасу, вяленую и копченую рыбу, фрукты. Если позволяло время, кормил детей вкусной стерляжьей ухой, которая готовилась тут же. На барахолке продавали поношенные вещи и всякую домашнюю утварь, изделия кустарей-одиночек и даже предметы антиквариата.

На вопрос Лели, зачем торгуют старым барахлом, и кому оно нужно, Сергей Ильич сердито ответил:

— Ты уже взрослая девочка, и должна бы понимать. Разве не видишь, что это от большой нужды? Люди раздеты и разуты. Новая одежда стоит дорого, да и в магазинах не очень-то найдешь то, что требуется.

На палубе парохода Тёма постоянно слышал:

— Совсем обнищал народ. А живет-то как? Дома обветшали, не ремонтируют. Ничего нового не строят ни в городах, ни в поселках. Все, что есть красивого, создано еще в прежние времена. Грязь и бездорожье, как и при царе Горохе!

Тёму эти разговоры, конечно, мало смущали. Путешествие, по сути, открыло ему родную страну, которую недаром все неразрывно связывают с красавицей Волгой. Изобилие рыбы, фруктов, горы арбузов, которые он видел в низовье на всех пристанях, и особенно в Астрахани, поразили его воображение. Но вместе с тем в память врезалась вопиющая бедность прибрежных поселков и живущих там людей.

* * *

Народ все больше нищал, а повсюду разворачивались грандиозные стройки. Еще не перестали ликовать по поводу пуска Днепрогэса, как начали осуществлять крупномасштабный проект канала «Москва — Волга», ставящий целью сделать столицу «портом пяти морей». По всей территории страны строились заводы и фабрики, особенно на Урале, — с явным прицелом на случай войны.

По радио и в газетах только и говорилось о новых трудовых достижениях и передовиках производства, устанавливающих рекорды мастерства. Они награждались орденами, государственными премиями и создавалось впечатление, что гигантские стройки ведутся в таком ударном темпе исключительно за счет трудового энтузиазма советского народа. Однако на деле все обстояло иначе.

В результате массовых репрессий все лагеря и тюрьмы были переполнены политическими заключенными. Вот их подневольными руками и возводились плотины и гидростанции, гиганты металлургии и машиностроения. В том числе и канал «Москва — Волга». Об этом по секрету рассказал своим родным вернувшийся Борис Ильич. Взрослые слушали его, согласно кивая. Видно было, что это для них не новость, но для Тёмы рассказ дяди явился откровением.

— Невозможно без сострадания смотреть на несчастных зеков, — с горечью рассказывал дядя Борис. — Условия их труда и быта просто

ужасающие, а кормят так, словно нарочно хотят уморить. — Он тяжело вздохнул.

— Все работы производятся в основном вручную, допотопными методами. Как инженер, я не раз предлагал использовать на стройке более совершенную технику, облегчающую труд людей и увеличивающую его производительность. Однако все отклонялось под предлогом, что на это не хватает средств. — И понизив голос, добавил: — Люди мрут, как мухи. Но на их место пригоняют все новые и новые партии заключенных. Так что недостатка в рабочей силе нет. Очень жаль этих несчастных. Среди них встречаются известные в прошлом люди, но приходится молчать, — он с грустной усмешкой взглянул на родственников, — чтобы не оказаться в их числе.

— Выходит, строят канал в основном политзаключенные, а не уголовники? — удивилась Анна Михеевна. — А в кино показывают, что на стройке работать заставляют лишь воров да бандитов, и то в целях перевоспитания. Ты, Боря, разве не смотрел фильм «Аристократы»?

— Конечно, смотрел. Фильм-то хороший, и Астангов играет, как всегда, блестяще, но — дешевая агитка, — поморщился Борис. — Ничего общего с действительностью. В нем правда лишь то, что урки отказываются работать. Так они и не работают!

— Но разве такой примитивный ручной труд не тормозит темпы производства? — спросил Илья, который тоже пришел навестить невестку. — Ведь ваше начальство может поплатиться головой!

— Начальство, видно, придерживается известной истины, что количество переходит в качество, и добивается нужных темпов за счет расширения фронта работ, не щадя жизни людей, — с грустью ответил Борис. — Боюсь, что канал будет построен на костях зеков. Но хватит об этом! Мы все равно изменить ничего не можем, — спохватившись, сменил он тему и обратился к Анне Михеевне: — Значит, скоро ждешь мужа домой?

— Да, обещает вернуться насовсем, — ответила она, радостно улыбаясь. — Сережа там здорово отличился!

— Это благодаря своему новому изобретению? Пресловутой «вошебойке»? — с усмешкой спросил Борис. — О ней даже по радио сообщали.

— Почему пресловутой? — обиделся за старшего брата Илья. — Очень стоящее изобретение! Не каждый инженер сообразит, а ведь Сережа — медик. Это такая термокамера, — объяснил он Борису. — Достаточно сунуть в нее голову вшивого человека и поддержать там немного, как вся эта

зловредная живность погибает.

— «Вошебойка», конечно, сыграла немалую роль. Ведь в дикой казахской степи, где шла стройка, все были завшивлены: и рабочие, и местное население, — добавила Анна Михеевна. — Хотя изобрел эту камеру Сережа с целью дезинфекции белья. Но все же отличился он тем, что навел там санитарный порядок, до него этого сделать не смог никто.

— А какие были проблемы? — поморщился Борис. — Неужто такие непреодолимые?

— Ты недооцениваешь своего брата, — обиделась невестка. — Ну что бы ты стал делать, если бы построил туалеты, а в них бы почти никто не ходил? Если бы к железнодорожному полотну, где производились работы, целыми семьями приходили любопытные кочевники и, наблюдая, на том же месте справляли нужду? Чего молчишь? Вот также и предшественники Сережи бессильны были с этим бороться.

— Ну так что же он придумал? — сдался Борис.

— Не очень оригинальный, но действенный метод, — улыбнулась Анна Михеевна. — По распоряжению Сережи крепкие парни из его санитарного отряда усаживали аборигенов голым задом в то, что они наделали, и скоро к туалетам уже выстраивались очереди.

Все дружно расхохотались, и, отсмеявшись, Борис серьезно спросил:

— И куда же теперь Сергея назначат? В наркомате без партбилета его навряд ли оставят работать.

— А уже назначили. Директором Чистопрудной поликлиники, — не скрывая радости, сообщила Анна Михеевна. — Ценят его как способного организатора. Обещают со временем восстановить в партии. Вполне возможно, — она мечтательно прикрыла глаза, — нам и жилье дадут в том районе. Так ему сказали в наркомате. Нам давно ведь обещали — в доме с центральным отоплением.

— Полагаю, надо выпить, чтобы это поскорее сбылось, — предложил до этого скромно помалкивавший Илья и налил всем по полной.

И все дружно поддержали его тост, полные надежд на то, что будущее сулит им удачу.

* * *

Возвращение отца запомнилось Тёме переездом всей их семьи на Чистые пруды, а вернее, в красивый дом у Покровских ворот, на первом этаже которого находилась аптека. Весь дом когда-то принадлежал

бывшему владельцу этой аптеки, и сам он жил в той квартире на втором этаже, в которую теперь, согласно ордеру, поселили Наумовых.

После ветхой арбатской трехэтажки с печным отоплением новая квартира поражала своим великолепием. Начиная с дубового паркета, батареей центрального отопления, высоких потолков и окон и кончая светлой просторной ванной. Правда, и жильцов в ней было намного больше, но зато имелась общая темная комната для лишнего барахла, и кухня была огромной, так что места хватало всем.

Но родители остались недовольны.

— Слишком перенаселена квартира. Шестеро хозяек на кухне — это чересчур! — жаловалась Анна Михеевна мужу. — Утешает лишь то, что тебе недалеко до работы и школа рядом.

— И дом весь аж трясется, когда по Покровке проходит трамвай. Какой уж тут сон? — вторил ей Сергей Ильич. — Боюсь, что не смогу к такому шуму привыкнуть.

Тёме все здесь было интересно и нравилось, что много соседей. Он считал, что жить вместе намного веселее, и не понимал, почему родителей этот вопрос так беспокоит. На Арбате у них, правда, было только двое соседей: большая рабочая семья Феокистовых и одиноко доживающая свой век старая дворянка Ольга Федоровна, с которыми Наумовы были дружны и никогда не ссорились.

В новой квартире все было иначе. Слишком разные жили люди.

Слева жил Нил Федотович, бывший привратник, а ныне швейцар в ресторане. Здоровенного роста, малограмотный, он часто был пьян и бил свою молодую жену. Следующими соседями, наоборот, были интеллигентные люди, похоже, из дворян, Марта Адольфовна и Георгий Иванович Самойловы. Он, крупный инженер, постоянно отсутствовал, а его любвеобильная супруга, это знали все, кроме мужа, в это время принимала у себя любовников.

Следующие две комнаты занимали Наумовы. Большую, с красивым эркером, сделали столовой, где на диване устроили супружеское ложе родители и, за ширмой, постель для Тёмы. А вторая, маленькая, была отдана подрастающей Леле. Так что из всей семьи удобно себя чувствовала лишь старшая дочь. И все же, несмотря на стесненность, жизнерадостные Анна Михеевна и Сергей Ильич постоянно устраивали не только семейные праздники, но и веселые вечеринки.

За Наумовыми в одной комнате проживала семья мелкого служащего, вроде бы кассира, Алексеева, у которого тоже было двое детей: дочка, постарше Лели и сын Вовка — ровесник Тёмы. Вход к ним был через

темную прихожую, где на сундуке спал их сын, в комнате места ему не хватило. Каморку рядом с ванной занимала старушка Дуняша, бывшая горничная хозяйина дома. Дуняша была очень набожной, но не признавала нынешнюю власть и из принципа не платила ни за квартиру, ни за коммунальные услуги.

А в бывшей кладовке, куда вела дверь из кухни, проживала очень любопытная личность — старуха Васса. Васса была похожа на жирную крысу и работала билетершей в Большом театре. Она устроила себе побочный заработок, сдавая каморку днем любовным парочкам, в основном из числа артистической братии. Состав их постоянно менялся, ее стыдила Дуняша, призывая на голову Вассы гнев Божий, но той было все нипочем.

Конечно, народ обитал здесь разношерстный, но от природы умная и дипломатичная Анна Михеевна сумела найти со всеми общий язык, и Тёма за долгие годы, прожитые на Покровке, не помнил ни единой ее ссоры с соседями. Отец был вспыльчивым и наверняка с кем-нибудь бы сцепился, но он всегда приходил с работы поздно и, по сути, с ними не общался. К матери все соседки обращались за помощью и советом, но по настоящему подружилась она лишь с легкомысленной и веселой Мартой.

Молодая пикантная супруга соседа Георгия Ивановича, который все время где-то что-то строил и почти все время был в отъезде, видимо, очень страдала от отсутствия с его стороны внимания к ней, как к женщине. Но, скрытная по натуре, никогда на это не жаловалась, скандалов мужу не устраивала, и внешне казалось, что у них царит мир и порядок. Может быть, потому, что не работала и целиком от него зависела. Однако нещадно наставляла ему рога.

— Бедная Марточка! Такая милая женщина, а Георгий Иванович ею пренебрегает, — пожалела ее Анна Михеевна в разговоре с мужем.

— Почему ты так думаешь? Разве она тебе на него жаловалась? — выразил свое несогласие Сергей Ильич. — Может, человек просто слишком много работает и ему не до того?

— Тогда жениться не надо было! — сердито бросила Анна Михеевна. — Марточка, конечно, ничего не говорит, но мне кажется она знает, что он ей изменяет. Поэтому и сама времени не теряет. Ведь молодость-то проходит!

— Если так, пусть пошлет его к чертовой матери! Чего держаться за такого? А так это — не жизнь, а сплошная грязь! — тоже разозлился Сергей Ильич, всегда осуждавший адюльтеры.

— Не будь слишком строг к ней, Сережа! Куда ей деваться? —

возразила жена. — У Марточки ведь нет никакой специальности, она ничего не умеет делать. Она же не виновата, что богатые родители ее воспитали барынькой. А как подруга она веселая и милая!

— Разве я против? Дружите на здоровье! Это ее проблемы, — добродушно сдался Сергей Ильич. — Марта очень привлекательная женщина и компании нам не портит. Можешь пригласить ее к нам на Новый год.

Видно, Анна Михеевна для этого и затеяла с ним разговор о соседке, так как сразу заулыбалась и, добившись своей цели, перешла к хозяйственным вопросам подготовки к празднику.

* * *

В тот год с большой помпой пустили первую в стране линию метро. Как говорили и писали, московский метрополитен был самым лучшим в мире. И правда, каждая станция выглядела, как подземный дворец, — одна краше другой. Они были отделаны цветным мрамором, украшены скульптурами, барельефами и мозаикой. Особенно поражала воображение станция Маяковская, где все колонны были облицованы нержавеющей сталью. Москвичи и гости столицы с восторгом осматривали всю эту красоту и катались на подземных поездах, быстроходных и комфортабельных.

И еще в этот год новогодние каникулы у Тёмы прошли особенно удачно, так как отец впервые достал ему пригласительный билет на самый главный праздник Елки в Колонный зал Дома Союзов. От ребят в школе он уже знал, что там больше всего разных игр и аттракционов. Кроме того, проводятся конкурсы на лучшее исполнение танцев, песен и стихов, а победители награждаются очень хорошими призами.

Всем нравилось, как здорово Тёма читает стихи. Он уже выступал в школьной самодеятельности и ему даже советовали записаться в драмкружок, говорили, что у него есть способности. Но родители заставляли учиться играть на фортепьяно и времени на кружок не было. И в мечтах он видел себя вовсе не артистом, а моряком дальнего плавания. Для участия в конкурсе все же выучил стихотворение. Стихи о советском паспорте Владимира Маяковского.

Ему самому очень нравилось, как он, подняв руку, плавными каскадами бросает в зал фразы:

Я достаю
из широких штанин
Дубликатом
бесценного груза.
Читайте, завидуйте,
я — гражданин Советского Союза!

Победа Тёмы на конкурсе чтецов была блестящей! Отбор шел в несколько туров, и в результате его включили в число лауреатов, которые выступали на сцене Колонного зала перед всеми участниками Елки и там же были награждены. Тёме достались новенькие коньки «гаги», о которых он мог только мечтать. Он все еще катался на «снегурках», и отец обещал отдать ему свой «английский спорт». А на «гагах» можно было играть в русский хоккей!

Когда счастливый, с гостинцами деда Мороза и коробкой, в которую были упакованы коньки, Тёма вернулся домой, там уже было полно гостей и вовсю шла подготовка к встрече Нового года. В семье Наумовых этот праздник был радостным вдвойне, так как совпадал с днем рождения Анны Михеевны. По такому случаю у них собирались не только друзья, но и родственники. Готовить праздничное угощение матери, как всегда, подсобляли муж и ее сестры. Но на этот раз объявился еще один, неожиданный помощник.

Бахрам, брат Мамеда Рузаева, был очень на него похож, но намного моложе. Тоже выше среднего роста, такой же статный и мускулистый. Арестованный почти одновременно с братом он больше года просидел в тюрьме и был бы наверняка расстрелян или сослан на Колыму, если бы не чудесное освобождение и реабилитация Мамеда. В Москву он прибыл для оформления документов и, будучи холостым, решил задержаться и встретить Новый год у своих старых друзей.

— Меня, конечно, спасла реабилитация брата, но сейчас уже многих из тех, кого безвинно посадили, выпускают из тюрем и лагерей на свободу, — рассказывал Бахрам. — Новый нарком Берия, похоже, старается исправить ошибки, а вернее, — он понизил голос, — преступления Ежова. Говорят, что этого негодяя публично объявят врагом народа и казнят, если уже тайком не расстреляли.

Само собой, Бахрам сразу же принялся за приготовление плова, о чем его все просили, особенно соседка Марта, сразу «положившая глаз» на восточного красавца. Она напросилась помогать ему в этом тонком

искусстве. Тёма тоже из любопытства вертелся на кухне и, по тому, как Марта, стоя за спиной хлопотававшего у плиты Бахрама, прижималась к нему пышной грудью, сразу понял, что она с ним заигрывает.

Однако сотворение плова действительно было непростым делом. Бахрам отмерял пальцами уровень воды над рисом в казане, отдельно готовил мясо и совершал много других сложных операций, которые тетя Марта примерно записывала в ученическую тетрадку. Анна Михеевна с Инной и Риммой накрывали на стол.

Вскоре стали собираться гости. Сначала прибыли родственники, дядя Тёмы Илья и Дмитрий. Не было только дяди Бори — он встречал Новый год где-то на стройке. А когда подъехали приятельница мамы тетя Белла и сослуживец отца со своей супругой, можно было начинать. Анна Михеевна пригласила всех за стол.

* * *

Разговор сам собой зашел о текущей политике. Всех волновал вопрос о наглом ультиматуме, предъявленном Гитлером Чехословакии, и отношении к этому Лиги Наций. Никто не понимал, почему столько стран, объединенных этой организацией, не могут дать решительный отпор германской агрессии. И естественно, мнения разделились.

— Нужно фашистским захватчикам дать по рукам именно сейчас, — горячо доказывал студент-дипломник Илья. — Иначе у них только разгорится аппетит, и, проглотив чехословацкую промышленность, они развяжут войну за мировое господство! Как же этого не понимают в Лиге Наций?

— Все они понимают, — авторитетным тоном заявил лысоватый коллега Сергея Ильича, секретарь партбюро их поликлиники. — Просто и Англия, и Франция нарочно хотят вывести Гитлера к нашим границам и, столкнув нас лбами, укрепить свое господство!

— Согласен! Англо-французский капитал боится мирового коммунизма куда больше, чем Гитлера, — поддержал хозяин дома. — Они будут всячески его задабривать, лишь бы обратить фашистскую агрессию на восток.

— Но Гитлер и Муссолини предъявляют и другие территориальные претензии, оспаривая итоги Первой мировой войны, — вставила Инна, очень активная комсомолка. — Не верится, чтобы Англия и Франция согласились их удовлетворить!

— А я думаю, что они пойдут на все! — вступил в разговор Бахрам. — В Кремле слышал, о чем толкуют «наверху». Почему разрешили Гитлеру повернуть «аншлюсс», а по сути, дали ему проглотить Австрию? Почему теперь в Мюнхене сунули в пасть Чехословакию? Почему и дальше будут откупаться? — И сам же ответил: — Да потому, что не готовы они к новой войне и боятся Гитлера. Нас, конечно, тоже, но не так, как его. Потому и хотят столкнуть нас лбами. Чтобы ослабить!

— Выходит, все равно будет война? — недоуменно спросил студент-второкурсник Дима. — Но ведь Чемберлен, вернувшись в Англию из Мюнхена, заявил: «Я привез вам мир!» Неужели Лига Наций не может справиться с Гитлером и Муссолини?

— Никуда не годится твоя Лига Наций, студент, — насмешливо посмотрел на Диму лысый секретарь партбюро, чем вогнал его в краску. — Кто за ней стоит? Союзники: Англия и Франция. А они, как правильно сказал Бахрам, сдрейфили. Поэтому и объявили «политику умиротворения». Прячут голову в песок, как страусы! Ничего не даст такая политика. Лига Наций потерпела крах!

Видя, что партийный гость оседлал своего любимого конька, Анна Михеевна, которой порядком наскучили серьезные разговоры, весело напомнила: «А не забыли мы, товарищи, для чего здесь собрались? До Нового года осталось сорок пять минут! Предлагаю сделать небольшой перерыв для танцев и потом снова собраться за столом!»

Завели патефон и резво задвигались под четкие ритмы модных фокстротов — «Рио-Рита» и «Сашка». Хозяин оказывал повышенное внимание жене своего коллеги, а тот ухаживал за Анной Михеевной. Илья, у которого продолжался роман с Беллой, танцевал только с ней, а Бахрама куда-то увела соседка Марта. Леля и Леночка поочередно танцевали с Димой, а Тёма с интересом наблюдал за всеми, как всегда, сидя на диване.

От этого занятия его оторвала мама, попросив сказать Марте, что кончился хлеб и чтобы принесла своего. Не найдя соседку среди танцующих и на кухне, Тёма, постучав, заглянул к ней. Самойловы занимали две смежные комнаты, и в первой он никого не обнаружил. Зато из второй, где у них находилась спальня, раздавались какие-то звуки. Осторожно приоткрыв дверь, мальчик замер завороченный на редкость срамной картиной.

Дядя Бахрам повалил соседку на кровать, да так, что аж согнул пополам, и ее ноги находились у него на плечах. Брюки и трусы у Бахрама были спущены, голый зад ритмично двигался, и он рычал от удовольствия. Тетя Марта дрыгала ногами так, что свалилась одна туфля, и, тяжело дыша,

просила: «Ну же, Бахрамчик, сильнее... не останавливайся, пожалуйста!»

Но он почему-то не послушался, со стоном, обессиленно повалился на кровать поверх соседки, и они вроде успокоились.

Тогда Тёма вспомнил о поручении матери и, прикрыв дверь, громко в нее постучал.

— Тетя Марта! К вам можно? — находчиво спросил он.

— Нельзя! — испуганно крикнула соседка. — Чего тебе?

— Гостям хлеба не хватило, — исполнил поручение Тёма. — Мама просила принести.

— Хорошо! — ответила Марта из-за двери. — Передай — сейчас принесу.

Тёма вернулся к танцующим, и вслед за ним пришел Бахрам. А еще через десять минут появилась как ни в чем не бывало и тетя Марта с подносом нарезанного на куски белого хлеба. Но Тёме надолго запомнилось то, что они делали, и лишь спустя неделю их дворовый блатной Пашка-жиган, объяснил ему, наконец, увиденное. Пашке было пятнадцать лет, он уже все знал про взрослую любовь и охотно просвещал всех пацанов.

— Это он ее «по-офицерски» шпарил. Я слышал, как один уркаган о своей шмаре рассказывал. Она тоже так любила, — похабно ухмыляясь, поведал он Тёме. — Это офицерье еще в царское время выдумало: чтоб задирать ноги у баб на погоны. Наверное, так способнее.

И хотя Тёма понимал, что еще слишком мал, чтобы думать всерьез о таких вещах, и не скоро будет иметь дело с женщинами, он все же твердо решил про себя, что когда вырастет, обязательно попробует «по-офицерски».

* * *

К концу тридцатых провал политики умиротворения агрессоров и общий крах Лиги Наций стали очевидны. Гитлер и Муссолини в Европе и Япония в Азии продолжали ускоренно вооружаться, откровенно готовясь к войне. Убедившись в бессилии этой организации, ведущие страны мира самостоятельно принимали меры по укреплению своей обороноспособности.

Так, Англия рассчитывала на неприступность своих берегов и могучий флот, Франция надеялась на железобетонную «линию Мажино», которой она отгородилась от Германии, а СССР — на такие же мощные укрепления,

сооруженные вдоль западной границы и на Дальнем Востоке. Лишь Америка чувствовала себя спокойно за водными просторами двух океанов.

Внутри стран велась пропагандистская кампания по подъему воинствующего патриотизма. В преддверии новой войны в Советском Союзе она была развернута особенно мощно, так как требовалось сплотить все нации бывшей «тюрьмы народов» и, главное, круто повернуть руль идеологии, отказавшись от пролетарского братания с народами вражеских стран и вновь обратившись к национальной гордости и славной истории России.

Ученик пятого класса Тёма Наумов был редактором пионерской стенгазеты и, сочиняя передовицы, удивлялся тому, что в газетных статьях и по радио стали восхвалять русских царей и князей, отличившихся военными победами над внешними врагами. Появились замечательные фильмы, где они представлялись не тиранами и угнетателями, как раньше, а замечательными людьми, отважными героями и великими полководцами.

Так, князь Александр Невский наголову разгромил нагло напавших на Русь немецких псов-рыцарей, утопив их в Чудском озере и предупредив всех врагов: «кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет». И царь Петр Первый совершил великие дела: прорубил «окно в Европу», создал русский флот и врага бил на суше и на море. А фельдмаршал, граф Александр Суворов был непобедимым полководцем, доказавшим всему миру, что русские солдаты — самые сильные и выносливые.

Выпускались фильмы, утверждающие историческую связь и дружбу братских народов СССР. В них впервые — очевидно, для примирения с верующими — священники стали положительными персонажами. Так, в кинокартине «Богдан Хмельницкий» об историческом воссоединении Украины с Россией одним из героев был поп Гаврила, которого блестяще сыграл Михаил Жаров.

В таких фильмах, как «Салават Юлаев», народу доказывалось, что только совместная революционная борьба смогла принести освобождение от гнета национальным окраинам. Повсюду воспевалась братская дружба народов СССР и расцвет их культуры при советской власти. Каждый школьник знал имена знаменитого казахского акына Джамбула и маленькой узбечки Мамлакат, удостоенных высоких правительственных наград.

Тёма свято этому верил, пока не услышал разговор между отцом и Мамедом Рузаевым, зашедшим его навестить во время приезда в Москву. Мамед явился к ним вечером, как всегда, белозубо улыбаясь и с ценным подарком в руках: привез набор каракулевых шкурок на шубку Анне Михеевне. Несмотря на реабилитацию, в прежней должности его не

восстановили, а направили на работу председателем крупного туркменского колхоза.

— Работать можно, но удручает дикость и бескультурье местной сельской жизни, — пожаловался он Сергею Ильичу за рюмкой привезенного им чудесного туркменского коньяка. — В городах еще не так чувствуется патриархальность нравов. А в кишлаках все осталось как до революции — темнота и дикость.

— Неужели образование так и не дало никаких плодов? — удивился Сергей Ильич. — А как же освобождение женщин Востока, на которое мы рассчитывали? Не верю, чтобы все они были согласны носить паранджу!

— А кто у них спрашивает? — криво усмехнулся Мамед. — Народ продолжает жить почти первобытной жизнью. Советской власти не верят, хоть и молчат. Слушают лишь старейшин, а те внушают одно: придерживаться заветов предков. — Он грустно посмотрел на своего московского друга. — Вот ты говоришь — образование. А старики доказывают людям, что оно принесло только вред, и часто оказываются правы. Наши образованные женщины становятся самостоятельными и не почитают своих мужей, как прежде. Ты не поверишь, но у нас за невесту по-прежнему дают калым, и неграмотная девушка из богом забытого кишлака стоит много дороже, чем городская, окончившая школу.

— Неужели люди живут не своим умом, а слушаются темных и необразованных стариков? — поразился Сергей Ильич. — Ведь в школе их чему-то учат?

— А что хорошего они видят, Сережа-джан? Разве наша жизнь изменилась к лучшему? — уныло покачал головой Рузаев. — Ничего не строим, даже дорог. Люди почти ничего не получают за свой труд. Нас, честных коммунистов, отстранили от руководства, и повсюду правят карьеристы и стяжатели. Люди видят это, вот и слушают стариков. — И, понизив голос, добавил: — Народ недоволен своей жизнью и властью. И не только у нас, в Туркмении. Я очень боюсь, Сережа-джан, что в случае войны будет много предательства. А войны нам, по всей видимости, не избежать!

Глава 6

Пакт Риббентропа

...И вскоре война началась, но совсем не та, которую все ожидали. Основной причиной ее явилась уязвимость (в случае нападения на СССР с Запада) второй столицы страны — Ленинграда. Граница проходила буквально за чертой города, а правительство белофиннов симпатизировало Гитлеру. Ее необходимо было отодвинуть как можно дальше, и под каким-то подходящим предлогом Красная Армия всей своей мощью обрушилась на северного соседа.

Разумеется, силы были неравные, и советское командование рассчитывало на быструю победу. Но не тут-то было. Маленькая Финляндия оказала ожесточенное сопротивление, и массированное наступление Красной Армии на Выборг захлебнулось. На границе у белофиннов оказались солидные долговременные укрепления, и пехоте очень досаждали «кукушки» — замаскированные снайперы, сидевшие на деревьях. Из-за плохой стратегической подготовки военных действий и выявившихся в первых же боях недостатков вооружения и технического оснащения советские войска понесли неоправданно большие потери.

Несмотря на то, что поставленная цель была достигнута, и СССР вынудил Финляндию отдать необходимую ему территорию, уроки этой кампании были тяжелыми и показали неподготовленность Красной Армии к войне с более серьезным противником. Но советская пропаганда преподнесла итоги финской кампании как величайшую победу, благодаря которой удалось не только обезопасить «колыбель Октябрьской революции», но и вернуть территории, издревле принадлежавшие России.

Тёма хорошо знал историю СССР. Он был круглым отличником по всем предметам, но историю и географию любил больше других. Читать тоже любил об исторических событиях, путешествиях и приключениях. Может быть, поэтому и мечтал о дальних плаваниях, чтобы своими глазами поведать то, о чем писалось в книгах.

— Не понимаю, папа, зачем же надо было отдавать принадлежавшие России земли, которые теперь приходится отвоевывать обратно, — недоуменно спросил он у отца. — Почему после революции финнам добровольно отдали Выборг и все береговые укрепления, которые обороняли подступы к Ленинграду?

— А ты разве не слышал о праве каждой нации на

самоопределение? — вопросом на вопрос ответил Сергей Ильич. — Это ведь основа национальной политики, которую провозгласил Ленин. Когда произошла революция, финны пожелали отделиться. Так же, как и прибалтийские республики. Раньше весь Финский залив принадлежал России.

— Так что же, придется и у них отобрать бывшие русские крепости, которые сторожили выход в Балтийское море? — высказал догадку Тёма. — Ведь иначе наш флот запрут в Финском заливе!

— К этому все идет. Необходимо вернуть Прибалтику! Недаром Россия пролила за нее столько крови.

— Выходит, надо снова «прорубить окно в Европу»? — удивился Тёма. — А как же право наций на самоопределение?

— Этот лозунг оказался на руку буржуазным националистам. Сейчас он лишь на бумаге. В наших республиках всех, кто подавал голос за самоопределение, пересажали — и правильно сделали! Ну что останется от СССР — если все они отделятся?

— Выходит, папа, наше правительство теперь хочет вернуть земли, которые Россия потеряла после революции? — продолжал допытываться Тёма. — Значит, тогда надо воевать и с Польшей? А ведь она в союзе с Англией и Францией!

Сергей Ильич с интересом взглянул на сына, словно только сейчас увидел, какой он уже большой, и как равному объяснил:

— Ты ведь слушаешь радио? Германия вот-вот нападет на Польшу, и тогда с ней в войну вступит Англия и Франция. А что это значит? — Он усмехнулся тому, с каким интересом уставился на него Тёма, и сам же ответил на свой вопрос: — Между ними развернется такая напряженная схватка, что они ничего не смогут сделать, если в этот момент СССР силой вернет себе земли Западной Белоруссии и Украины. Ты ведь знаешь историю. Германия и Россия не раз уже делили Польшу. Разделят ее и на этот раз.

Сергей Ильич обладал даром предвидения. Дальнейшие события показали, что он, как всегда, оказался прав. Фашистская Германия напала на Польшу, и ей сразу же объявили войну Англия и Франция. Войска Гитлера, разгромив польскую армию, быстро продвигались на Восток и тогда, перейдя границу, навстречу им лавиной двинулись советские танки и мотопехота. Народу это объяснили так, будто наши братья западные белорусы и украинцы запросили о помощи.

Риск военного столкновения СССР и Германии был чрезвычайно велик, но расчет советского правительства оказался верен. Гитлер не был

еще готов вести войну на два фронта, и командование немецких войск вступило в переговоры с представителями Красной Армии, успевшей захватить обширную территорию Восточной Польши, хотя добраться до Варшавы, которая раньше принадлежала России, ей так и не удалось.

В результате совершенно неожиданно для всего мира в Москву прилетел гитлеровский министр иностранных дел, и между СССР и Германией был заключен названный его именем «Пакт Риббентропа» — дружественный договор о ненападении, разделивший сферы влияния обоих государств. Союз двух таких антиподов, как Сталин и Гитлер, был настолько противоестественен, что в его прочность никто не верил. Но это был свершившийся факт.

* * *

Вскоре выяснилось, что в обмен на невмешательство в войну Германии с союзниками и помощь продовольственными и сырьевыми ресурсами, Гитлер согласился на установление власти СССР в Прибалтике. Говорили, будто это предусматривалось тайным протоколом к «Пакту Риббентропа». Так это было или не так, но на Запад потянулись эшелоны с горючим и сельхозпродуктами, а к границам Литвы, Латвии и Эстонии — с войсками и военной техникой.

События разворачивались стремительно. На Западе во всю шла война. Воздушная армада Германии нещадно бомбила города Англии, немецкие войска высадились в Норвегии, Греции и всюду теснили союзников. Итальянцы сковали их силы в Африке. Правда, держалась еще «линия Мажино», однако немцы уже вторглись в Бельгию, и, похоже было, что они ее обойдут.

А в это время народ СССР испытывал необычайный духовный подъем. Еще бы не радоваться! После того как бескровно были присоединены земли Западной Украины и Белоруссии, Союз пополнился еще тремя республиками. Сеймы Литвы, Латвии и Эстонии сами попросили принять их в братскую семью советских народов! То ли испугались германского фашизма, то ли еще чего, но без единого выстрела вся Прибалтика вошла в состав СССР, что намного улучшало его экономику и военное положение.

Прилавки магазинов пополнились товарами из присоединенных западных областей. Особенно много отличных продуктов и красивых вещей поступало из прибалтийских республик, уровень жизни там был намного выше. Об этом рассказал Борис Ильич, вернувшийся из

длительной командировки и заехавший к старшему брату, чтобы вручить привезенные из Прибалтики подарки.

— Меня послали в составе комиссии для инспекции оборонительных сооружений, построенных еще при царе. Ведь сами эти маленькие республики ничего не строили, — с довольной улыбкой поведал он домочадцам, собравшимся, чтобы узнать, как живут в бывшей «загранице». — Все сильно устарело, так что для нас там много работы. — Он сделал паузу и радостно сообщил: — Скоро мне снова придется туда поехать, и сослуживцы все здесь завидуют. Уж больно хороша там жизнь! Если удастся — возьму с собой семью.

— А чем она уж так хороша, Боря? — с сомнением спросила Анна Михеевна. — Красивых вещей там, конечно, можно купить много. Но жить среди чужих и, как говорят, враждебных нам людей, по-моему, не очень-то приятно.

— Да что ты, Анечка! Это не так, — возразил Борис Ильич. — Может быть, кто и недоволен, но виду не показывают, боятся. наших недоброжелателей сразу похватали и сослали в Сибирь. Никто не хочет отправиться вслед за ними. А жизнь там отличается от нашей, как небо от земли!

— Хотелось бы знать чем? Расскажи подробнее, Боря!

— Само собой, первое — это изобилие товаров, какое нам здесь и не снилось, — охотно удовлетворил ее любопытство деверь. — Мы сможем приобрести там все, что нам нужно из одежды и по хозяйству. В продовольственных магазинах и на рынке все высокого качества, без обмана. И конечно, сказочная чистота и порядок!

— Неужели мы по сравнению с ними такие свиньи? — удивленно подняла брови Инна. Она тоже примчалась, узнав, что и у нее есть шансы получить что-нибудь заграничное.

Борис Ильич был щедр на подарки. А у старшего брата он, по сути, вырос. Их отец, разоренный революцией, не смог содержать большую семью и отправил его и Илюшу к Сергею, который уже был женат и жил в достатке. Добрая и отзывчивая Анна Михеевна не роптала и относилась к ним по-матерински. А поскольку ее родители тоже подкинули ей младшую сестру, с Инной Борис был дружен еще с юности.

— По сравнению с ними мы — те еще свинтусы, — с добродушной усмешкой ответил он Инне. — Сама знаешь: где стоим — там сорим. А у них детей сызмальства к чистоте приучают. Сказывается немецкое воспитание. Недаром те столько лет в Прибалтике владычествовали.

Привезенные Борисом Ильичем подарки были просто великолепны.

Своему брату он привез костюм, Анне Михеевне платье, Инне сумочку, Леле туфли, а Тёме целый набор школьных принадлежностей в портфельчике из натуральной кожи, с которым он еще долго фасонил перед одноклассниками.

* * *

В то время как в Европе и Африке шла война и лилась кровь, советская страна жила мирной и счастливой жизнью. В печати и по радио сообщалось о все новых рекордах тружеников и спортсменов, о блестящих достижениях науки и техники, о расцвете культуры и искусства народов СССР.

Проводились всесоюзные конкурсы лучших мастеров-исполнителей и фестивали детского творчества.

Жизнь шестиклассника Тёмы была насыщена до предела. Он и так после уроков продолжал учиться музыке и регулярно ходил в гимнастическую секцию спортшколы. А тут еще поступил в драматическую студию при городском Доме пионеров, и ему сразу дали одну из главных ролей в спектакле «Золотой ключик». Тёма должен был играть грустного, влюбленного Пьеро. И если музыкой он занимался из-под палки, а гимнастикой — сознательно, ибо готовил себя к дальним путешествиям, то театр стал для него истинным увлечением.

Тёме здесь все было интересно: и читки, и занятия танцами, и репетиции на сцене. Но настоящий, волшебный праздник наступил, когда сшили костюмы и начались представления. Здесь, в театральной студии, он впервые испытал подлинное сексуальное влечение. Объектом его пламенной страсти стала «звезда» спектакля Зиночка Коптева, исполнявшая роль Мальвины.

Зиночка была стройной девочкой, на два года старше Тёмы, с полностью сформировавшейся девичьей фигуркой. Это была настоящая Мальвина — с белокурыми, как у куклы, локонами, румяными щечками и большими голубыми глазами. На худенького грустного Пьеро она почти не обращала внимания, зато с более старшими Костей — Буратино и Павликом — Арлекином откровенно кокетничала и, как шептались в кружке, многое им позволяла.

Может быть, и успех Тёмы в роли Пьеро объяснялся тем, что в спектакле тот был безнадежно влюбленным в Мальвину, и поэтому его игра выглядела очень искренней и правдивой. По ходу пьесы Пьеро должен был

обнимать Мальвину, жарко признаваясь в любви, и всякий раз, будь то на репетициях или на сцене, Тёма ощущал, как у него жжет внизу живота и набухает ширинка. Очевидно, Зина тоже заметила то, что с ним происходит, и как-то на репетиции сильно покраснев, тихо сказала: «А я вижу, что ты уже большой мальчик».

Это прозвучало многообещающе, и Тёма даже стал надеяться на исполнение своего страстного желания, но дальнейшее неприглядное поведение его пассии все разрушило. Сначала из-за нее подрались Костя с Павликом. Это случилось перед самым спектаклем, и вышел скандал, так как у Кости — Буратино был разбит нос и долго не могли остановить кровь. А когда староста группы стала стыдить Арлекина, тот открыл причину драки.

— Это во всем Зинка виновата! Позвала меня в гримерку, а когда пришел, то застал их с Костей без штанов, — процедил сквозь зубы Павлик, бросив злой взгляд на соперника. — Она сказала, что он взял ее силой, вот я ему и вложил ума!

— Ну как тебе Зина не стыдно? — обрушилась на нее староста Валя, которая играла черепаху Тортилу. — Как ты себя ведешь? За это можем тебя и исключить!

— Ты на меня не цыкай, а то пукну, — грубо огрызнулась Зина. — Ишь, угрожает. Давай исключай! А Мальвину, — нагло усмехнулась, — ты, что ли, уродина, играть будешь?

Такой вульгарной Тёма ее даже представить себе не мог. Ему и до этого не нравились в ней грубость и цинизм. Разговоры о ее распущенности тоже не доставляли удовольствия, хоть и повышали любопытство. Тёме даже смотреть на нее стало противно, и, конечно, в дальнейшем это сказалось на его игре. Правда, вскоре они стали репетировать новую пьесу, где ему снова поручили одну из главных ролей, а для Зины в том спектакле роли не нашлось.

* * *

Безмятежное спокойствие, воцарившееся в советском обществе, кончилось, когда германские войска, обойдя «линию Мажино», прорвались вглубь Франции и ее армия бесславно капитулировала. Немцы и итальянцы повсюду одерживали победы и, ободренные их успехами, подняли голову японцы, внезапно напав на американцев в Пирл-Харборе и вынудив вступить в войну США. Оккупировав север французской территории и

установив на юге страны послушный режим маршала Петена, Гитлер начал переброску войск и техники к границам СССР.

Логика подсказывала, что упоенные своими успехами немцы собираются напасть и с ходу разгромить Красную Армию так же, как они это сделали с войсками союзников, чтобы окончательно расчистить путь к достижению своей цели: мировому господству. И хотя в прочность добрососедства с фашистами никто не верил, все же казалось невероятным, что они могут вот так, запросто, нарушить договор и начать войну.

— Неужели Гитлер посмеет бессовестно, в нарушение подписанного им же самим договора, напасть на СССР, — обеспокоенно спросила Анна Михеевна у мужа перед его уходом на работу.

— Еще как посмеет! По фашистской идеологии можно быть свободным от морали, — убежденно ответил Сергей Ильич, завязывая галстук. — А сил у него после разгрома французов стало намного больше. Теперь, считай, промышленность всей Европы будет работать на нужды германской армии.

— Тогда непонятна беспечность нашего правительства. Оно продолжает верить Гитлеру и выполнять условия договора, еще больше усиливая мощь Германии в то время, как та собирается на нас напасть!

— Ошибаешься, Анечка! Думаешь, наверху не знают, что немцы к нашей границе перебрасывают отборные войска? Сталин достаточно мудр, чтобы разгадать фальшивую игру и тайные замыслы фюрера!

— Но почему же тогда он не принимает экстренных мер?

— Я уверен, что это делается для видимости — чтобы обмануть Гитлера и не ускорить его нападение, — высказал предположение Сергей Ильич. — На самом же деле ведется огромная работа по повышению нашей обороноспособности и усилению Красной Армии. По сути, идет ее перевооружение. Во время моей командировки на Урал я только и слышал о новых видах оружия и танков, которые скоро будут выпускать тамошние заводы. Так что нам нужно любой ценой выиграть время. Хотя бы еще парочку лет.

Сергей Ильич, как всегда, верно оценил обстановку. Это подтвердил и вернувшийся из длительной командировки Борис. В этот раз он был на Украине и привез много фруктов.

— Мы там просто пупок надрываем, ускоренно возводя мощные укрепления на всем протяжении новой государственной границы, — по секрету поведал родным Борис Ильич. — Строим на совесть. — Помолчал, словно решая, стоит ли говорить и все же добавил: — Но чтобы все закончить, нам нужен по меньшей мере еще год. А немцев это, похоже, не

устраивает! На границу прибывают все новые и новые войска. Особенно много танков. Ведут себя вызывающе, устраивают провокации.

— А почему наши не могут дать им по зубам? Тем, кто лезет? — возмутился Тёма. — Разве у нас там мало своих войск и танков?

— Сталин строжайше запретил отвечать на провокации! — серьезно, как взрослому, ответил ему Борис Ильич. — Ведь они того и добиваются. Чтобы был предлог нарушить договор. Но мы еще не готовы отразить их нападение, хотя на западную границу стянуты все наши кадровые войска, исключая лишь те, что охраняют Дальний Восток.

— Значит, Боря, ты думаешь: мы не выдержим удара фашистской военной машины в случае нападения? — обеспокоенно спросил брата Сергей Ильич. — Неужто наша армия так слаба?

— Не выдержим, Сережа! Это объективно, — с кислой миной ответил военный инженер. — Войск там у нас хватает, и по количеству танков и самолетов вряд ли мы им уступаем. Но качество нашей техники хуже и, главное, укрепления на границе не готовы, чтобы их сдержать, пока не перевооружим армию.

— А как же наши мощные укрепления, построенные вдоль старой границы? — горячо возразил ему Сергей Ильич. — Уж они-то способны задержать фашистов!

— Были способны, а теперь нет! — хмуро объяснил ему брат. — Для ускорения строительства новых с них снято все тяжелое вооружение и переброшено на западную границу. Оно еще только монтируется.

— Но почему так сделали? Оно же устарелое, и выходит, что теперь старые укрепления беззащитны! — возмутился Сергей Ильич. — Ты не находишь, что тут пахнет предательством?

— Скорее, глупостью и самонадеянностью, — угрюмо бросил младший брат. — Хотя, конечно, все может быть.

* * *

Как ни старалось советское правительство демонстрировать Гитлеру свою лояльность, делая вид, что не замечает откровенных провокаций фашистов на границе и их ускоренной подготовки к нападению на СССР, настроение в прессе и обществе явно изменилось в пользу антигерманской коалиции. Это было видно по сочувственным в отношении англо-американцев комментариям к публикуемым сводкам военных действий, старающимся всячески затушевать успехи немецкого оружия.

Одновременно на экранах появилось много фильмов, призванных усилить симпатии к Англии и Америке, представлявшихся ранее как оплот мирового капитализма и ярых врагов Советского Союза. С огромным успехом прошла демонстрация таких замечательных фильмов, как «Леди Гамильтон» и «Большой вальс», шедевров Чарли Чаплина «Огни большого города» и «Новые времена».

Судя по всему, перед лицом фашистской агрессии Сталин решил подготовить почву для будущего альянса с западными союзниками. Видимо, уже тогда им было задумано создание антигитлеровской коалиции, способной сломать хребет германской военной машине и добиться трудной победы во Второй мировой войне.

Вместе с тем предполагаемые союзники терпели поражения на всех театрах военных действий. В Северной Африке генерал Роммель продолжал успешно отвоевывать у англичан все новые территории, а японцы теснили американцев на островах Тихого океана и в Юго-Восточной Азии. Похоже было на то, что СССР, в случае внезапного нападения Гитлера, рассчитывать на их помощь бесполезно.

В газетах и по радио непрерывно сообщалось о новых достижениях советской науки и военной техники, о создании таких образцов грозного оружия, которые значительно превосходят то, чем располагает противник. Но, как доносила разведка, Гитлера это не остановило, и германским штабом не только был разработан «план Барбаросса» нападения на СССР, но и определены его сроки.

Об этом поступали сообщения от агентов советской разведки за рубежом и от солдат-перебежчиков, бывших антифашистов, так как во многих армейских частях, дислоцированных вдоль западной границы, уже были получены тайные инструкции о начале военных действий. Но Сталин все еще надеялся удержать немцев от нападения, хотя отдал приказ о приведении Красной Армии в боевую готовность и держал эти сведения в тайне.

Однако правильно гласит поговорка, что «шила в мешке не утаишь». Слухи об этом все же просочились: в армию были призваны резервисты, и в обществе царило тревожное настроение. Лето сорокового года запомнилось Тёме бесконечными пересудами о том, нападут ли немцы и когда, а также прогнозами, что случится потом. Причем под влиянием бодрых реляций об успешных реформах в армии, оснащении ее новым автоматическим оружием и сверхмощной техникой эти прогнозы были оптимистическими, и все сходились на том, что враг будет быстро разбит.

Действительно, с назначением наркомом обороны маршала

Тимошенко вместо «луганского слесаря» Ворошилова, Красная Армия заметно преобразилась. Изменилась не только форма одежды, но была введена жесткая дисциплина, и в руках солдат вместо устаревших винтовок появились автоматы. Муссировались также слухи о создании нового сверхмощного оружия — передвижных ракетных установок залпового огня. В общем, паники нигде не наблюдалось, и особенно бодрые настроения царили среди молодежи, которую комсомол призывал быть готовой встать в первые ряды защитников Родины.

Отвечая на этот призыв, многие комсомольцы активно занимались спортом и обучались военным специальностям в кружках общества содействия армии и флоту. Наиболее популярны были стрелковые кружки, автошколы и аэроклубы. По возрасту Тёму никуда не принимали, но ему помог приобщиться к военной подготовке старшеклассник Марк Горкин, который ухаживал за его сестрой Лелей.

* * *

Марк учился с Лелей в одном классе и был школьной знаменитостью.

Он был высок, строен и чертовски красив. Черноглазый, с волнистыми, блестящими как вороново крыло, волосами, он очень походил на артиста Дружникова. Чемпион по гимнастике, он отлично учился и руководил комитетом комсомола школы. В общем, это был кумир всех окрестных мальчишек. Обладая большой физической силой, любил покрасоваться перед «хиляками», поигрывая рельефными мускулами.

Тёме Марк очень нравился, но еще больше, по-видимому, он нравился Леле, так как они были почти неразлучны.

Марк заходил за ней перед школой и после провожал домой. Они вместе делали уроки в Лелиной комнате, вместе ходили в кино или просто гулять. Анна Михеевна не препятствовала этому их тесному общению, когда оно происходило на ее глазах, но, если отправлялись за город или в парк, заставляла брать с собой Тёму.

Леле это не очень-то нравилось, но она виду не подавала, а Марк даже был рад доставить удовольствие ее братишке. Во всяком случае, он не только безропотно брал с собой эту «нагрузку», но был щедр и оказывал Тёме много внимания. В Парке культуры имени Горького он катал его на каруселях, угощал мороженым и тогдашней новинкой — очень вкусными толстыми «американскими» вафлями, которые готовились в присутствии покупателя.

Иногда Марк брал их с собой в аэроклуб, где занимался парашютным спортом. Он готовился стать воздушным десантником. В его активе уже значилось несколько прыжков. В будущем году они с Лелей заканчивали школу и ему предстояло идти в армию. Больше всего привлекала Тёму учебная вышка для прыжков, на которой тренировали начинающих парашютистов.

Глядя, как с верхней площадки спрыгивают маленькие фигурки и плавно опускаются на постоянно раскрытом парашюте, прикрепленном к вышке металлическим тросом, Тёме казалось, что это совсем нетрудно.

— Марик! Мне тоже хочется попробовать! Я ведь уже большой, — всякий раз приставал к нему Тёма. — Ну пожалуйста! Попроси, чтоб позволили!

— А не побоишься? Высота-то большая! — сомневался Марк и шутливо ему отказывал. — Нет, не стоит и пробовать. Только опозоришься.

Но это еще больше раззадоривало Тёму. Он усилил натиск и так допек Марка, что тот не выдержал и, прибавив ему два года, уговорил своего друга — инструктора, дежурившего на вышке, разрешить сделать парнишке один пробный прыжок. Недаром говорят, добрые дела никогда не остаются безнаказанными. Вышел конфуз, который обернулся Марку выговором, а Тёме запомнился на всю жизнь.

Перейдя в шестой класс Тёма был высоким для своего возраста, но худым и очень мало весил. Это его и подвело. Сначала все шло хорошо. Когда он вместе с Марком поднялся на вышку, не без труда, но все же удалось подогнать по нему ремни крепления. Заминка вышла лишь на краю площадки, когда, взглянув вниз и испугавшись огромной высоты, он невольно попятился. Но Марк грубо крикнул:

— Прыгай, трус!

Тогда Тёма, крепко зажмурившись, отчаянно прыгнул в эту пропасть, не думая о том, что с ним станет. Трусом он не был и высоты никогда не боялся: бесстрашно лазал в детстве по деревьям и крышам, спускался на лыжах с самых крутых горок. Но бросаться вниз с такой высоты испугался бы любой.

Произошло непредвиденное. Механизм спуска учебного парашюта был рассчитан на минимальный вес взрослого человека, и худенький мальчишка не смог потянуть его вниз. Тёма так и застрял наверху, дергаясь, как марионетка, на стропах под куполом парашюта. Это происшествие вызвало немалый переполох, но все закончилось благополучно. Трос освободили, и парашют сумели спустить на землю.

Марк сердился на Тёму недолго. Правда, прыжков с парашютом

больше не было, зато они вместе подолгу тренировались в тире, и вскоре выяснилось, что Тёма куда более метко поражает цели, чем он. Однако упорству Марка можно было позавидовать.

— Метко стрелять мне просто необходимо, — объяснял Леле, недовольной тем, что он много времени проводит в тире. — Ну какой из меня десантник, если я буду мазать мимо цели?

Марк гордо выпячивал грудь и поигрывая мышцами, явно перед ней рисуясь, выдавал свои честолюбивые мечты:

— Вот ты знаешь, что я силен не только в гимнастике, но в борьбе, и боксе. Имею спортивные разряды по плаванию и лыжам. А если еще буду хорошо стрелять, то смогу отличиться на войне с фашистами! — И самоуверенно ее успокаивал: — Ты, Лелечка, не бойся! Со мной ничего не случится. Ведь ты знаешь, как в песне поется: «...*сильного* пуля боится, *сильного* штык не берет!», — в свою пользу заменил слова Марк. — Обязательно вернусь Героем Советского Союза!

Однако перспектива того, что его жизнь скоро подвергнется смертельному риску, Лелю, конечно же, не радовала, и, к окончанию десятого класса, когда ему предстоял призыв, а в воздухе уже запахло военной грозой, настроение у нее было подавленное и, как правило, все дома она вымещала на Тёме.

* * *

Последние годы основной задачей, решению которой была подчинена вся жизнь Сергея Ильича Наумова, было восстановление его в партии. Он самозабвенно трудился, забывая об отдыхе, брался за самую тяжелую и неблагодарную работу.

— Ну зачем ты, Сережа, так надрываешься? И на работу приходишь раньше всех, и сидишь там допоздна, — ворчала Анна Михеевна. — Я уже не говорю о том, что мало внимания уделяешь мне и детям. Подумай о своем здоровье!

— О чем ты, Аня? Будто не знаешь, что с тех пор, как меня исключили, я ложусь спать и встаю с одной лишь мыслью: о восстановлении, — обиженно ответил муж. — Нет мне жизни без партии!

— А по-моему, быть беспартийным спокойнее, — пытаюсь утешить мужа, сказала Анна Михеевна. — Не нужно платить взносы и ходить на собрания! Разве это мешает работе? Тебя и начальство ценит, и сотрудники любят.

— Еще бы им меня не ценить! Кто еще так вкалывать будет? — не без самодовольства отозвался муж. — Но я убежденный коммунист и не могу быть в стороне от партийной жизни. Не могу равнодушно смотреть на то, что в ней стали верховодить перерожденцы и примазавшиеся к великому делу лицемеры-ловкачи.

— В этом ты прав! Мне кажется, Сережа, что ваш секретарь партбюро, перед которым ты заискиваешь, чтобы дал тебе рекомендацию, тоже этого поля ягода. Скользкий тип.

— Я и сам это знаю, — уныло признался Сергей Ильич. — В глаза меня всем хвалит, но исподтишка, как передают коллеги, под меня копает. Похоже, мечтает сесть на мое место.

— Вот видишь! А ты с ним еще цацкаешься, — возмутилась Анна Михеевна. — Я от твоих сотрудников слышала, что он и как врач-то доброго слова не стоит.

— Как раз поэтому мне его происки и не опасны, — повеселев, подмигнул ей муж. — А без его рекомендации не обойтись! Иначе не восстановят, — пояснил он. — Тогда в райкоме решат, что секретарь партбюро мне не доверяет.

Анна Михеевна досадливо отмахнулась:

— Не даст он тебе рекомендации, зря хлопочешь. Лучше выбрось из головы эту заботу и живи спокойно!

— А вот и ошибаешься! Написал, никуда не делся, — опроверг ее прогноз Сергей Ильич. — Не хотел тебе говорить, чтобы зря не волновалась, но уже послезавтра состоится заседание партбюро. Выходит, недаром я его обхаживал.

— Неужели правда, Сереженька? — обрадовалась Анна Михеевна. — Дай-то Бог!

Последующие два дня оба жили радостной надеждой, что наконец-то Сергея Ильича восстановят в партии и он освободится от этого морального бремени, во многом портящего им жизнь. Однако надеждам не суждено было сбыться. Заседание партбюро не состоялось. К сожалению, Анна Михеевна вернее, чем муж, оценила партийного интригана. Перед заседанием тот, очевидно, как и задумал, взял обратно свою рекомендацию.

Удар по авторитету и моральная травма, полученные Сергеем Ильичем, были очень сильны, но обладая мужественной натурой, он выстоял. Коварство парторга коллеги оценили по заслугам, объявив ему бойкот, и, чтобы не раздувать вокруг себя скандала, тот поспешил обратиться из поликлиники.

— Я и не думаю сдаваться, Анечка! — немного придя в себя, заявил ей

Сергей Ильич. — Правда, теперь придется немного повременить. Но как только начнется война с немцами, попрошусь на передовую и вступлю в партию на фронте!

А тяжелая, кровопролитная война была уже на пороге.

Часть вторая

Цена Победы (1941–1945 гг.)

Глава 7

Тяжелые поражения

Страна готовилась отразить вражеское нападение. Основные силы Красной Армии были сосредоточены вдоль западных границ, но все же война началась слишком неожиданно. И было похоже, что застала всех врасплох. Народ жил своей обычной жизнью. На селе началась уборка урожая. У рабочих и служащих была пора летних отпусков, у детей — каникулы. Даже в войсках, получивших приказ о боевой готовности, не были эвакуированы семьи военнослужащих.

Тёма война застала в Крыму, в самом главном пионерском лагере «Артеке», попасть в который было совсем не просто. Он получил туда путевку, как круглый отличник и редактор школьной стенгазеты. Кроме поощренных за учебу, в этот замечательный лагерь посылались юные герои колхозных полей, дети выдающихся людей страны: партийных руководителей, военных, деятелей культуры, науки и искусства. В этот раз особенно много было детей советского актива вновь присоединенных прибалтийских республик.

Поездка в «Артек» была прекрасно организована. Тёма, в числе других москвичей, ехал в купейном вагоне, а есть их водили в вагон-ресторан. От Симферополя их везли через горный перевал на комфортабельном автобусе с остановками для отдыха. За перевалом он впервые увидел море. С высоты водная ширь казалась бескрайней и была такого лазурно-синего цвета, что и он, и другие ребята не могли понять, почему море называли Черным.

Оказалось, «Артек», расположенный на морском берегу у подножия горы Аю-даг, состоит из нескольких лагерей, в том числе, Верхнего — для самых слабеньких, Нижнего — для самых старших и «Суук-су», по названию дворца, в котором поселили таких, как Тёма. Им выдали красивую артековскую форму, разбили на отряды, и началась сказочная жизнь под жаркими лучами крымского солнца, с ежедневным купанием в море и походами в горы.

Тёма пробыл в «Артеке» всего неделю, когда по радио объявили о том, что Германия вероломно напала на Советский Союз. Войну ожидали, и поэтому переполоха в лагере не вызвала. Все лишь с интересом склонялись над картой западных границ, и комсомольцы-пионервожатые доказывали своим подопечным, что непобедимая Красная Армия даст достойный отпор фашистам. Никто не сомневался в том, что дети проведут в лагере весь

положенный срок.

Жизнь в «Суук-су» шла согласно установленному порядку, и Тёма даже успел подражаться с парнишкой из своего отряда. Им обоим понравилась одна и та же девочка — белокурая эстоночка: на танцах, устраиваемых по вечерам, она кокетливо строила им глазки и охотно шла танцевать, когда ее приглашали. Гоша — так звали соперника Тёмы, был сыном начальника пограничной заставы. Пovyше ростом и покрепче с виду, он был уверен в своем превосходстве и без обиняков предъявил ему ультиматум:

— Отвали, приятель! Разве не видишь, что ты мне мешаешь? Не то быстро схлопочешь по сопатке.

Но Тёму дракой было не запугать.

— Еще чего! — он бросил презрительный взгляд на соперника. — Еще неизвестно, кто кому мешает. Очень ты ей нужен, рыжий-конопатый!

Гоша действительно был не только веснушчатым, но и вдобавок еще и рыжим. К тому же, на правой руке у него было шесть пальцев. Это вызывало насмешки, и, если кто-то его задевал, он, не раздумывая, тут же пускал в ход свой нестандартный шестипалый кулак. Так что Гошина угроза была вполне реальной.

Схватка вышла жестокой и бескомпромиссной. Они продолжали яростно драться даже тогда, когда их стал разнимать прибежавший пионервожатый.

Трудно сказать, чем бы все это для них кончилось. Они не только крепко поколотили друг друга, но и порвали свою артековскую форму. Однако их наказание было отменено, ибо военная обстановка резко обострилась, и лагерь пришлось срочно свернуть. В эти дни радио сообщало о том, что в районе Ровно идет большое танковое сражение, в котором участвуют тысячи единиц бронетехники с обеих сторон. По-видимому, именно оно имело решающее значение для дальнейшего хода войны, так как, одержав верх в этой схватке, немецкая армия неудержимо покатила на восток, почти не встречая сопротивления.

Детей из «Артека» стали срочно отправлять домой, но вернуться было суждено не всем. Западную Украину и Прибалтику немцы уже заняли, и тех, кто там жил, повезли через Кавказ в Среднюю Азию. Очень боялись, что москвичам тоже не удастся вернуться домой, — как возникла угроза, что враг перережет железную дорогу. Но все обошлось, хотя и не без приключений.

Обратный путь в Москву совсем не напоминал приятную и комфортабельную поездку в «Артек». На вокзал их везли в грузовиках, а в

Симферополе посадили в общий вагон, заполнив его детьми до отказа. Тёме досталась верхняя багажная полка, и на ночь его привязывали ремнями, чтобы не свалился. По дороге поезд дважды бомбили немецкие самолеты, но им все же повезло, и на Курском вокзале большинство ребят со слезами встретили счастливые родители.

* * *

Первые месяцы войны повергли всех в шок. Народ был уверен, что Красная Армия столь сильна, что даст врагу сокрушительный отпор, а она фактически была разгромлена на границе и отступала так стремительно и неорганизованно, что это больше походило на бегство. В жестоких воздушных и наземных боях немцам удалось перемолоть нашу военную технику, и пытающиеся задержать их войска, не имея авиации и танков, несли огромные потери. Используя свое подавляющее превосходство в воздухе и в танках, моторизованные части вермахта то и дело заходили в тыл, окружали, брали в так называемый «котел» крупные соединения, в плену оказались сотни тысяч красноармейцев.

Не помогло даже наше сверхмощное секретное оружие — ракетные установки залпового огня, любовно прозванные «катюшами». Впервые примененные под Ельней, они нанесли огромный урон противнику и заставили его отступить на этом небольшом участке фронта, однако перелома в ходе военных действий не произошло. Удалось лишь немного задержать наступление немцев на главном направлении, в то время как на юге они продвигались столь успешно, что уже захватили почти всю Украину.

Единственным, что на поверку оказалось правдой, так это поразительные стойкость и героизм бойцов Красной Армии; воюя с вооруженным до зубов противником буквально голыми руками, продолжали бесстрашно сопротивляться, и в самых отчаянных, и, казалось, безвыходных ситуациях верили в победу над врагом. Другой народ, другая армия, понеся такой урон, давно бы капитулировали. На это, видно, и рассчитывал Гитлер. И в этом была его роковая ошибка.

Несмотря на тяжелые поражения, на ежедневные сообщения Совинформбюро о все новых и новых населенных пунктах, оставленных врагу «после ожесточенных боев», никакой паники в народе не наблюдалось. Казалось даже, что чем больше терялось территории, тем выше поднималась волна патриотизма и крепла решимость любой ценой

прогнать захватчиков с родной земли. Как это ни парадоксально, но чем хуже были военные сводки, тем сильнее люди рвались на фронт.

В семье Наумовых проводили уже двоих. Первым, конечно, отправился на Западный фронт Сергей Ильич. Правда, ему пришлось больше недели побегать по военкоматам, но в конце концов его мобилизовали и назначили начальником санитарного поезда, как он того и добивался. Раненых было так много, что домой отец с тех пор не заезжал даже тогда, когда поезд прибывал в Москву. Тёма только один раз встретился с ним на вокзале, посланный туда за чем-то матерью.

Ушел на фронт добровольцем и дядя Илья. Как связиста, его сразу назначили командиром передвижной громкоговорящей установки, которые использовались для агитации вражеских солдат. Еще со времен революции коммунистическая пропаганда считалась самым мощным оружием, и надеялись, что она поможет образумить сынов немецкого рабочего класса и снизит боевой дух вермахта. И, как вскоре выяснилось, это назначение было смертельно опасным.

— Убьют, наверное, нашего Илюшку, — с горечью сказал Анне Михеевне Борис Ильич. — Ему выпала роль камикадзе. Если на передовой у умелого солдата еще есть шансы остаться в живых, то у него их нет!

Деверь возводил оборонительные рубежи на ближних подступах к столице и, приезжая в город по делам службы, всегда заходил проведать семью брата и чем-нибудь им помочь.

— Но почему его непременно должны убить? Илюша крепкий парень, к тому же неглуп и осмотрителен. И потом, Боря, он же прошел военную подготовку!

— Эти машины с громкоговорителями разъезжают на передовой, и, как только начинают агитировать, немцы по ним сразу открывают бешеный огонь на поражение, — хмуро объяснил Борис Ильич. — По ним стреляют из всех орудий, их бомбят с воздуха, даже посылают диверсионные группы, чтобы уничтожить.

— Но ведь и Сережа пишет, что их санитарный поезд все время бомбят и обстреливают. На войне все рискуют жизнью.

Похоже, что Борис Ильич оказался прав. Письма, которые Илья регулярно посылал матери, внезапно прекратились, и семье о нем ничего больше не было известно.

Марк Горкин тоже рвался на фронт, но у него пока ничего не получалось. До восемнадцати ему не хватало всего нескольких месяцев, да и кроме того, к началу войны он уже был инструктором аэроклуба по парашютному спорту, и начальство его не отпускало.

«Ты готовишь бойцов для фронта, и куда больше пользы принесешь здесь», — убеждали Марка старшие товарищи, но он не желал с этим мириться и продолжал обивать пороги разных инстанций.

Не охлаждали его пыл просьбы и увещевания Лели. К этому времени Марк уже числился ее официальным женихом. Познакомил свою мать, Клавдию Осиповну, и сестру Машу с родителями невесты, и если бы не война, то наверняка уже сыграли бы свадьбу. Тёма слышал, как уговаривала Анну Михеевну будущая сватья.

— Аннушка, дорогая, не стоит с этим мешкать. Ведь всякое может случиться. Молодая кровь — она горячая! Пускай поженятся!

— Ну какой из Марика муж? — возражала Анна Михеевна. — У него даже специальности нет, а ведь мужчине нужно содержать семью. Разве женитьба не помешает им обоим учиться?

— Не помешает! — стояла на своем мать Марка. — Мой сын — вполне самостоятельный парень. Он еще не решил, куда поступать, но что задумает, то обязательно сделает. Если будет надо, пойдет работать. Он сейчас уже получает зарплату как тренер. Но этого не потребуются, — горячо заверила она. — Ведь они с Лелечкой будут жить у нас, и я обо всем позабочусь!

Клавдия Осиповна давно овдовела, и одна растила двоих детей. Но у нее была вязальная машина и ее трикотажные кофты и свитера пользовались спросом, она хорошо зарабатывала.

— А как же Машенька? Ты что же, отберешь у нее маленькую комнатку? Она ведь обидится, и тогда у вас начнутся раздоры. Пусть уж лучше живут с нами.

— Это будет неправильно! — резонно возразила Клавдия Осиповна. — У тебя совсем другая обстановка. Вы все ютитесь в одной комнате, твой сын — почти взрослый парень. А со мной будет жить дочь. Как говорят в Одессе, — рассмеялась она, — это «две большие разницы»!

— А что касается Маши, то девочка все уже понимает и не обидится.

— И все же не следует торопиться со свадьбой, — не сдавалась Анна Михеевна. — Пусть сначала определятся с учебой. Вот Леля поступит в медицинский, пойдет учиться Марик, — и дай им Бог счастья! — И, понимающе взглянув на Клавдию Осиповну, добавила: — Ну а если что случится, тогда уж придется поспешить с регистрацией. Ты ведь не

станешь возражать, Клаша?

Этот разговор состоялся еще до начала войны. А теперь, когда Марк рвался на фронт, он уже не возобновлялся, и Тёма заметил, что больше всех из-за этого переживает Леля. Его сестра, несмотря на свой юный возраст, была сдержанна в проявлении своих чувств и ни с кем не делилась, разве только с матерью. Но однажды она все-таки не сдержалась и высказала жениху все то, что было у нее на душе.

— Вот уж правду говорят, что мужчины делают все, чтобы их было меньше, — с обидой бросила Леля, когда Марк сообщил ей, что наконец-то начальство аэроклуба дало согласие на его призыв в армию. — Неужели, Марик, ты предпочитаешь бросить меня и погибнуть на фронте, чем остаться дома и жить вместе?

— Как ты смеешь говорить такое? — возмутился Марк. — Разве я могу остаться дома, когда нужно бить врага? Я же к этому готовился и смогу лучше других. Мне совесть не позволит отсиживаться за спинами моих товарищей!

И стал горячо ей доказывать:

— Ну почему ты заранее меня хоронишь? Всех немцы не перебьют! Особенно тех, кто их не боится и умеет воевать! А кто же тогда выиграет войну, если самые бойцы будут прятаться под юбки? Значит, по-твоему, пусть другие отдадут жизнь за нашу победу?

— А почему ты думаешь, что ты лучше других? — голос у Лели дрогнул и на глаза навернулись слезы. — И без тебя там справятся те, кого ты здесь готовишь. Тебе же говорили, что это дело важнее. А ты меня бросаешь, — она все же заплакала. — Это нечестно после того, что было. Это — преда-ательство!

— Предательство? — аж взвился от возмущения Марк. — Разве я отказываюсь на тебе жениться? Да я хоть сейчас готов! А вот, если я, здоровый бугай и к тому же комсомольский секретарь, призывавший товарищей идти на фронт, буду отсиживаться в тылу — тогда это будет настоящее предательство!

Задыхаясь от гнева, он выскочил из комнаты, а Леля ушла к себе, плотно закрыла дверь, и Тёма долго слышал как она тихо плакала в подушку... Через несколько дней он узнал от Маши, что Марка направили в специальный отряд для заброски во вражеский тыл. Состоялось ли их прощание с Лелей, она не знала.

Всеобщая мобилизация сказывалась. На селе не хватало рабочих рук, и Тёму, как и многих других московских школьников, отправили в колхоз на прополку овощей. Их поселили в местной школе, неплохо кормили, и хотя работать днем приходилось много, зато по вечерам было весело. Играли в лапту и футбол. Даже устроили соревнования по волейболу.

Когда вернулись домой, Москву было не узнать. Фронт неумолимо приближался к столице и, в ожидании налетов вражеской авиации, в городе осуществили маскировку наиболее важных исторически значимых объектов. Возвели такие декорации, что не только с воздуха, но и на земле нельзя было узнать Красной площади и Кремля, Большого театра, музеев, библиотеки имени Ленина. Особо постарались закамуфлировать оборонные заводы и военные объекты.

Повсюду расположились зенитные батареи. Одна из них была совсем близко от Тёмы — у Чистопрудного бульвара, рядом с метро, и он вместе с ребятами часами наблюдал за тем, как несут вахту орудийные расчеты. Наряду с ними и истребителями ПВО, московское небо охраняли многочисленные аэростаты заграждения. Их то и дело проносили по улицам города, перебазирова с места на место.

Ночью Москва погружалась во тьму — повсюду строго соблюдалась светомаскировка. В подземных станциях метро и подвалах больших домов организовали бомбоубежища. Особенно будоражили всех учебные воздушные тревоги. Тогда звучали громкие предупреждения по радио, пронзительно выла сирена, и толпы людей, многие с детьми на руках, устремлялись к метро и в сырые полутемные подвалы.

Чтобы не ходить в бомбоубежище, Тёма сразу вызвался дежурить во время воздушных тревог на крыше своего дома. Из-за этого ему пришлось выдержать бой с матерью.

— Я категорически против! Вот пойду и добыюсь, чтобы тебя вычеркнули из дружинников, — возмутилась Анна Михеевна. — Это безобразие, что используют малолеток, да еще без обучения! Ты же свалишься с крыши!

— Ну почему же без обучения? Нам показывали, что надо делать, если упадут зажигалки. А на крышу я и раньше лазил, когда был еще пацаном, — возражал ей Тёма. — Меня этому учить не надо, мама! И какой же я малолетка, раз уже в седьмой класс перешел?

Но Анна Михеевна стояла на своем:

— Но вы с ребятами туда просто забирались, чтобы посмотреть. А теперь ведь надо бомбы гасить. Тут запросто сорваться можно!

— Ничего со мной не случится, мамочка! — горячо заверил ее

Тёма. — Не бойся, я буду осторожен! — И привел самый сильный, по его мнению, аргумент. — Ты что, хочешь, чтобы сожгли наш дом? А я этого не допущу!

Анна Михеевна продолжала сопротивляться, хотя и не так уверенно, ибо доводы Тёмы на нее все же подействовали.

— И без тебя есть кому с этим справиться!

— Нет, мама! Рассчитывать, что кто-то все сделает за нас — скверное дело, — рассудительно, как взрослый, ответил он, «дожимая» мать. — Мне ведь скоро в комсомол вступать, а я буду с детишками в бомбоубежище отсиживаться? Отец и Марик на фронте воюют, а мне надо здесь делать, что смогу!

Анна Михеевна не нашлась, что возразить, и лишь огорченно махнула рукой.

* * *

Вскоре начались массированные воздушные налеты на Москву. Вот уж никто не думал, что такое возможно! Дежуря на крыше своего дома, Тёма почти ежедневно наблюдал незабываемое ночное зрелище. Все небо было в перекрестных лучах прожекторов, которые то и дело выхватывали из тьмы какой-нибудь из гудящих на большой высоте немецких самолетов. Сразу начинали бить зенитки, и было видно, как его атакуют наши истребители. Не раз объятые пламенем вражеские стервятники падали, и при ударе о землю гремели мощные взрывы.

Однако, несмотря на большие потери, отдельные немецкие самолеты все же прорывались к Москве и беспорядочно сбрасывали свои бомбы, вызывая многочисленные пожары. Несколько тяжелых бомб упало в районе Чистых прудов, а одна совсем недалеко от Тёминого дома, в Армянском переулке. Тогда погибло особенно много людей.

— Давай сбегаем посмотрим, — предложил Тёме дежуривший с ним на крыше Вовка Алексеев, когда дали отбой воздушной тревоги. — Наверное, большая бомба в дом попала. Так грохнуло, я чуть на тротуар не свалился! Хорошо, вовремя уцепился за трубу.

— А нам не попадет? — усомнился Тёма. — Вдруг снова будет налет и объявят воздушную тревогу?

— Так быстро фрицы не вернуться, — заверил его Вовка. — В любом случае успеем. Только посмотрим — и сразу назад!

Они вылезли через чердак на лестничную площадку, бегом спустились

по ступенькам и помчались во весь дух по Покровке к Армянскому переулку. От знакомого им большого кирпичного дома остались лишь груды кирпича и обломки перекрытий, которые завалили вход в бомбоубежище. Оттуда доносились крики и стоны. Завал был оцеплен милицией и его поспешно разбирали спасатели.

Когда вход в бомбоубежище наконец очистили от обломков, — стали выводить и выносить пострадавших. Жертв было очень много: тяжелая фугасная бомба прошла все этажи и разбила бетонное перекрытие подвала. Санитарные машины не успевали увозить раненых. Мертвых укладывали тут же, у входа, на брезент. В воздухе стоял сплошной женский плач — к тому же уцелевшие жильцы остались без крова.

Вернувшись домой, Тёма узнал, что такая же бомба разрушила еще один большой, и самый красивый, дом на Чистопрудном бульваре, там жили его тетя Инна с бабушкой Верой Осиповной. Об этом ему сообщила взволнованная Леля.

— От дома остались одни руины! Вся проезжая часть и трамвайные пути засыпаны обломками, — рассказала она брату. — Сосед, Нил Федотыч, шел из своего ресторана и видел это своими глазами.

— А мама где? Почему ты одна? — забеспокоился Тёма.

— Мама очень испугалась за тетю Инну и бабушку, — объяснила Леля. — Сразу побежала узнать, что с ними.

— Да чего ихнему дому сделается? — пожал плечами Тёма. — Он ведь стоит далеко, в глубине двора.

— Ты что — дурак? — покосилась на него Леля. — Мама не за дом испугалась, а за них самих! Их бомбоубежище как раз под тем домом, в который попала бомба.

Когда вернулась домой Анна Михеевна, все прояснилось.

— Слава Богу, на этот раз с ними ничего не случилось, — переведя дыхание от быстрой ходьбы, сообщила она детям. — Бабушка Вера приболела, и тетя Инна, побоявшись оставить ее одну, не пошла в бомбоубежище. Оттуда все еще вытаскивают людей. — Анна Михеевна устало опустилась на стул. — Боюсь, что жизнь Инночки и мамы теперь будет в опасности при каждом воздушном налете!

— Это почему же? — удивился Тёма. — И в наш дом может попасть бомба.

— Все может быть, — согласилась Анна Михеевна, — но их положение намного хуже нашего. — И терпеливо пояснила: — Инночка уверена, что целью бомбежки была зенитная батарея, что расположена у

станции метро. А бомбы попали в окрестные дома из-за неточности немцев.

— Тогда, может, будет лучше, — предложила Леля, — если тетя Инна с бабушкой поживут у нас?

— Я пробовала их уговорить, — огорченно ответила Анна Михеевна. — Инночка, конечно, за, но мама — ни в какую! Ей, как всякому старому человеку, неохота двигаться с насиженного места. И она рассуждает так: двум смертям не бывать, а одной не миновать!

* * *

При первых же бомбежках в городе заговорили о «пятой колонне». И до этого ходило много слухов о предательстве и немецких лазутчиках в нашем тылу. Говорили, что из-за них остались без горючего самолеты на прифронтовых аэродромах и много боевой техники оказалось неисправной в первые дни войны. Переодетые в нашу военную форму диверсанты распространяли дезинформацию, нарушали связь и наносили коварные удары в спину войскам.

Вскоре стало известно, что в предательстве обвинили многих высших офицеров Красной Армии, ответственных за поражение в первые месяцы войны. По приказу Сталина был расстрелян даже генерал Павлов, командующий фронтом. Казнили на месте всех, кто сеял панику и бежал, не оказывая сопротивления врагу. Шли массовые аресты, в Сибирь ссылали местных жителей, подозреваемых в ожидании прихода немцев.

Много вражеских лазутчиков обнаружилось и в Москве. Во время ночных налетов они фонариками с земли сигналили немецким бомбардировщикам. Маскировавшиеся под мирных жителей предатели подавали свои сигналы большей частью из окон и крыш домов. Контрразведчики и милиция при поддержке населения устраивали за ними настоящую охоту и, поймав, нередко производили расправу прямо на месте.

Чтобы выстоять и добиться перелома в ходе войны, требовалось срочно укрепить тыл, обеспечив единый патриотический подъем и непримиримое отношение к врагу. А в стране после тяжелой Гражданской войны и жестоких массовых репрессий было слишком много недовольных коммунистическим режимом, втайне мечтавших о его свержении. Тогда-то и была развернута кампания по ликвидации «пятой колонны».

Тёма знал, что такое название дали тайным врагам республиканской власти в Мадриде, которые при осаде столицы Испании мятежниками

генерала Франко вели подрывную работу в городе, в тылу правительственных войск. Мятежники наступали четырьмя колоннами. Поэтому их тайных пособников в столице прозвали «пятой колонной». С тех пор так стали называть всех внутренних сторонников противника.

Повсеместная пропаганда и многочисленные аресты предателей сделали свое дело. Многие стали смотреть на тех, кто ругал власть и тем более сочувствовал фашистам как на «пятую колонну».

Для полной ликвидации «пятой колонны» и укрепления тыла Сталиным принимались беспрецедентные меры. Так, заподозрив в симпатиях и пособничестве Гитлеру, он принял решение о выселении всех немцев Поволжья в голые степи Западной Сибири и Казахстана. Народу объявили, что в их столице — городе Энгельсе раскрыт тайный шпионский центр, который должен был помочь фашистам одержать победу над Советским Союзом.

На землях Поволжья немецких колонистов поселила еще Екатерина Великая. За прошедшие столетия они обрусели, стали законопослушными гражданами России, создавшими образцовые хозяйства и показывающими пример честного, добросовестного труда. В отличие от других сельских областей, немцы в своей республике жили богато, благоустроенно и, похоже, никакого тяготения к своей исторической родине не испытывали.

Их в одночасье заставили бросить свои дома и хозяйства, посадили в эшелоны и вывезли в совершенно необжитые места. Только потому, что они были этническими немцами! Эта трагедия, происшедшая в самом начале войны, несмотря на все более разгорающуюся в народе ненависть к вероломно напавшей фашистской Германии, потрясла многих. Тёма слышал, как мать, боязливо понизив голос, разговаривала с Инной:

— То, что сейчас происходит в Поволжье, — просто ужасно! Мне рассказала наша преподавательница немецкого. Она родом оттуда, и у нее тоже большие неприятности. Люди теряют все, что нажито тяжелым трудом нескольких поколений. Они освоили дикую заволжскую степь, создали там цветущий край, а сейчас их выгнали, и все надо начинать сначала.

— А чего им не жилось спокойно? Зачем решили помочь Гитлеру? — непримиримо возразила Инна. — Вдруг вспомнили, что они тоже немцы? Я считаю это подлой изменой приютившей их стране!

Активная комсомолка, она уже подала заявление о приеме в партию и полностью одобряла суровые меры, применяемые к предателям родины.

— И ты веришь, что все они, как один, сочувствуют Гитлеру? — ахнула Анна Михеевна. — Наша немка Берта говорит, что в массе своей

они любят Россию, и Германия им ни к чему.

— Но ты же знаешь, что там раскрыли целое шпионское гнездо, — не сдавалась Инна. — Они всячески помогали Гитлеру и готовились нанести нам удар в спину!

— Ну и что? Разве у нас мало своих предателей? Вот их бы и покарали! А зачем же так жестоко наказывать всех подряд? Нельзя огульно обвинять целый народ!

Инна испуганно взглянула на Тёму, который внимательно их слушал, лежа на диване и делая вид, что читает книжку.

— И вот что, Анечка, поменьше болтай! — строго предупредила она сестру. — Не вздумай обсуждать это на работе, особенно с Бертой. Не то сама пострадаешь — и за дело! Сейчас в тяжелое для всех время правительству нужна единоклубная поддержка народа.

— Можешь не беспокоиться, на работе это больше обсуждать не придется, — успокоила ее Анна Михеевна. — Бедную Берточку тоже выселяют в Сибирь. Она приходила к нам проститься.

* * *

Неожиданно для всех жильцов их коммунальной квартиры оказалось, что высылают из Москвы, как немку, и соседку Самойлову. Несчастливая Марта не имела никакого отношения к республике Поволжья и вообще не считала себя относящейся к германской расе, так как еще ее дед по приезду в Россию принял вместе со всей семьей православную веру. Тем не менее его сын женился на баронессе из курляндских немцев, и в паспорте Марты значилась роковая национальность.

Какие только пороги не обивал Георгий Иванович Самойлов, чтобы доказать лояльность своей жены, в каких только высоких кабинетах не побывал. Но все было бесполезно. Никакие связи не помогли.

— И чего тебя угораздило жениться на немке? — ему всюду сочувствовали, но отказывали. — К сожалению, ничем не можем помочь, тем более с таким неподходящим отчеством — Адольфовна. Строгий приказ!

В конце концов он добился разрешения отправить ее в Омск, где жила семья его брата. Собираясь в тот дальний путь, как на каторгу, соседка каждый день приходила к Анне Михеевне жаловаться на немилость судьбы и лить слезы. Отзывчивая и добрая, мать терпеливо ее выслушивала и всегда находила слова утешения. Она с самого начала симпатизировала

веселой и компанейской Марте, хотя и не одобряла ее слишком легкого поведения.

Отъезд любвеобильной соседки надолго запомнился Тёме еще и потому, что сорвал его сексуальные мечты, которые были близки к осуществлению. За последний год он заметно вырос и возмужал. У него даже стали пробиваться усики. Все сильнее его стали одолевать эротические фантазии, но осуществить их на практике ему не хватало смелости. Перед знакомыми девочками Тёма робел, и единственной женщиной, которая казалась доступной, как раз была Марта.

Соседка обладала таким пылким темпераментом, что не могла отказать никому из претендентов, чему Тёма не раз был свидетелем. Несмотря на очень большую разницу в возрасте, он в последнее время часто ловил на себе ее по-женски оценивающий взгляд. И, не имея еще никакого любовного опыта, он при виде Марты сторал от желания хоть разок испытать то, о чем так сладко мечталось.

В тот день Тёма вернулся домой перед обедом. Он очень проголодался и, не найдя мать в комнате, пошел на кухню. Анна Михеевна готовила на керосинке борщ. Увидев сына, обрадовалась:

— Хорошо, что заглянул! У меня соль кончилась. Сходи к Марточке, попроси! Она — хозяйка, не то, что я. У нее все есть. Жаль, что уезжает!

Тёма незамедлительно отправился исполнять ее указание и, вежливо стукнув в дверь к соседке, вошел в первую комнату, служившую гостиной. Из спальни вышла заспанная Марта в цветастом халатике, наброшенном на голое тело. Увидев юного соседа, она лениво потянулась так, что халат распахнулся, и, глядя на Тёму масляными глазками, кокетливо улыбнулась:

— Ага! Это ты, молодой человек? Ну, и чего тебе от меня надобно? Может, попрощаться зашел? А я... отдыхаю вот...

Поручение матери тут же вылетело из головы. Тело покрылось липким потом. Он молча стоял, не отрывая горящего взгляда от полной груди Марты с острыми сосками.

— Что, малыш, очень хочется попробовать? — даже не думая запахнуть халат, хриплым шепотом произнесла Марта, приблизившись к нему вплотную. — А женилка у тебя уже выросла?

Тёма от смущения и враз завладевшего им страстного желания лишь молча сопел. Ростом он уже был выше Марты, и у него так оттопырились брюки, что она, бросив на них смеющийся взгляд, протянула руку и, бесстыдно пощупав ширинку, возбужденно предложила:

— Мы можем сейчас это проверить. Ты хочешь?

Не дожидаясь ответа, Марта увлекла Тёму в спальню. Там она подвела

его к кровати, проворно расстегнула брюки и, обняв, повалилась на спину, увлекая за собой. Тёма попытался действовать самостоятельно, но у него ничего не получалось.

— Да ты, я вижу, совсем еще несмысленыш, — ласково прошептала Марта. — Погоди, не спеши! Я тебе помогу.

Очень нежно своими руками она заправила в себя его вздыбленную плоть, и, двинувшись вглубь, в вожделенные жаркие недра, Тёма впервые ощутил, какое волшебное наслаждение дает обладание женщиной. Однако счастье это длилось недолго. Голос Анны Михеевны за дверью спросил:

— Марточка, Тёма у тебя? Я несу борщ, а он у меня недосолен.

Тёму как ветром сдуло с Марты. Весь его любовный пыл сразу погас. Он поспешно натянул брюки и смущенно пробормотал:

— Она меня к тебе за солью послала.

— Ну, и чего ты так растерялся, дурашка? Матери испугался? — с недовольной миной бросила Марта, но поднялась и пошла доставать соль.

А провожая, уже со спокойным упреком сказала:

— Был бы ты повзрослей, так запер бы дверь и довел дело до конца. Уважил бы женщину. Да не тушуйся ты так. Ничего страшного. Попозже можем повторить!

Однако повторить им уже не пришлось. На следующий день Марта уехала, и вновь они увиделись лишь после окончания войны.

Глава 8

Родина-мать зовет

Несмотря на то, что в бой бросались все новые и новые силы, линия фронта неумолимо приближалась к Москве. Массированные налеты фашистской авиации продолжались, и, хотя враг был еще далеко, столица, отбивая атаки с воздуха, стала готовиться также к обороне своих наземных рубежей и к жизни в осаде. Войскам был отдан приказ остановить немцев под Москвой.

Вся жизнь столицы на ходу перестраивалась. Хотя ставка Верховного главнокомандующего оставалась в Кремле, а вернее, под землей, в глубоких бетонированных и прекрасно оборудованных катакомбах, многие правительственные учреждения переводились в глубокий тыл, в основном в город Куйбышев — бывшую Самару.

Московские заводы продолжали работать на нужды фронта, однако одновременно с этим часть их оборудования и трудового коллектива перебазировалась на Восток, и за Уралом, на голой степи вырастали новые оборонные предприятия. Из числа москвичей, не подлежащих призыву, создавалось многотысячное народное ополчение, готовое лечь костьми, но остановить врага на подступах к столице.

Очень популярным в это время стал плакат «Родина-мать зовет!», на котором пожилая женщина взмахом руки призывает сыновей грудью встать на защиту своего отечества. Трудовой энтузиазм москвичей, их железная воля одолеть превосходящего по силам врага и вера в победу просто поражали. Люди, не щадя сил, работали на заводах и фабриках, рыли окопы, сооружали вокруг города противотанковые заграждения, отбивались от налетов вражеской авиации и готовились к обороне в отрядах народного ополчения.

В обстановке всеобщей мобилизации Тёма не мог быть сторонним наблюдателем. Несмотря на категорический запрет матери, уже несколько раз пытался записаться в отряд комсомольцев, направляемых на рытье окопов в Подмоскovie, но его нигде не принимали, хотя он везде прибавлял себе год, а то и два. Один раз его уже хотели зачислить, так как не хватало состава, но потребовали документы. Он соврал, что их ему не отдает мать, и, когда ей позвонили — обман раскрылся.

— И как тебе не стыдно так поступать? — горько упрекнула его Анна Михеевна. — Ведь и так на рытье окопов вот-вот пошлют Лелю. И тетю

Инну направили на работу с иностранцами. Это значит, что бабушка Вера теперь будет жить с нами. Ты подумал об этом? Ты ведь сейчас мой единственный помощник и должен это понимать!

Пришлось Тёме смириться. Правда, вместе с соседским Володькой ночью он по-прежнему дежурил на крыше своего дома. Но днем, после того как отсыпался, просто изнывал от вынужденного безделья. Мать поручений давала мало: Леля все еще была дома, хотя уже было известно, что их комсомольский отряд вот-вот пошлют куда-то под Можайск.

Неожиданно закончились и его дежурства на крыше. Соседи Алексеевы срочно эвакуировались с предприятием, на котором работал Глава семьи, и оставшегося без напарника Тёму отчислили из дружины. Теперь вместо них ночью дежурила другая пара. Кончалось лето, скоро надо было идти в седьмой класс, и он отпросился у матери на недельку съездить в Лосинку, чтобы проведать деда с бабушкой и отдохнуть перед школой.

— Хорошо, поезжай, — неохотно согласилась Анна Михеевна. — Но если будут отправлять Лелю, я тебя вызову телеграммой.

* * *

Вопреки ожиданиям, приезд в Лосинку оказался безрадостным. Там он застал целый лазарет. Дед Илья, всегда отличавшийся железным здоровьем, лежал пластом, у него был инсульт, как говорили соседи: кондрашка хватил. Он был частично парализован, неразборчиво произносил слова и его трудно было понимать. А рядом, тоже почти не вставая, тяжело хворала мать Николки, у нее была какая-то непонятная болезнь, по «женской части». К тому же Николка Коршунов ходил учиться в сапожную мастерскую, чтобы иметь рабочую продуктовую карточку, по которой лучше отоваривали.

Привыкший в гостях у деда с бабушкой ни о чем не заботиться Тёма ничего съестного не привез. У него и в мыслях не было, что они голодают. Об этом не подумала и Анна Михеевна, зная, что дед Илья, кроме того, что в столярной мастерской получает рабочую карточку, подрабатывает еще, мастера и ремонтируя мебель, и бабушка Ада может покупать еду на рынке. Однако теперь обе семьи, потеряв кормильцев, жили впроголодь.

Особенно туго приходилось семье милиционера. Бабе Аде помогал наезжавший время от времени младший сын Дима. Его, студента-путейца, взяли в железнодорожные войска, и он сопровождал эшелоны, шедшие на

фронт и в тыл. А когда призвали в армию соседа Коршунова, его жене и сыну стало совсем худо. Видно, и у «дяди Степы» были побочные заработки, потому что до войны они жили в достатке. Теперь же, когда тяжело больная мать не всегда могла что-то сготовить и постирать, Николка ходил голодный и ему было не до дружеского общения.

— От отца месяц как нет писем, — мрачно пожаловался он Тёме. — Но вроде его не убило. Так сказал сержант, который без ноги вернулся. Говорит, что их обоих тяжело ранило в одном бою.

— Тогда почему не пишет? — удивился Тёма. — Тот же боец вернулся, и твой отец, наверное, уже поправляется.

— Если б поправлялся, то написал бы. Папка нас любит! — ответил Николка с мрачной убежденностью. — Думаю, память у него отшибло или еще что. Но только плохо ему, если живой. Говорят, таких в глубокий тыл отправляют. — Он тяжело вздохнул и мечтательно произнес: — Вот бы его найти! Лишь бы живой остался! Ничего, если калека, ведь за родину ж пострадал. Я бы и работал, и за ним бы ухаживал, — и с гордостью добавил: — Мне уже, Тёмка, дают самостоятельно сапоги тачать!

Бабушка Ада все свое внимание уделяла больному и, забыв прежние разногласия, очень заботливо за ним ухаживала. На Тёму у нее не оставалось ни сил, ни времени, а учитывая то, что ей нечем было кормить внука, его присутствие явно было в тягость. Она на это даже не намекала, но Тёма все понял и с облегчением вздохнул, когда от матери пришла телеграмма. Мать звала его срочно вернуться домой, чтобы успеть проводить Лелю.

* * *

Тёма любил и уважал свою старшую сестру, хотя с самого раннего детства их отношения тесной дружбой не отличались. Сказывалась разница в возрасте и складе характера. Он был открыт и общителен, а она — сдержанна и замкнута. Кроме того, этому мешала изрядная доля ревности из-за неравного отношения к ним родителей. То ли потому, что Леля была их первенцем, то ли потому, что старше его и серьезнее, но ее приоритет всегда был незыблем. Леле всегда и во всем отдавалось предпочтение, ее больше баловали, никогда не наказывали и постоянно ставили Тёме в пример.

Во многом это было справедливо, так как Леля была тихой девочкой, вела себя образцово, и никто на нее не жаловался. Тёма же дрался с

ребятами, рвал одежду и иногда мячом попадал в соседское стекло. Но зато и успехов у него было намного больше! Разве мало было того, что учился на одни пятерки, а школьные успехи сестры оставляли желать лучшего? Такая разница в отношении к ним родителей казалась ему несправедливой, но он свою ревность не выдавал, и никогда на это не жаловался. Тем более что сам считал свою сестру самой примерной и красивой девочкой в их районе.

И правда, небольшого росточка, но очень складненькая, Леля, в отличие от грубоватых соседских девчонок, в детстве напоминала белокурого ангелочка. Этому сходству способствовали матовая кожа, правильный овал лица и большие небесно-голубые глаза. С возрастом волосы у нее немного потемнели, но она, пожалуй, стала еще краше. Особенно ей шло то, что она не кичилась своей красотой, и ее поведение по-прежнему оставалось тихим и скромным.

Тёма приехал домой как раз в тот момент, когда у Лели сборы подходили к концу. Брала она с собой только рюкзак, и поэтому надо было особенно тщательно отобрать все, что могло понадобиться в полевых условиях. Трудно было себе представить, как это слабая и нежненькая, освобожденная от занятий по физкультуре девушка сможет целый день орудовать лопатой, копая землю для блиндажей и окопов.

Когда же они с мамой проводили Лелю до места сбора комсомольского строительного отряда, Тёма поразился еще больше. По сравнению со своими сверстницами сестра выглядела просто крепышкой. Некоторые девушки имели чахлый и болезненный вид, а те несколько парней, которых он заметил в их отряде, были настоящими доходягами.

— Неужели эти дохляки способны махать лопатой? — презрительно спросил Тёма. — По-моему, они еще слабей, чем девчонки.

— Эти ребята серьезно больны. Поэтому их и не взяли в армию, — объяснила Леля. — У кого туберкулез, у кого еще что.

— Ну и сидели бы тогда дома! — сердито обронил Тёма. — От них же пользы никакой. Еще загнуты там, и вам хлопот добавят!

— А кто тогда окопы копать будет? Одни девчонки? — огрызнулась Леля. — Вот они так не считают, хоть и больные. Говорят, что будут копать, сколько сил хватит. Если помрут, то ведь и здоровые на фронте гибнут! В общем, эти ребята — настоящие комсомольцы. Как Павка Корчагин!

Книгу Николая Островского «Как закалялась сталь» Тёма знал наизусть, и слова сестры произвели на него впечатление. Совсем другими глазами посмотрел он на этих самоотверженных «доходяг», и теперь они показались ему очень славными ребятами.

— Все-таки это неправильно, что в ваши отряды не берут моложе по возрасту, — посетовал он. — От таких, как я, было бы куда больше толку, чем от тебя и этих инвалидов!

— Не торопись, Тёмка! Ты еще все успеешь, — с неожиданной теплотой сказала Леля. — Думаю, эта война скоро не кончится. Наверняка тебе и повоевать придется!

Она ласково взъерошила ему волосы и мягко попросила:

— Ты уж не бросай маму! Помогай ей, чем только можешь. Один ведь у нее остаешься!

— Ну что ты, Леля? — всполошился Тёма. — Вы с папой обязательно вернетесь! Не смей думать ни о чем плохом!

— Все ведь может случиться. Сам знаешь, как прут немцы! Говорят, они уже подошли к Ржеву. Да и папу все время бомбят.

— Нас тут тоже бомбят. На то война! — резонно возразил Тёма.

— Ну что же, давай, братик, на всякий случай попрощаемся!

Она порывисто обняла его и крепко поцеловала. Потом подошла проститься к матери. Раздалась команда, и комсомольский отряд из бывших десятиклассников вытянулся в разношерстную колонну. Очень грустно было видеть всегда красиво и опрятно одетую Лелю в мешковатых спортивных шароварах и старой маминой куртке, которая была ей явно велика. Да и остальные выглядели не лучше.

Появилось школьное и комсомольское начальство, были произнесены надлежащие патриотические речи, и колонна двинулась к ожидавшим ее грузовым автомашинам. Послышался чей-то материнский плач. В колонне многие крепились изо всех сил, чтобы тоже не зарыдать, и было видно, как по щекам у девушек катятся слезы.

Ведь и правда, никто не знал, удастся ли им увидеться вновь!

* * *

Вскоре пришлось провожать в дальний путь Инну. С Тёминой помощью, она перевезла бабушку Веру к ним на Покровку, поселив в маленькой комнатке, которую раньше занимала Леля. И произошло это не из-за бомбардировок, а совсем по другой причине.

Молодая и красивая тетя Инна была любимицей матери. Она успешно окончила институт связи, получив диплом с отличием, и была принята в аспирантуру. Живая и остроумная, была душой компании, прекрасно играя на пианино и по слуху легко подбирая все модные мелодии. В

совершенстве владела английским. Ее приняли в партию, перед ней открывалась блестящая научная карьера, но она неожиданно выбрала совсем иной жизненный путь.

— Не могу понять, Инночка, — допытывалась Анна Михеевна. — Почему ты бросила аспирантуру? Все говорили, что ты быстро защитишь диссертацию и пророчили тебе большое будущее. Только не лукавь, что тебя обязали по партийной линии!

— Это правда: мне в парткоме настойчиво предложили эту работу, так как хорошо знаю английский. Ты сама виновата, раз научила меня по-английски разговаривать, — шутливо упрекнула ее Инна. — Но если по-честному, то, конечно, я могла от нее отмотаться, — уже серьезно призналась она сестре. — Просто так сложились мои обстоятельства. Уж очень противно было, — досадливо поморщилась Инна. — Мой руководитель, старый козел, вполне откровенно ко мне лез и дал понять, что без этого, — она брезгливо поморщилась, — моя научная карьера не состоится. Он хоть и похотливый старикашка, но большой ученый, и в нашей области его слово — закон!

— Да уж! Теперь все ясно. Но почему ты согласилась на работу, не связанную со своей специальностью?

— Ну, положим, моя специальность — ходовая и еще может пригодиться. Но то, чем я сейчас занимаюсь, намного интереснее, — увлеченно объяснила Инна и не удержалась от пафоса: — А главное, сейчас это важнее для нашей победы. — Она немного помолчала, как бы решая, стоит ли посвящать сестру, но все же открыла суть своей новой работы.

— Если ты думаешь, что я — простая переводчица у секретаря австралийской миссии Генри Уилсона, то ошибаешься. Меня направили туда в качестве референта по связям с правительственными органами: моя задача — обеспечить, чтобы они были самыми дружественными.

— Но надеюсь, не любовными? — полушутя спросила Анна Михеевна, пытливо взглянув на сестру. — Это же не входит в твое партийное задание?

— Почему бы нет? — улыбнулась ей Инна. — Я свободная женщина, и мой новый шеф, Генри Уилсон, еще молод и очень даже интересный мужчина. Если полюбит меня, полюбит и нашу страну! — Видимо, Инна решила просветить сестру. — Сейчас происходят очень важные события: оформляется наш союз с западными странами. Наконец-то они поняли, что им без нас фашизм не победить. Даже премьер-министр Англии Черчилль, лютей враг советской России, — она усмехнулась, — шлет сейчас Сталину дружеские письма с предложениями о взаимопомощи. Старый лис отлично

сознает: если Гитлеру удастся нас одолеть, то и им конец!

— Понимаю, — кивнула Анна Михеевна и, опасливо взглянув на сестру, спросила: — У тебя, наверное, взяли подписку — обо всем, что делают австралийцы, сообщать куда надо? Неужто, Инночка, ты стала, — не удержавшись, она поморщилась, — сексотом?

— На то и заводят секретных агентов, чтобы о них никто не знал, — отшутилась Инна. — Но в одном можешь не сомневаться: если я в Генри не разочаруюсь, то скорее укачу в далекую Австралию, чем буду на него стучать!

— Неужели у тебя уже... с ним, — Анна Михеевна не хотел верить тому, что услышала, — да так быстро? Австралия же на краю света, и этот Уилсон наверняка женат. Что ты о нем знаешь?

— Почти ничего, кроме главного: это мой мужчина! — с веселой небрежностью отрезала Инна. — Надеюсь, ты не станешь меня воспитывать, Анечка? Я ведь уже большая девочка.

Такой решительный отпор возымел действие, и старшая сестра оставила все попытки ее образумить. Вскоре Тёма воочию убедился, что его тетя «спуталась» с иностранцем. Хотя бабушка Вера жила вместе с ними, Инна по-прежнему ночевала у себя на Чистых прудах, а на Покровку приходила, чтобы помочь лишь вечером, после работы. Как-то утром Анна Михеевна послала к ней Тёму за лекарством для бабушки. Тогда-то он и обнаружил там австралийского дипломата. Тот был в полосатой пижаме, и смятая постель красноречиво свидетельствовала о том, что он провел здесь целую ночь.

Генри Уилсон был высок и по-спортивному подтянут. Его нельзя было назвать красивым, он был длинноносый очкариком, и в мелко вьющихся рыжеватых волосах просвечивала большая лысина. И все же он располагал к себе с первого взгляда всем своим добродушным видом, веселым взглядом и широкой белозубой улыбкой.

Тёме Генри понравился бы, если бы связь наших граждан с иностранцами не считалась в то время такой предосудительной. Он сухо поздоровался с новым ухажером Инны и, получив лекарство, тут же ретировался. Ему очень хотелось высказать тетке протест, но, не зная, как это сделать — то ли прямо в лицо, то ли с помощью матери, — Тёма тянул, пока все не решилось само собой. Австралийскую миссию, вслед за правительством, перевели в Куйбышев, и они надолго расстались с его грешной тетей.

Совершенно неожиданно, без предупреждения, домой прибыл отец. Сергей Ильич получил новое назначение — начальником фронтового эвакогоспиталя, и несколько дней ему предстояло решать организационные вопросы. Этим он занимался с утра до позднего вечера, но, когда приходил домой, они с Анной Михеевной еще долго с тревогой обсуждали сложившееся положение. А волноваться было из-за чего.

— Какие меры ни принимаем, а немцы все прут и прут. Правда, у Можайска их удалось задержать, но надолго ли? У них все еще большое превосходство. Ты и не представляешь, Анечка, какие мы несем потери. Сколько уже народу погибло! Скорее бы наступила зима!

— Это почему? — не поняла его жена. — Что может изменить зима?

— Когда выпадет снег и грянут морозы, нашим станет полегче, — убежденно сказал Сергей Ильич. — Мы ведь к этому привыкли, а вот немцам воевать в таких условиях будет плохо. Завязнут они в нашем бездорожье и сугробах! Что с Лелей? — Он помолчал. — Не хотел тебе говорить, но и молчать не могу. Давно получала от нее весточку?

— А что случилось? — встревожилась Анна Михеевна. — Третьего дня заходил паренек из ее отряда. Освободили по болезни. Жаловался, что работы много и кормят плохо. А она — молодец, в записке, что прислала, нюни не распускала!

— Когда сюда ехал, доставили раненых из-под Ржева, они говорят, что немцы прорвали фронт. Я уже написал Борису. Попросил, чтобы послал туда кого-нибудь и, если надо будет, выручил бы племянницу.

— Думаешь, он сможет? — с надеждой посмотрела на него жена.

— Он возводит укрепления на ближних подступах к Москве, где-то под Волоколамском. Это не так далеко, и ты знаешь Борю. Сделает все, что сможет!

— Скажи прямо, Сережа, ты боишься, что наши отступят и бросят ребятшек на произвол судьбы? — перепугалась Анна Михеевна.

— Очень боюсь!

— Значит, остается уповать на Бога? — На глаза ее навернулись слезы.

— Попробуй, раз в него веруешь, — хмуро буркнул Сергей Ильич. — Но я больше надеюсь на Бориса. И утри слезы! Они-то точно не помогут!

— Ну да, ты ведь коммунист, — всхлипнула, послушно доставая носовой платочек жена. — Не подавал еще заявления, чтоб восстановили?

Сергей Ильич рад был сменить тему разговора.

— С этим, видно, придется повременить. Мне ведь не восстанавливаться, а заново вступать придется, — объяснил он. — На фронте сейчас многих принимают в партию. Прямо перед боем. Но нужны рекомендации.

— А у тебя их нет? — огорчилась Анна Михеевна.

— Не хватает всего лишь одной, но получить ее не просто. Мне обещал дать ее комиссар нашего поезда. Но он, бедняга, погиб, когда нас в последний раз бомбили. — Он снова мрачно задумался и, видимо приняв решение, сказал: — Сейчас у меня более важные заботы: о вас, дорогие мои! Наше дело мужское — жизнью рисковать, и я к этому привык на фронте еще в Первую мировую. Но не смогу спокойно работать, если вы не будете в безопасности.

— Да какая же нам, по сравнению с тобой, грозит опасность? — несогласно посмотрела на него Анна Михеевна. — Мы же находимся в тылу!

— Немцы рвутся к Москве, и не сегодня-завтра она может стать фронтовым городом. Усилятся бомбежки, может начаться артиллерийский обстрел. Населению грозит голод. Зачем же так рисковать?

— Ты хочешь сказать, Сережа, что нам надо будет отправиться в эвакуацию? А как же Леля?

— Вам необходимо на время уехать из Москвы! Пока не минует непосредственная угроза столице. А Леле ты здесь все равно ничем не можешь помочь, — добавил, чтобы успокоить. — Мы с Борей разыщем ее и пришьем к вам! — И с любовью взглянув на жену, мягко заключил: — Будем считать этот вопрос решенным, Анечка. Я перед отъездом на фронт все устрою. Мне обещали включить вас в списки эвакуируемых в Уфу. Туда отправят семьи работников Минздрава и Академии наук. Попробую уговорить и своих стариков, хотя вряд ли это удастся из-за тяжелого состояния отца.

* * *

Прорвав первую линию обороны, танки и моторизованные части вермахта, обтекая Ржев с двух сторон, взяли город в клещи и, грозя полным окружением, заставили наши войска отступить. Узнав о прорыве, комсомольцев-строителей спешно погрузили в машины, чтобы выбраться на шоссе до того, как его перережут немцы, но опоздали. Когда они, наконец, преодолев два десятка километров бездорожья, добрались до

последней деревни перед шоссе, местные жители сообщили, что в сторону Москвы уже проехали вражеские мотоциклисты.

Пришлось ребятам покинуть машины, и прямо в поле состоялось бурное комсомольское собрание. На нем горячие головы предлагали пробиваться к Москве с боем, но верх все же взяли более осмотрительные.

Было решено рассредоточиться и идти пешком, мелкими группами, выдавая себя за москвичей, возвращающихся домой от деревенских родственников. Так поступили и Леля со своей подружкой Катей. Водрузив рюкзаки, двинулись в путь, делая остановки в близлежащих деревнях, чтобы набрать воды и запастись хоть какой-то едой.

Но далеко уйти не удалось. Впереди шло такое ожесточенное сражение, что идти дальше они не осмелились. Небо озарялось яркими вспышками, там была тяжелая артиллерия и непрерывно трещали автоматные очереди. Катя, рослая и крепкая девушка, куда более решительная, чем Леля, не задумываясь, предложила:

— Нам с тобой ничего не остается, как обойти этот бой стороной. Кто знает, сколько он еще продлится? А у нас еды — кот наплакал!

— Так мы что, лесом пойдём? — Леля, испуганно покосилась на мрачные хвойные дебри, стеной стоящие вдоль дороги. — И ночевать будем в лесу?

— Почему же в лесу? По дороге полно деревень. Ближе к вечеру попросимся где-нибудь переночевать.

— А не заблудимся мы, Катька? — усомнилась Леля. — У нас даже компаса нет.

— Да не бойся ты! Мы же будем идти вдоль шоссе, — успокоила ее подруга. — Постараемся держаться поближе к опушке, чтобы не терять дорогу из виду.

Но, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает. На опушке так разросся кустарник, что пробраться сквозь него было невозможно, и девочкам пришлось углубиться в лес. Там деревья росли реже, продвигаться стало намного легче, но они все-таки заплутали. Их подвело болото.

Лес неожиданно кончился, почва под ногами стала зыбкой, и перед ними разлилось обширное и глубокое озерцо, перейти через которое они не решились. Хотели выбраться на шоссе, но там наблюдалось какое-то движение, и они побоялись, что это — немцы. Пришлось двинуться вглубь леса, обходя болото в поисках брода. Вот там-то Леле здорово не повезло.

Прошли уже более километра, а топкое болото все тянулось и конца ему не было видно. Начало вечереть, они выбились из сил и, заметив что-то

похожее на тропинку, решили все же перебраться на ту сторону. Вооружившись палками, Катя и Леля двинулись вперед, осторожно прощупывая дно и определяя глубину. Они уже прошли половину пути, когда менее ловкая Леля споткнулась о подводную корягу и, вскрикнув от боли, упала в воду. Она повредила стопу, но в состоянии шока все же попыталась встать. Может быть, ей это и удалось бы, но ее крепко держала вязкая трясина.

Если бы не Катя, там бы и нашла Леля свой конец, но ее спасла физически сильная подруга. Выбиваясь из сил, она в конце концов помогла ей выбраться из топи, кое-как дотащила до дороги. Леля не могла наступать на больную ногу, и находчивая Катя, порвав свою рубашку, сделала ей тугую повязку, после чего она смогла передвигаться, опираясь на палку, преодолевая мучительную боль.

Только поздним вечером, когда совсем уже стемнело, они добрались до какой-то деревни и постучались в крайнюю избу. Им открыла простоволосая женщина, возраст которой определить было трудно. Увидев озябших и с ног до головы залитых болотной жижей девушек, тихо охнула.

— Да что с вами стряслось, родимые? Откуда вы взяли такие страшные?

Катя коротко ей все объяснила, и вскоре они с Лелей, умытые и переодетые в какое-то хозяйкино сухое старье, сидели за столом при свете керосиновой лампы, уплетая, как два голодных волчонка, прямо из чугунка вареную картошку. Оказалось, что хозяйка, Марья Егоровна, не старая еще женщина, живет одна с тех пор, как сына забрали в армию. К ее счастью, он служит на Дальнем Востоке.

К утру нога у Лели еще больше распухла, и дальше идти она не могла. Катя очень переживала, не желая покидать подругу, но Марья Егоровна уговорила.

— Ничего с Лелечкой не случится! Пусть немного побудет у меня, пока нога не пройдет. Сейчас ей покой нужен. Как вернешься, ты ее родителей успокой. Вот возьми, я здесь свой адресок записала, — сунула ей в руку клочок бумаги. — Если будет возможность, пусть за ней кого пришлют.

— А что, если деревню займут немцы? — обеспокоилась Катя.

— Всяко может быть, но не должны, — без особой боязни предположила Марья Егоровна. — Люди говорят: их вроде бы назад потеснили.

Дня через два Катя благополучно добралась до Москвы, но зайдя к Наумовым на Покровку, никого уже там не застала. Открывшая ей

старенькая Дуняша сообщила, что их эвакуировали. Катя написала записку с адресом хозяйки, у которой осталась Леля, и сунула записку под дверь их комнаты.

* * *

Длинный товарный состав вез в грязных теплушках на Восток семьи эвакуированных москвичей. Товарняк подолгу простаивал на полустанках, пропуская в обратном направлении шедшие с Урала и Сибири на фронт эшелоны с войсками и военной техникой. Их количество и боевой вид внушали людям веру в неисчерпаемые силы своего народа и в то, что, невзирая на все беды и поражения, как обещало правительство: «враг будет разбит, и победа будет за нами».

Отъезд из Москвы был очень тяжелым. На Савеловский вокзал, с которого отправлялся их состав, Анне Михеевне, Тёме и бабушке Вере помог добраться Дмитрий Ильич, отпросившийся у командира своей части. Но времени у него было в обрез, и, посадив их в теплушку, он пожелал доброго пути и сразу заторопился обратно. На полу была подстилка из соломы, и все стали устраиваться на ней, готовясь к дальней дороге. Но только успели расположиться, как завывла сирена и началась первая бомбежка.

В тот период немецкая авиация настолько обнаглела, что налеты на Москву совершались даже в светлое время суток. Начальство состава забегало вдоль вагонов, требуя, чтобы все отправились в бомбоубежище, и толпы людей, неся на руках малышей, побежали через вокзальную площадь к высоким домам, в подвалах которых были бомбоубежища. Анне Михеевне с трудом разрешили оставить престарелую мать в вагоне.

Вскоре дали отбой воздушной тревоги, и масса эвакуируемых людей, запрудив площадь у Савеловского вокзала, двинулась к своему эшелону. Однако через каких-то полчаса опять завывла сирена и снова пришлось покидать вагоны. Так продолжалось до ночи, и на четвертый раз Тёма с матерью никуда не пошли, поскольку бабушке Вере стало хуже, да и начальство ослабило требования, видя как измучены люди.

Те, кто оставался в вагонах, натерпелись немало страху. Вверху непрерывно гудели самолеты, вокруг бухали зенитки и, казалось, совсем рядом раздавались мощные взрывы упавших бомб, от которых вздрагивала земля. Стало душно, и в теплушке приоткрыли дверь. Через узкую щель было хорошо видно, что происходит в небе над Москвой, и Тёма, вместе с

другими, азартно наблюдал, как прожектора высвечивают немецкие бомбардировщики и их атакуют наши «ястребки». Не раз «ястребкам» сопутствовал успех, объятые пламенем фашистские самолеты яркими факелами падали на землю, и все, кто это видел, кричали: «ура»!

Но и те, кто не наблюдал за схватками в воздухе, естественно, не могли этой ночью уснуть. Многие из эвакуированных расстались со своими родными и близкими, часто не ведая о их судьбе, и, не зная, удастся ли свидеться вновь. На глазах у женщин не просыхали слезы. Была безутешна и Анна Михеевна. Она никак не могла смириться с тем, что согласилась уехать, не дождавшись, когда вернется дочка.

— Не плачь, мамочка! — успокаивал ее Тёма. — У нас нет оснований опасаться за жизнь Лели. Ведь дядя Боря точно узнал, что их вывезли из-под Ржева до прихода немцев! Она просто не успела вернуться.

— Но почему? У них же было в запасе три дня. Неужели за это время нельзя добраться до Москвы? С ними что-то случилось! Их могли разбомбить!

— Это не так, мамочка! Все погибнуть не могли, — как мог разубеждал ее Тёма. — Кто-нибудь обязательно бы об этом сообщил. Я думаю, — сообразил он, — они не смогли уехать и идут оттуда пешком. А это трудно и долго! Ты ведь знаешь, какой дядя Боря настойчивый, — убеждал он ее с преувеличенным оптимизмом. — Если Леля застряла в дороге, он ее разыщет и сразу же отправит к нам!

Говоря это, чтобы успокоить и утешить мать, Тёма и сам не подозревал, как он близок к истине.

Лишь под утро эшелон двинулся наконец в путь, и измученные бессонной ночью люди стали устраиваться на полу теплушки, чтобы отоспаться и отдохнуть.

Глава 9

В эвакуации

Отправляя их из Москвы, Сергей Ильич заранее договорился со своим коллегой, Тарановским, начальником госпиталя, расположенного под Уфой, что тот примет к себе часть эвакуированных и трудоустроит членов его семьи. Поэтому, когда прибыл эшелон с москвичами, на перроне их встретили и, усадив в старенький автобус, повезли к временному месту жительства — в санаторий Лутовиново, территорию и корпуса которого теперь занимал госпиталь.

Лутовиново стояло на высоком берегу реки Белой и было одним из живописнейших мест в окрестностях Уфы. Стояла золотая осень. В центральном двухэтажном кирпичном корпусе находился госпиталь, а в расположенных вокруг деревянных постройках — столовая и другие службы. А чуть поодаль, в бараках жил персонал, а в коттеджах — семьи начальства.

Тарановский обратился к прибывшим с короткой приветственной речью. После митинга подошел к Анне Михеевне.

— Рад познакомиться и оказать помощь семье коллеги, — сказал он, пожимая ей руку. — Специально для вас освободил должность моего секретаря. Сергей Ильич сказал, что вы умеете печатать на машинке.

— Раньше приходилось. Надеюсь, еще не разучилась, — благодарно улыбнулась Анна Михеевна. — Муж вас предупредил, что нас будет четверо? Должна еще приехать дочь.

— Для вас приготовили четыре койки, — успокоил ее Тарановский. — Когда приедет, назначу ее медсестрой к выздоравливающим. Она ведь только поступила на первый курс, и ей будет легче. К сожалению, с вами вместе будет жить еще одна семья: мать и дочь. Помещений не хватает, — добавил извиняющимся тоном.

— Да уж, это неудобно, — огорчилась Анна Михеевна. — А кто они такие?

— Вполне приличные люди: жена и дочь Лыкова. Слыхали о таком? — в голосе майора звучало почтение. — Редактор толстого научно-популярного журнала.

— А сколько лет ее дочери? — обеспокоенно спросила Анна Михеевна. — У меня сын уже почти взрослый парень.

— Все понимаю: разнополые подростки, и так далее. Но ничего

поделать не могу, — сочувственно произнес Тарановский. — Будет хуже, если я подселю к вам четверых.

Анна Михеевна последовала за начальником госпиталя и, минуто поколебавшись, к ним бегом присоединился Тёма, оставив бабушку возле вещей. Тарановский привел их к небольшому дощатому бараку, состоящему всего из двух комнат, разделенных перегородкой. В каждую с улицы вел отдельный вход через крошечные сени, чтобы зимой не выхолаживаю тепло. В длинной просторной комнате шеренгой выстроились пять кроватей, а шестая стояла вдоль перегородки. Две кровати, аккуратно застеленные, видно, уже принадлежали их соседкам.

— Лыков сам привез своих накануне, — объяснил Тарановский, кивнув на обжитые постели. — Они поехали в город, чтобы его проводить. Редактор сейчас в Москве издает агитационные материалы. Обратите внимание на печь. Чтобы было тепло, достаточно топить один раз на ночь. — Москвичи приуныли. — Конечно, вам придется испытать неудобства. Зимой у нас очень холодно! Но дровами я вас обеспечу, — заверил, стараясь их ободрить. — Печку, надеюсь, сумеете растопить? И сготовить на ней можно. Вам дадут электроплитку.

— Не беспокойтесь, Лев Ефимович, мы сумеем приспособиться. Спасибо за заботу, — поблагодарила его Анна Михеевна. — К печке нам не привыкать! У нас и в Москве раньше было печное отопление.

— Ну, лады, — заторопился Тарановский. — Устраивайтесь пока. Если что понадобится, обращайтесь к завхозу. Я распоряжусь.

* * *

Осень выдалась непогожей, лили дожди. Анна Михеевна с утра уходила на службу, а Тёма сидел дома с бабушкой; на дворе грязь была непролазная, а на резиновые сапоги денег не хватало. От нечего делать он целыми днями слушал радио, но и оно не улучшало настроения. Дела на фронте становились все хуже. Немцы уже осадили Москву, взяли в блокаду Ленинград и на юге рвались к Волге. По слухам, в столице была паника, город опустел и вовсю орудовали мародеры. Чтобы навести порядок, по приказу Сталина мародеров расстреливали на месте.

От отца вестей не было, и они не знали, что с Лелей. Мать днем еще крепилась, а по ночам плакала. Питались скудно, так как на иждивенческие карточки бабушки и Тёмы да и на «служащую» Анны Михеевны выдавали очень мало продуктов. Поэтому, несмотря на упорное сопротивление

матери, Тёма настоял на том, что в школу не пойдет, а куда-нибудь найдется, чтобы получить заветную рабочую карточку.

— Не хочу ничего слышать! — категорически возражала Анна Михеевна. — Ты должен учиться и окончить семилетку. Мы как-нибудь перебьемся.

— Да брось, мама! Ты и так все отдаешь нам с бабушкой. А что с нами будет, если ты заболеешь? Не беспокойся, я сдам за седьмой класс экстерном.

— Легко сказать! А когда ты будешь заниматься, если работать пойдешь? Меня уже прикрепили к столовой, и шеф-повар Егор Кузьмич обещал добавку. Он мне симпатизирует и знает, как нам тяжело.

— На это не стоит рассчитывать, — по-взрослому рассудительно возразил Тёма. — Вот, если бы прикрепить туда еще рабочую карточку — совсем другое дело. Но для этого нужно, чтобы меня хоть кем-нибудь взяли в госпиталь.

Очевидно, его слова подали Анне Михеевне дельную мысль, так как она немного подумала и неуверенно произнесла:

— Вчера слышала, как начальник жаловался, что на фронт забирают нашего электрика. Неужто ты бы смог его заменить?

— Поменять лампочки и выключатели — запросто! — не задумываясь, выпалил Тёма. — Смогу и на «кошках» слазать, соединить обрывы на столбах. Но сделать более серьезную работу вряд ли сумею. — Он умолк, как бы прикидывая в уме свои возможности, и предложил: — Будет лучше, если меня возьмут к вашему электрику учеником. И до того как его заберут, он мне покажет все, что надо делать. Думаю, я быстро освою эту премудрость.

— А что?! Ты у меня способный! Может, что и получится, — задумчиво откликнулась Анна Михеевна. — Попробую поговорить с начальством. Наверняка возьмут — если такое безвыходное положение. Но как нам быть с твоей учебой? — спохватилась она.

— Напрасно ты, мама, мне не доверяешь! — возмутился Тёма. — Сама говоришь, что я способный. Я согласен работать и учиться. Если возьмут электриком, то смогу ходить в школу. Старшие классы учатся в вечернюю смену.

На этом и порешили, а уже через два дня Тёма таскал на себе тяжелую сумку с инструментами, сопровождая электрика Василия Ивановича и помогая ему в работе. После тяжелого ранения Иваныча комиссовали, а, поскольку вся родня была в оккупации, он остался работать в госпитале. Но недавно, после очередной комиссии, его снова признали годным к

несению воинской службы.

— Я запросто мог отмотаться. Им жаль было терять электрика, — говорил он Тёме, добросовестно обучая его премудростям мастерства. — Достаточно было пожаловаться, что болят раны. Мне даже на это намекали.

— А почему ты этого не сделал, Иваныч? — удивился ученик. — Все говорят, что твои раны серьезные. Неужто хочешь, чтобы убили?

— Совсем наоборот, малец! — бодрым тоном объяснил электрик. — Я иду, чтобы самому уничтожать фрицев! Кто же их прогонит, если все будут отсиживаться в тылу? У меня ведь и семья осталась под немцем!

На его по-мужицки изрезанное морщинами лицо набежала тень, и он мрачно добавил:

— Говорят, у нас в Белоруссии фашист дюже зверствует. Жгут целые деревни за помощь партизанам. Народ подается в леса. Надо людям на выручку идти! А такие, как ты, нас тут заменяют.

Василий Иванович отлично знал свое дело. С первых же дней Тёма проникся к нему уважением и изо всех сил старался перенять его мастерство, чтобы стать достойной заменой.

* * *

Вечером почтальон принес срочную телеграмму, в которой с надлежащей лаконичностью сообщалось:

«Жива здорова тчк Выезжаю уфимским пассажирским тчк Вагон семь тчк Встречайте тчк Целую Леля тчк»

Вся корреспонденция для эвакуированных шла на адрес госпиталя, поступая в канцелярию. Поэтому Анне Михеевне сразу принесли телеграмму, само собой в нее заглянув. Все знали о том, как она переживает за дочь, и прибежавшая с доброй вестью дородная канцеляристка потребовала:

— Ну-ка, Аннушка, пляши! Ждет тебя радость!

— Неужто весточка из дома? — встрепелась Анна Михеевна, верно отгадав материнским сердцем, в чем дело. — Моя доченька нашлась?

— Не только нашлась, а прибывает вечерним поездом! — сияя от радости, объявила толстуха. — Чего-то телеграмма запоздала, но встретить успеешь. Начальник даст машину по такому случаю.

Анна Михеевна тотчас помчалась разыскивать Тарановского.

Прибежав домой, сообщила радостную весть Тёме и бабушке Вере и вместе с сыном отправилась на легковой машине начальника госпиталя в Уфу. Когда подъехали к вокзалу, оказалось, что до прибытия поезда добрых полтора часа. К счастью, он не опаздывал, и после томительного ожидания они увидели, как в окне седьмого вагона им радостно машет рукой Леля.

Поцелуям и объятиям, казалось, не будет конца. Тёма подхватил Лелин чемоданчик и двинулся к машине. По дороге Леля рассказала о том, что с ней приключилось на болоте, как ее выходила Марья Егоровна и как они едва не оказались у немцев.

— На второй день, когда я еще не могла ходить, к хозяйке зашла соседка и сказала, что деревню, всего в трех километрах от нас, заняли немцы. Мы целые сутки тряслись от страха, думали, и к нам нагрянут, но, к счастью, все обошлось.

— Это как же? Прошли стороной? — не поняла Анна Михеевна.

— Их отогнали! Наши пехотинцы из ополчения. Здорово дали им по зубам, — с гордостью объяснила Леля и опять пригорюнилась. — Правда, с большими потерями. У нас одолжили подводу, чтобы вывезти раненых. Я просила забрать и меня, но не нашлось места, а идти не могла.

Она перевела дыхание и добавила:

— Но молоденький лейтенантик, который там командовал, обещал сообщить обо мне в штаб и сдержал свое слово!

— Неужели оттуда прислали за тобой? — изумилась Анна Михеевна. — В такой суматохе вспомнили?

— Ну что ты, мама! Разве до меня, когда так наседали немцы? — помотала головой Леля. — Но все же пожалели и дали ответ на запрос, который сделал дядя Боря. Уже через неделю в нашу деревню вошли немцы.

— Значит, тебя вызволил Борис? — с волнением спросила Анна Михеевна. — Он что, приехал за тобой?

— Нет, сам не смог. Прислал нарочного на армейском «газике». Мы с ним еле выбрались — за околицей уже шел бой. Предлагали поехать с нами и Марье Егоровне, но она пожалела бросить свое хозяйство.

— Погоди! Ведь все это происходило почти месяц назад, — опомнилась Анна Михеевна. — Где же ты была все это время, почему не подавала о себе вестей?

— То, что с нами было потом, — тебе лучше расскажет дядя Боря. Думаю, что он тоже натерпелся страху, только виду не подавал. Он построил такие хорошие укрепления, что немцы их обошли, и мы оказались в окружении. Потому и не подавали вестей.

— Как же вам удалось выйти из окружения? — подал голос до того молчавший Тёма. — Ты что же, Лелечка, участвовала в прорыве?

— Что ты! Я бы умерла от страха, — честно призналась Леля. — Наши, что оборонялись в окружении, держались стойко. А освободил нас маршал Жуков. Говорят, как его назначили, здорово стали бить немцев! Теперь все верят, что отстоим Москву.

Еще Леля сообщила, что есть весточка и от Марка. Его мать и Маша решили никуда не уезжать, и она к ним заходила перед отъездом.

— Марик воюет в тылу врага. Их забросили на парашютах за линию фронта, и они там подрывают немцев, — с гордостью сообщила она. — Его даже представили к ордену. — И с робкой надеждой пояснила: — У них теперь партизанский отряд, и туда летают самолеты. Так сказал тот, с кем Марик передал письмо. В нем он пишет, что прибудет за новым заданием, и тогда мы обязательно свидимся!

По случаю благополучного возвращения Лели в их тесной комнате устроили небольшое семейное торжество. Разумеется, с участием Лыковых, с которыми успели сдружиться. По этому случаю сообща сварганили отличный винегрет и напекли оладьев. На столе даже появилось спиртное. Анне Михеевне начальник презентовал маленький пузыречек спирта, а соседка, Дора Семеновна, извлекла из чемодана бутылку портвейна. Так что праздник удался на славу!

* * *

Зима в Лутовиново наступила рано. Стало подмораживать, затем пошел снег и его навалило столько, что вся территория госпиталя утопала в сугробах. Военные сводки были неутешительными, а жилось и того хуже. Леля уже работала в госпитале медсестрой, но и двух рабочих карточек не хватало, чтобы прокормить семью.

Тёму постоянно мучил голод, но он молча терпел. Стойко держались Анна Михеевна и Леля, а вот бабушка Вера ослабела и постоянно жаловалась дочери.

— Неужели, Анечка, нельзя что-нибудь купить на базаре? Хотя бы картошки и масла? Ты могла бы продать что-нибудь из вещей или поменять их на продукты!

— А что, по-твоему, я могу продать, мама? — удрученно оправдывалась Анна Михеевна. — Твою теплую вязаную кофту, которую прислал из Китая Вадим? Ты же замерзнешь без нее! Мы не взяли с собой

ничего лишнего. Нельзя было!

Тёма знал, что мать делает все возможное и невозможное, чтобы накормить их досыта, но ей это не удавалось. Анна Михеевна работала сверхурочно до поздней ночи, помогая бухгалтерше составлять документы и вести отчетность. За это получала дополнительную плату, но вся она уходила на зимнюю одежду: ватные телогрейки с брюками и валенки, без которых было не обойтись.

Мать откровенно любезничала с шеф-поваром, из-за чего злые языки сплетничали, будто у них отношения более тесные, чем простая человеческая симпатия. Она сама ходила с судками в столовую, и пузатый здоровяк Егор Кузьмич всегда подкладывал ей побольше гарнира, а иногда и лишнюю котлетку. Но еды все равно не хватало.

Тёма делал все, что мог, чтобы помочь матери. Когда потребовалось разгрузить баржу с капустой, вмерзшую в лед у их берега, и не хватило рабочих рук, он вызвался помочь, так как за работу обещали дать целый мешок капусты. Берег, на который пришлось таскать капусту, был очень высокий, труд — просто каторжный, и к концу все выбились из сил, а о Тёме и говорить нечего. Но свой мешок он получил и, хотя капуста оказалась подмороженной, она их неплохо зимой поддержала.

Крутой берег реки Белой доставлял также всем немало удовольствия: здорово было кататься на лыжах. Лыжи в госпитале остались еще от санатория, и ходить там по лесной лыжне рекомендовали выздоравливающим бойцам. Тёма полюбил съезжать с горок, еще бывая зимой в Лосинке. Правда таких высоких и крутых там не было, и вдобавок здесь крутой склон до самой реки порос лесом.

Смельчаки в нескольких местах проложили лыжню и по ней, сломя голову, вихрем летели вниз. Глядя на них, у Тёмы захватывало дух, но он все же набрался мужества и решил прокатиться с самой пологой. Низко пригнувшись и еле удержавшись на ногах, по ней пронесся, и лыжи вынесли его на лед реки. Тогда он осмелел и решился съехать с более крутой и высокой. И это едва не стоило ему жизни.

В этом месте лыжня шла круто вниз, а на берегу, у большой сосны, раздваивалась. Как потом выяснилось колея перед старой сосной была разбита, так как на повороте многие падали. Тёме следовало бы осмотреться или посоветоваться с лыжниками. Но он об этом не подумал, и лихо помчался вниз, с упоением ощущая, как в ушах свистит ветер. В конце спуска скорость была максимальной и его так потрянуло, что он не удержался на ногах и, чтобы не врезаться в дерево, каким-то чудом сумел отвернуть — и упал в сугроб, ломая ветки кустов.

Тёму выручило то, что он вовремя выпустил из рук палки, и глубокий снег самортизировал удар. Но все же он подвернул левую руку и беспомощно барахтался в сугробе, не в силах подняться и постанывая от боли.

Над ним склонился подъехавший лыжник.

— И чего сунулся в воду не зная броду? Даже местные здесь спускаться побаиваются.

Это был высокий и крепкий парень лет семнадцати. Он был в распахнутой телогрейке и сбитом на затылок треухе, из которого торчал лихой русский чуб. Его васильковые глаза смотрели на Тёму приветливо, и он дружески улыбался. — Ты вроде бы из эвакуированных москвичей? — как бы припоминая, сказал парень, помогая ему подняться и отряхивая снег. — Я заметил, что пособляешь нашему электрику. А я — сын завпрачечной. Генкой кличут. Скоро призовут в армию, а пока околачиваюсь на сборах.

Тёма встал, морщась от боли и потирая ушибленное плечо.

— А как же ты здесь катаешься, — удивился он, — если на сборах?

Видать, Генка был деятельным и инициативным.

— Ну-ка, дай сюда руку! — потребовал он. — Посмотрим: не вывихнул ли?

Тёма послушно протянул ему руку, и Генка, не задумываясь, изо всех сил за нее дернул. От сильной боли пострадавший аж взвыл, но что-то в плече щелкнуло, и рукой двигать стало легче.

— Вот видишь, все на место стало, — удовлетворенно заключил Генка. — Теперь ты этой рукой пока не очень шевели. Тогда скорее, пройдет! — Отвечая на вопрос, пояснил: — Я на сборах самый сильный. Во всех видах подготовки. Меня даже отпустили домой на три дня. В виде поощрения!

— А когда в армию пойдешь? — поинтересовался Тёма. — Разве тебе уже восемнадцать?

— Должны были призвать будущей весной, но сейчас берут раньше, — ответил Генка. — Прямо со сборов могут отправить в казарму. Хотя, похоже, сейчас перестали спешить.

— Это как же? — не понял Тёма. — Ведь дела на фронте — хуже некуда. Немцы прут все дальше! По-твоему, мы их нарочно заманиваем?

— Как знать? Вполне может быть. Как когда-то французов, — беззаботно ответил Генка. — Только точно: Сталин фрицам готовит хорошую баню! — сообщил с видом заговорщика. — Открою тебе, что сказал нам на сборах командир. Хотя на фронте немцев еще не остановили,

здесь, на Урале, и в Сибири готовят новые армии, которые двинут в бой не сейчас, — многозначительно взглянул на Тёму, — а в самый решающий момент. Чтобы их разгромить и погнать на Запад!

Заметив, что тот все еще держится за плечо, Генка заботливо предложил:

— Давай я тебе помогу дойти до дому! А ты мне расскажешь про Москву. Очень хочется повидать столицу, — мечтательно признался он. — Может, пошлют нас туда на подмогу?

— Лучше завтра. Когда буду в форме, — ответил Тёма. — Ты ведь еще здесь побудешь?

— Ладно, заметано, — весело согласился Генка. — А я тебя свожу на пруд, там в полынье хранится бочка с солеными огурцами. Небось по нынешним временам дома пригодятся? Можешь мне не отвечать. Знаю, всем сейчас жрать нечего.

* * *

Новый год не улучшил настроения. Хотя враг был остановлен на подступах к Москве, кровопролитное сражение продолжалось. От Сергея Ильича было всего два письма, он сообщил, что здоров, но по горло загружен работой в своем полевом госпитале и никуда из него не может отлучиться. Правда, ему обещают в порядке повышения назначить начальником эвакуогоспиталя, когда появится вакансия.

И все же по инициативе Лели они встречу Нового года отпраздновали. Тёма срубил в лесу небольшую кудрявую елочку и под руководством сестры вместе с дочкой Доры Семеновны Галей из цветной бумаги и картона сделали хлопушки, гирлянды и другие необходимые украшения. Соорудил даже подсветку из нескольких лампочек. Получилось неплохо.

Труднее было с угощением. Но помог добряк Егор Кузьмич, потихоньку вручивший Анне Михеевне щедрый подарок — пару селедок и, что вызвало особый восторг — тарелку с пирожками! Ну, и само собой, главным праздничным блюдом был винегрет, а горячительным напитком — разбавленный спирт. Новогодним сюрпризом стало жаркое: заехавший навестить Дору Семеновну сердечный друг привез кусок говядины.

Этот ее друг, коротенький лысый дядька, страдал одышкой и работал инженером в Омске на заводе, эвакуированном туда из Москвы. Как рассказала Галя позже, мать уже давно изменяет с ним отцу и не уходит только из-за нее. Она звала любовника матери «дядей Гошей» и тихо его

ненавидела. По ее словам, коротышка был полным ничтожеством по сравнению с ее отцом, Лыковым.

За праздничным столом собралось довольно много народу.

Кроме шестерых обитателей комнаты и дяди Гоши, к ним присоединилась дружившая с Анной Михеевной молодая и красивая соседка Рита Петельникова. Она тоже жила в их доме с маленьким сыном и была важной персоной — женой известного ученого, лауреата Сталинской премии, работавшего на оборону в сверхсекретной области. Он день и ночь где-то трудился, а их отправил в безопасное место.

Рите было больше двадцати лет, но, миниатюрная и худенькая, она казалась намного моложе, и трудно было поверить, что у нее уже четырехлетний ребенок.

Забегая по вечерам к Анне Михеевне, обладавшей редким даром терпеливо и сочувственно выслушивать чужие горести, она изливала ей душу, жалуясь на то, как сильно тоскует по любимому мужу и как ей трудно одной. Рита была жгучей брюнеткой с томными черными глазами, и очень нравилась Тёме, хотя ему всегда больше нравились блондинки.

К полуночи все уже порядком развеселились, а после того, как прокричали «ура» в честь наступившего Нового года, завели патефон и устроили танцы. Единственный кавалер, дядя Гоша, был нарасхват. Он неплохо танцевал, и с ним перетанцевали все женщины, за исключением бабушки Веры, которая сразу отправилась спать. Тёма всю ночь танцевал с Галей, и она с ним кокетничала, тесно прижимаясь и сумев возбудить желание, хотя и не нравилась ему.

* * *

Во втором часу ночи Дора Семеновна решила отшить конкуренток и никому больше дядю Гошу не уступала. Анна Михеевна с Лелей последовали примеру бабушки. Не смирилась лишь Рита Петельникова, захмелевшая сильнее других, и жаждала продолжать танцы. В ней, видно, разыграл южный темперамент. Заметив, что Тёма хорошо танцует, она переключилась на юного кавалера. Галя стушевалась и ушла спать.

Свет погасили, и танцы продолжались в полумраке при слабом мерцании разноцветных елочных огней. Дора Семеновна с Гошей, очевидно ожидая, когда остальные уснут, продолжали топтаться под музыку, время от времени целуясь и шепча какие-то нежные слова. Выпитое и их неприкрытая любовная игра столь сильно возбудили Риту,

что она все крепче прижимала к себе Тёму, а когда почувствовала, как мощно реагирует на нее его мужское достоинство, маленькую брюнетку охватила страстная дрожь.

— Пойдем проводишь меня домой, — горячо шепнула она ему на ухо. — Ты ведь хочешь этого?

Как раз кончилась пластинка, и она, взяв свою шубку, попрощалась:

— Спокойной ночи! Спасибо, было просто здорово! Мы с Тёмочкой немного пройдемся, подышим свежим воздухом.

Ночь была морозная, Тёма надел шапку и овчинный тулуп. Но гулять в планы Риты, понятно, не входило. Дойдя до своих дверей, она быстро увлекла его в сени, чутко прислушалась и, убедившись, что в комнате все спят, подвела к большому сундуку. Усевшись на него в шубе, Рита распахнула полы, проворно сняла рейтузы и, притянув к себе Тёму, нетерпеливо шепнула:

— Ну давай, миленький, побыстрей! Пока не проснулись.

Тёма и сам жаждал этого так сильно, что на его брюках могли отскочить пуговицы, но с непривычки не знал, как надо действовать. Видно, и Рита сообразила, что он совсем неопытен, потому что торопливо стала расстегивать ему ширинку, жарко нашептывая:

— Ах ты мой птенчик! Еще не умеешь? Ну, ничего, не робей! Ты ведь уже мужичок!

Приспустив брюки, она умело направила его в себя, и Тёма, крепко ухватив Риту под шубой за бедра, вошел в нее до упора, испытав райское наслаждение. Он продолжал равномерно двигаться. Острота ощущений все возрастала. Настолько, что он не чувствовал мороза, зло кусавшего его голое тело, прикрытое сзади лишь старенькой дохой. Достигнув верхней точки, он закусил губу, едва удержавшись от стога.

— Мальчик мой... хороший мой... мне надо еще, — прерывисто дыша, шептала Рита, закатив глаза от страстной муки, — ну... будь добренький... ты сможешь!

Тёма мог. Почувствовав, как его плоть снова напряглась внутри Риты, он еще крепче обхватил ее руками и стал энергично двигаться, пока его страстная партнерша, изо всех сил стараясь не закричать, судорожно выгнулась и, облегченно вздохнув, блаженно заулыбалась.

— Ну, вот и молодец! Дай я тебя поцелую, — горячо прошептала она и поцеловала его в губы. — Теперь можно и поспать. — Поскольку ее юный любовник продолжать стоять с явным желанием продолжить, Рита, усмехнувшись, тихонько добавила: — Нет, Тёмочка, больше нельзя. Не дай Бог кто-то проснется, или тебя мама хватится! Представляешь, какой

скандал будет?

Делать было нечего, и Тёма, наскоро натянув брюки, отправился спать.

* * *

Напрасно Тёма мечтал о новой встрече с Ритой. Она так больше и не состоялась. То ли молоденькая жена ученого опомнилась и устыдилась, то ли из-за боязни, что ее связь с несовершеннолетним мальчишкой откроется, и произойдет скандал, но она вела себя так, словно между ними ничего не было. В ответ на его призывные взгляды лишь хмурилась и отводила глаза. Ничего не оставалось делать, как примириться, тем более что ближе к весне пришлось приналечь на учебу.

— Все, сыночек! Теперь ты сможешь ходить в школу, — решительно заявила Анна Михеевна. — Надеюсь, тебя не оставят на второй год.

Новый электрик, тоже из раненых, получив инвалидность, женился на местной девушке, и у Тёмы появилось много свободного времени. Он взялся за учебники, но мать настаивала на посещении школы.

— Мне удалось упросить директора принять тебя в седьмой с третьей четверти, — с довольным видом сообщила она. — Помогли твои похвальные грамоты.

— Но ведь до экзаменов уже рукой подать. Зачем же мне каждый вечер туда таскаться? — протестовал Тёма. — Я сумею пройти все самостоятельно.

— А если не сможешь? — беспокоилась Анна Михеевна — Посещая школу, легче наверстать упущенное! — И с надеждой добавила: — Может, тебе удастся бросить работу. Если отец, как обещает, будет присылать посылки.

Действительно, в последнем письме Сергей Ильич сообщил, что назначение его начальником госпиталя состоялось. Проблем с питанием у него там не будет, и он сможет регулярно присылать им положенный ему продуктовый паек. А когда немцев отгонят от Москвы, обязательно вызовет их к себе.

— Думаю, что подгоню учебу и не бросая работы, — заверил мать Тёма. — Это если наш электрик никуда не денется. Папин паек нам пригодится, — резонно добавил он, — но рассчитывать на него не стоит: всякое может быть.

Сергей Ильич сдержал свое слово. Через две недели от него пришла первая посылка, которая в той голодной обстановке, когда они уже отвыкли

от хороших продуктов, была фантастически хороша. Чего в ней только не было! И мука, и крупа, и сахар, и макаронны, и даже бутылка постного масла. Но особую радость вызвали банки с консервами «второго фронта». Так стали называть продовольственную помощь западных союзников: свиную тушенку, бекон и яичный порошок.

Во вложенном в посылку письме Сергей Ильич сообщал, что его госпиталь базируется недалеко от Москвы в бывшем санатории летчиков «Марфино». К сожалению, прилегающая территория все еще не очищена от мин, и немцы очень близко. Одно время им удалось даже захватить Лобню, и госпиталь был отрезан от Москвы. Но отогнали на Запад.

У Лели завелся роман с сыном начальника их госпиталя Тарановского. Игорю шел уже двадцатый год. Это был крупный упитанный блондин с правильными чертами лица, с виду настоящий богатырь, но был освобожден от армии по состоянию здоровья. Как выяснилось, у него на руке не заживал свищ, требующий постоянного лечения. Злые языки твердили, что начальник госпиталя специально «расковырял» сыну руку, чтобы спасти от фронта.

Игорь учился в Уфе, в медицинском, на дневном, а Леля там же числилась студенткой заочного отделения. До ее приезда Игорь «грешил» с медсестрами госпиталя, хотя постоянной связи не заводил. Но с появлением Лели сразу переключился на нее и упорно за ней ухаживал. Видно, и ей он очень нравился, их стали видеть вместе в парке, а зимой они катались вдвоем на конных санках начальника госпиталя.

Анна Михеевна переживала молча, не вмешиваясь и ожидая дальнейшего развития событий, но Тёма не мог безучастно наблюдать, как сестра любезничает с сынком начальника госпиталя, которого не без основания считал дезертиром. Марк же был не просто женихом Лели, но его другом и настоящим героем. С юной горячностью Тёма расценивал поведение сестры как предательство. В нем все кипело от возмущения и готово было вырваться наружу; проблема неожиданно разрешилась сама собой. Без предупреждения, как снег на голову, к ним заявился сам Марк!

* * *

Тёма сидел за столом у окна и прилежно корпел над учебниками, когда дверь в комнату распахнулась и вместе с холодным ветром в нее ворвался Марк Горкин. Он похудел, но от этого казался еще более мужественным и сильным. Не говоря ни слова, он схватил Тёму в охапку и стиснул в

объятиях.

— Ты что, с неба свалился? — Тёма таращился на невесть откуда взявшегося жениха.

— Дали неделю отпуска. За боевые заслуги, — гордо объяснил Марк, сияя белозубой улыбкой. — Нас перебросили в Москву на отдых. Скоро опять пошлют за линию фронта, а пока, — добавил весело, — дали возможность повидать своих близких.

— Наверное, нелегко было нас найти? — посочувствовал Тёма. — По номеру госпиталя, что ли?

— Ну да! Леля нашим так и записала: «Уфа. Госпиталь 4018». Остальное, как говорится, было делом техники.

Он снял с плеч вещмешок и, выкладывая на стол свой «сухой паек», рассказал:

— Прилетел в Москву с руководством отряда. А как отдохнем, нас пошлют на Украину в помощь тамошним партизанам. Хоть и упрашивала меня мама побыть с ними подольше, но мне до смерти захотелось повидать Лелю.

— Правильно, Марик! — одобрительно кивнул Тёма. — Сам знаешь, Леля серьезная девчонка. Работает, учится, маме помогает, — постарался подхвалить сестру, неожиданно добавил: — Но нельзя женщин надолго оставлять одних!

— Ты о чем это? — насторожился Марк. — А ну, говори как на духу! У нее кто-то здесь есть?

«Ну и балда! — мысленно обругал себя Тёма. — Черт меня дернул за язык», — а вслух, чтобы выиграть время, спросил:

— А ты Лелю-то видел? Что она тебе сказала?

— С Лелей мы еще не виделись — она сейчас уколы раненым делает, и меня Анна Михеевна сразу сюда послала, — ответил ему Марк и потребовал: — Ты давай не увливай! Сказал «а», то говори и «б».

— Что я могу тебе сказать? — насупившись, ответил Тёма, поняв, что скрывать правду нельзя. — Ухлестывает тут за ней один хлыщ. Из тех, кто в тылу за вашими спинами отсиживается. Сын начальника госпиталя.

— Ну и как? У них это серьезно? — расстроено спросил Марк. — Говори, не бойся! Я скандалить не буду. Просто хочу знать правду.

— Я и сказал тебе правду, — честно ответил Тёма. — А больше ничего не знаю. Хотел у нее спросить, а тут ты явился. Теперь сам и спрашивай!

Больше поговорить им не удалось, потому что в комнату ворвалась Леля и с радостным воплем повисла у Марка на шее. Он подмигнул Тёме, и тот понимающе ретировался, оставив их наедине. Наверное они во всем

разобрались вполне благополучно, потому что, когда через полчаса Тёма вернулся, жених и невеста сидели, обнявшись, на кровати, и их счастливые лица свидетельствовали, что между ними царит мир и согласие.

Но Тёма все же был сбит с толку. У него в голове не укладывалось, почему такой принципиальный человек, как Марик, с легкостью простил явную измену своей невесты, принимавшей ухаживания другого мужчины, пока он воевал в тылу врага, рискуя жизнью. «Вот я бы этого не простил! — думал Тёма с юношеским максимализмом. — Сказал бы: ну и милуйся со своим дезертиром! А я найду себе ту, которая будет мне верна».

Эти невеселые размышления заставили его другими глазами посмотреть и на объект своих мечтаний — Риту. «Клянется матери, что любит мужа, а сама ему изменяет, — впервые подумал с осуждением. — Разве так можно? Врет, конечно. Вот если бы не замужем была — другое дело. Гуляй сколько хочешь! Неужели все женщины — обманщицы?»

И чем больше Тёма об этом думал, тем тверже приходил к убеждению, что женщины по своей природе слабы и изменчивы. Без них нельзя обойтись, но и доверять полностью нельзя. «Вот и Лыков, и Петельников, наверное, думают, что им жены верны, а они завели любовников. Правда, Дора Семеновна милуется только с Гошей, а вот Рита была со мной, а сейчас уже связалась с раненым бойцом». Он еще испытывал ревность, но соседка упала в его глазах и желания у него больше не вызывала.

* * *

Весна прошла незаметно для Тёмы, он целыми днями напряженно занимался, готовясь экстерном сдать за семилетку и получить свидетельство о неполном среднем образовании. В школу ходить было далеко, и много времени терялось на дорогу. К тому же в классе новый материал проходили слишком медленно из-за слабых учеников, а Тёма все быстро схватывал и ему надо было наверстывать отставание. Дела у него шли неплохо, а настроения и бодрости прибавляло то, что хваленый вермахт наконец-то потерпел жестокое поражение под Москвой, и Гитлер оставил попытки взять столицу.

Сергей Ильич писал редко, обычно письма приходили с посылками. Из официальных сводок и рассказов прибывающих в госпиталь тяжелораненых было известно, что немцы несли большие потери. Очевидно осознав бесполезность дальнейших попыток прорваться к Москве, Гитлер задумал нанести решающий удар на юге, захватив

Сталинград и отрезав столицу от Заволжья. Туда он направил все свои силы и, хотя враг еще находился совсем близко, бомбардировки прекратились и жить в городе стало безопаснее.

Эвакуированные москвичи стали рваться домой. Однако получить разрешение вернуться в прифронтовой город было очень трудно. Требовалось, чтобы из Москвы пришел вызов на всех членов семьи. Сергей Ильич в письмах обещал быстро оформить его и прислать, но по непонятным причинам медлил. Семья осаждала его письмами, умоляя поскорее забрать к себе. Не жалея красок, расписывали тесноту и убогость своего бытия, и все же он не спешил.

Наступило лето. Тёма порадовал мать и сестру, успешно сдав экстерном экзамены за семилетку. В своих коротких письмах Сергей Ильич довольно сухо просил их еще немного потерпеть и повременить с возвращением, так как для этого, дескать, нет «необходимых условий».

Анна Михеевна по ночам плакала, и вскоре Тёма, случайно подслушав ее разговор с Лелей, понял, какие «условия» мешают отцу забрать к себе семью. Он в сенях вытирал ноги о половичок и, поняв, о чем они говорят, остановился у приоткрытой двери, не спеша заходить в комнату.

— Напрасно ты так расстраиваешься, мама, — говорила Леля. — Этот раненый лейтенант лишь высказал свои предположения и передал слухи. Он же после ампутации ноги не поднимался с постели и сам видеть ничего не мог! А когда немного поправился, его сразу отправили к нам.

— То, что он говорит, — правда, доченька, — голос Анны Михеевны дрожал. — Разве по его письмам не видно, что он не хочет, чтобы мы туда сейчас приехали? Тут может быть только одна причина — молодая докторша, о которой говорил твой лейтенант! Твой отец — живой человек и еще не старый. Трудно так долго быть одному. Вот и не совладал с собой, увлекся молоденькой врачихой. — Добавила с горечью: — Потерял голову!

— Так что же ты, мама, собираешься делать?

— Сама не знаю, доченька, — устало сказала Анна Михеевна. — Мне тяжело, но я его не очень осуждаю. Конечно, этому надо положить конец. Он снова погубит себя из-за своей слабости! Один раз он уже пострадал.

— Ты имеешь в виду исключение из партии? — догадалась Леля.

— Конечно. Твой отец очень переживал из-за этого. Мечтал вновь получить партбилет, и опять — то же самое, — горько усмехнулась Анна Михеевна. — Кто же его примет, если бросит семью ради «фронтовой подружки»?

— Вот и напиши папе об этом. Вправь ему мозги! — горячо потребовала Леля. — Пусть одумается, пока не поздно!

Анне Михеевне не понравилась ее горячность.

— Хоть ты уже и взрослая, не следует вмешиваться в наши отношения и тем более учить отца. Но в одном ты, пожалуй, права, — добавила уже мягче. — Мне нужно ему написать и поставить вопрос ребром. Пусть выбирает! Мириться с этим и делать вид, что ничего не знаю, не буду!

Очевидно, мать поступила именно так, и ее решение оказалось правильным. Выбор отца оказался в их пользу: он быстро создал «необходимые условия» и вскоре от него пришел долгожданный вызов. Радости не было предела!

Глава 10

С верой в победу

Вид прифронтовой Москвы их поразил. Это был совсем не тот город, который они покидали, отправляясь в эвакуацию. Столицу трудно было узнать, настолько она обезлюдела. Сергей Ильич сам встретить их не смог. Как потом выяснилось, к нему в госпиталь нагрянуло начальство, и он прислал на вокзал своего экспедитора, который помог им добраться до квартиры на Покровке. Пообещав заехать часа через три, чтобы отвезти их в Марфино, тот отбыл, и Анна Михеевна занялась уборкой.

В квартире из всех жильцов осталась лишь старушка Дуняша, которая казалась еще более ветхой, но была на удивление бодрой, и очень им обрадовалась:

— Вот и хорошо, что приехали! Ведь я одна тут. Старого Нил Федотыча и то забрали в солдаты. Хотя чего ему — здоров как бык. Наша прохиндейка Васса со своим театром откочевала, — словоохотливо сообщила она. — А меня, Аннушка, видно Бог хранит, — истово перекрестилась, — за то, что я в него верую!

Пока мать усердно наводила чистоту в запущенных комнатах, Леля и Тёма решили прогуляться. Они двинулись по Покровке в сторону Политехнического музея. Трамваи по их улице, видно, не ходили: пока шли к памятнику героям Плевны, ни один мимо них не проехал. Навстречу шли редкие прохожие. В магазинах товаров было мало, да и покупателей — единицы.

Театральный проезд и Охотный ряд, заполненные в мирное время потоками пешеходов и транспорта, были пустынные, словно в городе объявили воздушную тревогу и все попрятались в убежища. В общем, впечатление от этого безлюдья навевало тоску, и Леля предложила:

— Давай-ка спустимся в метро и посмотрим: может, там народ прячется? Заодно и прокатимся. У меня ноги гудят с непривычки.

Тёма молча кивнул, и они поднялись на площадь Дзержинского (знаменитую Лубянку). В метро тоже было мало народу. Поезда ходили пустыми и поэтому очень редко.

— Зря я тебя послушался. Лучше бы шли пешком, — ворчал Тёма, боясь, что они опоздают. — Наверное, машина уже ждет и мама нервничает.

Но его опасения были напрасны. Экспедитор где-то задерживался, а у

Анны Михеевны возникла проблема с бабушкой Верой, которая категорически отказалась ехать в Марфино.

— Я горожанка и привыкла к удобствам, — убеждала дочку Вера Осиповна. — Хватит с меня Лутовина! Я больше не вынесу сельской жизни. Дайте мне умереть спокойно!

— Но ты не сможешь жить здесь одна. Кто будет ухаживать, если разболеешься? Да и по магазинам ходить тебе тяжело.

— Напрасно ты считаешь меня такой беспомощной! Я еще вполне могу о себе позаботиться, — стояла на своем бабушка Вера. — И потом, разве я остаюсь одна? А Дуняшу ты не считаешь?

Этот аргумент поколебал позиции Анны Михеевны.

— Ну, если соседка согласна в случае чего тебе помочь — тогда другое дело. Ты что, уже успела с ней договориться?

— Конечно! Поэтому и решила остаться, — подтвердила предусмотрительная бабушка. — Дуняша даже довольна. Говорит, что вдвоем жить веселее.

Она помолчала и выдала свой сокровенный замысел:

— Надеюсь, когда Инночка узнает, что я живу здесь одна, то поскорее ко мне приедет. Пора ей бросить этих своих иностранцев и устроить свою личную жизнь!

Младшая дочь была любимицей, и бабушка Вера частенько проливали слезы, страдая от того, что они разлучены.

— Ну ладно, пусть будет по-твоему, — неохотно согласилась Анна Михеевна, понимая своим добрым сердцем, к чему стремится ее мать, и все же немного ревнуя. — Я оставлю продукты и лекарства, и, конечно, мы все будем регулярно тебя навещать. Но если придется туго, то пеняй на себя!

* * *

Подмосковное Марфино когда-то принадлежало царскому вельможе графу Панину и было знаменито своим дворцовым ансамблем. Он отличался оригинальной архитектурой и был просто великолепен. Дворец, построенный в средневековом стиле в виде крепости, располагался на острове. Его опоясывали пруды и глубокий ров. К въездным воротам вел длинный каменный мост, перекинутый через главный пруд. Однако в то время вода была спущена.

Госпиталь помещался во дворце и двух флигелях, где раньше жили отдыхающие летчики, а персонал и другие службы занимали остальные

здания. Квартира начальника находилась на отшибе в одноэтажном доме с небольшим участком земли, обнесенном деревянным забором. Она состояла из трех комнат, и Сергей Ильич позаботился, чтобы к приезду семьи все блистало чистотой. Он их уже ждал и выбежал встретить, как только услышал шум подъехавшей машины.

Тёма нашел, что отец постарел и осунулся. Виски у него побелели и в волнистом смоляном чубе, как всегда спадавшим на глаза, тоже блестела проседь. Скандала при встрече родителей не произошло. Отец и мать очень нежно обнялись и крепко поцеловались, так, словно ничего не произошло.

За обедом Сергей Ильич рассказал много интересного.

— Когда я сюда прибыл, только что отгремели жаркие бои. Немцы подошли с северо-запада почти вплотную к госпиталю, захватили село и были бы здесь, если бы не наша героическая морская пехота. Недаром они прозвали ее «черной смертью»!

— А откуда здесь взялись моряки? — удивился Тёма. — И почему «черная»?

— Моряков прислал на подмогу Северный флот, — объяснил отец. — А «черная смерть» потому, что такого цвета их бушлаты. Отчаянные крепкие парни несколько раз ходили на немцев в рукопашную, выбили их из деревни, отогнали на пять километров, но все тут и полегли. Вывезти раненых не успели, и начальник с комиссаром, — голос его был полон сочувствия, — собрав всех, кто только мог передвигаться, решили отойти, оставив лежачих с несколькими сестрами из местных.

— И все они погибли? — ужаснулась Леля.

— А ты слушай, и все узнаешь, — недовольно глянул на нее отец. — К сожалению, среди легко раненных нашлись предатели: решили спасти свою шкуру, выдав немцам командование госпиталя. Сговорившись, они напали на врачей-офицеров, когда те вышли на каменный мост. Комиссар, боевой офицер, сумел вырваться и застрелить двоих, а начальника они схватили.

— Ну а как же остальные? — не выдержала Анна Михеевна. — Неужели безучастно наблюдали?

— Вовсе нет! Как опомнились, сразу дали отпор, — ответил Сергей Ильич и печально вздохнул: — Но начальника госпиталя спасти не смогли.

— Почему? — хором вырвалось у Анны Михеевны, Лели и Тёмы.

— Возникла свалка, и начальник госпиталя, когда ему удалось вырваться, оступился и упал с моста на сухое дно пруда. Разбился насмерть.

Он снова помолчал, на этот раз отдавая долг памяти своего предшественника.

— Фашист, наверное, дойдет до Волги, но его в боях измотают, а там по нему ударят наши свежие, хорошо подготовленные и оснащенные части, — объяснил Сергей Ильич. — Но это большой секрет!

— Какой же это секрет, папа, когда я на Урале об этом слышал, да и ты об этом знаешь? — усомнился Тёма.

Все весело рассмеялись, и разговор переключился на более насущные семейные дела и заботы.

* * *

Не прошло и недели после возвращения из эвакуации, а Леля и Тёма уже приступили к работе в госпитале: она — медсестрой, он — электриком. Как ни уговаривала Анна Михеевна продолжить учебу в медицинском, Леля наотрез отказалась.

— Пока идет война, буду ухаживать за ранеными. Но как только война кончится, поступлю в другой институт, — решительно заявила матери. — Не хочу больше видеть страдания и кровь! Буду изучать литературу или историю.

Правда, как потом выяснилось, была у нее еще одна уважительная причина, чтобы бросить учебу, но она до времени об этом помалкивала. Тёма обещал матери пойти в восьмой класс, как только начнутся занятия в школе. Школа находилась на станции Сухарево, до нее было больше пяти километров, но это его не смущало.

— Уж больно далеко ходить в школу! Может, снова сдашь экстерном? — засомневалась Анна Михеевна. — Раз сдал за семилетку, сможешь и за восьмой.

— Как выпадет снег, буду гонять туда и обратно на лыжах, — бодро ответил Тёма. — А осенью и весной папа обещал подвозить до станции. И с директором договорился, что при необходимости мне там будет, где переночевать.

В отношении самой Анны Михеевны было решено, что она временно работать не будет, так как физические и нервные перегрузки, которые выпали на ее долю в эвакуации, не прошли даром. У нее были явные нелады с сердцем, а о курортах нечего было и помышлять. Оставалось лечиться дома, занимаясь хозяйством.

Работа для Тёмы уже была привычной, он легко справлялся со своими обязанностями и, когда чинил проводку в палатах госпиталя, любил слушать рассказы раненых бойцов. А поведали они о многом. Особенно

словоохотливые старики. Запомнился один из них, по фамилии Шве́ц, солдат лет шестидесяти, он со слезами на глазах объяснил, почему в наших войсках больше всего потерь среди молодых солдат.

— Отступая, мобилизовали всю молодежь, и, не обучив, сразу бросили в бой, — возмущенно говорил он. — Эти ребята даже стрелять не умели, а о том, как надо укрываться, совсем не имели понятия. Ну как можно было такое пацанье бросать под шквальный огонь немца? Вот и полегло их несчетно. Кругом пальба, рвутся мины и снаряды, а ребята по полю бегают и мамку зовут! — Шве́ц свирепо затыкнулся самокруткой и осуждающе заключил: — Бессовестно и неумело поступало армейское начальство. Не жалело солдат, смотрело на них как на пушечное мясо! Рази так можно? Старики, те хоть многое умели: кто еще с Первой мировой, кто с Гражданской. Вот и сохранились. А молодежь поголовно изничтожили! — Загасив окурок, он со злым удовлетворением добавил: — Правильно Сталин и Жуков расстреляли ряд генералов. Сколько народу те зазря загубили! Особенно молодняк. Как вспомню, душа кровью обливается.

Многие жаловались на плохое вооружение, на отсутствие танков и авиации.

Вот по радио и в газетах трубят, что в тылу денно и ночью «куют оружие для фронта, для победы». А где оно? — возмущались раненые. — Сообщают, что эвакуированные заводы уже наладили массовое производство самолетов и других вооружений. Но у немцев по-прежнему полное превосходство в воздухе и от их танков приходится отбиваться только бутылками с горючей смесью.

— Правду Шве́ц говорит! Пополнение — необученное и плохо вооружено, — негодовали раненые, поступавшие с разных фронтов. — А полноценного резерва и новой боевой техники из тыла не поступает. Где же уральские и сибирские дивизии? И почему не перебрасывают кадровые части с Дальнего Востока? От японцев угрозы нет, да и что толку армию там держать, если не остановить Гитлера?

Особую горечь у раненых вызывало то, что все были уверены: воюй они в равных условиях — наверняка одолели бы и погнали гитлеровцев вспять.

— Вооружены до зубов, а вояки — так себе. В ихней армии сейчас полно всякого сброда, — рассказывали раненые, прибывшие с южного направления. — Видно, Гитлер сгреб кого только можно: своих резервистов — итальянцев, румын, венгров и чехов. Если бы нас так же вооружили, разве мы от них побегли бы аж до Волги?

— Но и в наших частях всякого народу хватает, — возражали им. —

Взять тех же «самострелов». Особенно много их у нацменов. Не хотят, гаврики, воевать! Прострелят себе руку, и в госпиталь. А там, глядишь, комиссуют — и айда домой.

И все же, несмотря ни на что, панических настроений не было. Большинство бойцов было непоколебимо уверено в грядущей победе над врагом.

— Дальше Волги мы их не пустим! — убежденно твердили даже тяжелораненые. — Силы у нас еще есть, и немалые. Видно, их берегут. А немец уже выдыхается. Только бы прислали на фронт самолетов, «катюш», да танков побольше. Тогда мы им покажем «кузькину мать»!

* * *

Приближались Октябрьские праздники, а настроение у всех было подавленное. Под Сталинградом и в самом городе развернулась жестокая битва, в которой, как было ясно, решалась судьба войны. Обороняющиеся проявляли чудеса мужества и героизма, цепляясь за каждый метр земли, превращая каждый дом в крепость. Город лежал в руинах, гитлеровцы несли огромные потери, но отчаянно рвались вперед, и сумели прижать защитников к Волге. Сделав ставку на победу в Сталинграде, Гитлер, как азартный игрок, поставил на кон все, и его пропаганда на весь мир раструбила о том, что дни защитников города сочтены.

А в семье Наумовых тяжелое настроение усугубилось переживаниями личного характера. Началось с того, что Сергей Ильич и Тёма заметили, как сильно чем-то озабочены их женщины, а на лице Лели часто видны следы слез. Когда же у нее стал заметно расти живот, тайна раскрылась. Родители объяснялись при закрытых дверях — отец ушел с сердитым и озабоченным видом, а Тёму позвала мать и хмуро сказала:

— У Лели будет ребенок. От Марика. Ты уже большой и должен понимать, — и взволнованно добавила: — Если вернется живой, они, конечно, поженятся. Будь внимателен к сестре и не вздумай ее осуждать!

Легко сказать! Тёма переживал беременность сестры еще сильнее, чем ее измену Марку. И дело было не в том, что Леля родит ребенка без мужа. Он был убежден, что отец — не его друг и кумир, а тот, другой — бессовестный симулянт, околачивающийся в тылу и совращающий невест у фронтовиков! Понимая, что не может высказать все Леле, он копил в себе гнев на растущий не по дням, а по часам живот Лели. Но однажды все-таки не выдержал, и у него вырвалось такое, о чем жалел потом всю жизнь.

Это произошло перед самым Новым годом, когда Леля уже не работала. Как всегда, Тёма притащил из леса отличную елочку, и они вместе стали ее наряжать. Сестра первой и завела тот разговор.

— Я тебя чем-то обидела, Тёма? — вешая игрушки и мишуру, спросила Леля. — Давно уже замечаю, что смотришь на меня исподлобья. Извини, если что... Сам понимаешь: мне сейчас не до тебя.

Тёма лишь сопел, не решаясь высказать то, что у него на душе, но все же не вытерпел и хмуро бросил:

— Этого извинить нельзя!

— Чего-чего? — подняла брови Леля.

— А то, что твой ребенок незнамо от кого, а маме говоришь, что от Марика, — выпалил Тёма. — Всем было известно, как ты хороводилась с Игорем!

— Да как ты смеешь? — возмутилась Леля. — Сначала сопли утри, а потом суди!

— Не такой уж я сопляк! Все понимаю, — огрызнулся Тёма. — Не хотел говорить, раз помирилась с Мариком, но тогда ты вела себя, как шлюха!

— Ну все! Этого я тебе никогда не прощу! — голос у Лели дрожал от обиды и возмущения. — Когда вырастешь — поймешь.

Привыкнув сдерживать свои чувства, она лишь сурово поджала губы и молча продолжила свое дело, а Тёма, опомнившись, горько пожалел о том, что грубо оскорбил сестру. «Вот уж права поговорка, что сказанное слово — серебро, а не сказанное — золото, — расстроено подумал он. — Ну чего меня вдруг понесло? Безмозглый болван», — мысленно выругал себя...

Что только потом Тёма ни делал, чтобы заслужить у нее прощение, но, видно, обида у Лели так и не прошла. Она вела себя с ним, как всегда, ровно, но прежней сердечности уже не было.

* * *

Новый год и январь прошли безрадостно, поскольку Наумовы, как и все, жили в ожидании исхода кровопролитной битвы в Сталинграде, жадно слушая сводки в надежде на долгожданный перелом сражения. А победа была уже не за горами. Огромную армию генерала Паулюса удалось блокировать в городе, и все силы гитлеровского вермахта были брошены, чтобы прорвать кольцо окружения. Тёма почти ежедневно ходил в школу на

лыжах, но занятия мало кого интересовали. И ученики, и преподаватели с волнением ждали вестей с фронта.

Зато февраль принес им двойную радость. Под Сталинградом Красная армия одержала грандиозную победу. Шестисоттысячная армия Паулюса, которому за проявленную стойкость Гитлер поспешил присвоить звание фельдмаршала, бесславно сдалась в плен, обозначив своей капитуляцией его близкое поражение в войне. Сердца измученных военными неудачами людей радовали показанные в кинохронике картины длинных веренищ пленных немецких солдат и офицеров, у них был побитый, жалкий вид.

Стратегия советского военного командования победила. Говорили, что в запасе у Сталина за Уралом наготове стоят резервные армии. Они дожидались своего часа и были пущены в дело, когда основные силы гитлеровцев были истощены. Ударив одновременно и с юга, они взяли армию Паулюса в плотное кольцо. Вот почему, потеряв всякую надежду, Паулюс решил сдаться, чтобы спасти жизнь своим солдатам и офицерам.

Ко всеобщей радости прибавилось и то, что в это время у Наумовых произошло пополнение. Леля благополучно родила девочку, которую в честь долгожданной победы назвали Викторией. Маленькая Викочка немного не добрала в весе, но была здоровенькой, очень голосистой и обладала отменным аппетитом. Стоило Тёме увидеть свою племянницу, как он со стыдом убедился, что незаслуженно обидел сестру.

— Это надо же! Вылитый Марик, — восхищалась Анна Михеевна. — Такая же черноглазая и крепенькая. Говорят, если девочка похожа на отца, значит, счастливой будет.

Тёма был посрамлен и чувствовал себя отвратительно, не зная, как искупить свою вину перед сестрой. Может быть, поэтому он сразу же привязался сердцем к малютке и в дальнейшем как мог старался о ней заботиться, надеясь, что это будет приятно и Леле. Изредка бывая в Москве, не забывал забежать в детский магазин и купить игрушку, пинетки или что-нибудь еще. Ему очень нравилось ощущать себя дядей.

Маленькая Викочка стала общей любимицей, и жизнь всей семьи вращалась вокруг нее. Все занимались своими делами, у всех были какие-то личные заботы, но, приходя домой, каждый непременно играл с малышкой. Это доставляло огромную радость и девочке, и взрослым...

* * *

Зимние вечера в госпитале раненым скрашивали частые концерты

приезжих артистов. В просторном вестибюле собирались все, кто только мог передвигаться, и, конечно, свободный от дежурства персонал. Приезжали артисты разных жанров — от музыкантов из консерватории, солистов оперы и балета, до жонглеров, факиров и чечеточников. Но лучше всех бойцы принимали исполнителей народных и эстрадных песен. Особенно любили песни, созданные войной. Две, наиболее трогательные, Тёме запомнились на всю жизнь. Он не знал авторов, но в душу запали слова:

Моя подружка дальняя — что елочка в снегу.
Ту елочку-уралочку забыть я не могу!
Давно ушел я из дому, но помню до сих пор
Ее совсем особенный уральский разговор.

Письмо моей уралочки попробуй-ка пойми.
На фронт прислала валенки, а пишет мне: «пимы».
На каждом слове «токает»: все то, да то, да то.
Зато такого токаря не видывал никто...

Вторая песня, более грустная, у многих вышибала слезу:

Спит деревушка,
где-то старушка
ждет не дождется сынка.
Все ей не спится, старые спицы
тихо дрожат в руках.

Ветер уныло гудит в трубе.
Тихо мурлыкает кот в избе.
Спи, успокойся,
шалью накройся.
Сын твой вернется к тебе!

Утречком ранним,
ветром незванным
сын твой ворвется домой.
Варежки снимет,
крепко обнимет,

сядет за стол с тобой.

Будешь смотреть,
не смыкая глаз.
Будешь слезу утирать не раз.
Тихо и сладко плакать украдкой,
слушая сына рассказ...

Раненых бойцов усаживали, а персонал обычно стоял за их спинами, так как стульев на всех не хватало. И всегда Тёма старался оказаться рядом с Настей, пышной блондинкой, к которой неровно дышал с самого приезда. Впоследствии, уже в зрелые годы, ему часто доводилось слышать споры о том, в каком возрасте происходит половое созревание у подростков. Он мог поручиться, что наступает оно довольно рано. Глядя на полную грудь и крутые бедра, его охватывала такая жгучая страсть, что трудно было терпеть эту муку.

Объективно Настю можно было назвать даже тучной, но тогда она казалась Тёме олицетворением женственности и соблазна. Высокая и статная, с красивой короной, уложенной из русой косы, она была величественна, как королева. За ней наперебой ухаживали выздоравливающие бойцы, а она весело и насмешливо их отшивала, и это намного прибавляло уважения к ней и интереса. Тёму одолевали эротические фантазии, а стоя у нее за спиной, он испытывал острое желание прикоснуться к упругому бедру. Один раз даже осмелился это сделать, но сразу отстранился, показалось, что она это почувствовала, и может выйти скандал.

Настя жила в общежитии, в одной комнате с ней были еще две девушки, и Тёма под разными предлогами заходил к ним, подгадывая время, когда она сменялась с дежурства. Он создавал видимость, будто что-то чинит, но девушки разгадали его ухищрения.

— Ты, пацан, уж больно часто тут крутишься. Признавайся: в которую влюблен? — посмеивались они. — Нечего нам очки втирать! С электрикой у нас — порядок...

Кого-нибудь другого они тотчас бы выставили, но все знали, что он — сын начальника госпиталя, и грубить побаивались.

— Много вы понимаете! — оправдывался Тёма, выигрывая время в надежде, что они разойдутся и оставят их вдвоем с Настей, которая после дежурства сразу ложилась отдыхать. — У вас проводка ни к черту и

розетки старые. Вот и меняю, чтобы не было замыкания.

— Ишь, песенки нам напевает, — рассмеялась самая старшая и наиболее ушлая. — Знаем, по ком ты вздыхаешь! Но только зря ноги топчешь. У Настеньки жених на Балтике служит. Отличный морячок!

Вскоре сама Настя положила конец его мучениям. Как-то, когда ему наконец повезло и он застал ее в комнате одну, сказала напрямик:

— Кончай на меня пялиться, Тёмка! Ты симпатичный мальчишка и вроде уже мужичок. Думаешь, не заметила, как ко мне пристраивался?

Она вздохнула и серьезно предупредила:

— Только это зря! У меня любимый парень на флоте воюет, и я его дождусь. Если не отстанешь — отцу на тебя пожалуюсь!

Настя могла ему и не угрожать. Тёма не только не обиделся, но стал уважать ее еще больше, но страсть сразу пропала. Он даже был рад, что она не такая, как другие девушки, считавшие «война все спишет», и оставил свои любовные попытки. Тем более что в школе ему настойчиво предложили готовиться к вступлению в комсомол.

* * *

Весной занятия в школе активизировались. Снег почти сошел, ходить на лыжах стало нельзя, и ездить на станцию Сухарево было не на чем. Пришлось взять отпуск на учебу и временно поселиться в комнате, предоставленной ему по распоряжению директора. Скучать не приходилось: Тёма был занят с утра и до позднего вечера. Досаждал только голод. И то потому, что сам ничего не умел приготовить, кроме омлета из яичного порошка и жареной картошки. Мать надавала ему с собой разной крупы и продуктов. Дала также и рецепты, как варить супы и каши, но заниматься этим было неохота, и он обходился консервами. Даже тушенку не разогревал, а ел прямо из банки.

Пришла пора вступать в комсомол, Тёма и сам очень хотел этого. Но у него не было общественной нагрузки, без которой туда никого не принимали. Зная, что он лучше всех в классе пишет сочинения, ему предложили стать редактором школьной стенгазеты.

— Оформлять есть кому, а вот писать заметки никто не хочет, — сказал ему секретарь комсомольского бюро школы. — Тебе, Артем, придется самому сочинять их за всех. Ну как — ты сможешь!

— Отчего же, попробую. Я ведь и рисую прилично, — охотно согласился Тёма. — В общем, газета будет выходить!

Стенгазета и правда скоро начала выходить, и все нашли, что она стала лучше. Тёма не только сочинял заметки на злобу дня школы, но и писал большие патриотические передовицы, посвященные историческим событиям и помощи фронту. Он открыл в себе журналистскую жилку и даже написал на радио о том, что делают его товарищи для фронта и для победы над врагом. Посланный им материал был передан в «Пионерской зорьке» и принес ему славу за пределами школы.

Тёму приняли в комсомол в Краснополянском райкоме ВЛКСМ и включили в состав делегации на открывающийся в Москве съезд сельской молодежи.

«Став комсомольцем, ты обязан проявить еще лучше свои способности, — напутствовал его секретарь райкома. — Мы рассчитываем, что сможешь не только передать товарищам все важное, что решат на съезде, но продолжишь писать на радио о полезных делах молодежи нашего района».

Однако надеждам районного секретаря не суждено было осуществиться. На съезде Тёме побывать все же довелось, и это яркое событие надолго осталось в его памяти. Но поразила его не торжественность и многолюдье заседаний, а невероятно роскошное по тем временам содержание участников съезда — деревенских ребят. Мало того, что их разместили в дорогих номерах одной из лучших гостиниц, но и кормили в ресторане такими изысканными блюдами, которых никто из них раньше даже не пробовал. И это в то время, когда шла война, на фронтах гибли тысячи людей, а кругом царил голод!

По возвращении Тёме удалось выпустить только один номер стенгазеты — его и других ребят, которым в этом году исполнялось шестнадцать, взяли на сборы по военной подготовке на аэродроме близ станции Долгопрудная. Там их на казарменном положении стали обучать мастерству воздушных стрелков. Жили дружно, стрельба всем нравилась, чего нельзя было сказать о физической подготовке; их заставляли ползать по-пластунски, причем инструктор выбирал самое грязное место, видимо исходя из суворовского принципа: «тяжело в ученье — легко в бою».

Закончились сборы тем, что наиболее крепких ребят, в том числе и Тёму, зачислили в ОСОДМИЛ — отряд содействия милиции, которой в районе не хватало для поимки бандитов и дезертиров. Комсомольцы-школьники были в его резерве и привлекались к операциям по мере необходимости. Тёме довелось участвовать в деле всего два раза, зато в последнем случае он едва не расстался с жизнью.

В тот раз ловили Главаря банды дезертиров. Большинство дезертиров,

бежав с фронта или из госпиталей после ранения, прятались у своих родственников, не представляли опасности. Но были и те, кто, не желая вести жалкое существование, занимались грабежами и разбоем, добывая средства для разгульной жизни. Этот бандит был настоящим головорезом, уже успел натворить много дел и убил двух милиционеров. Взять его не удавалось, но смогли выследить его у любовницы в деревне близ Сухарева.

Там и устроили засаду. Преступник был отчаянный и вооружен до зубов. Милиционеров было всего трое, и им в подмогу выделили двух комсомольцев. Они с вечера спрятались в баньке с краю деревни и, когда местный осведомитель сообщил, что бандит у любовницы, в темноте подкрались к ее избе. Милиционеры окружили дом, а ребят на случай, если прорвется, оставили сторожить за забором: Тёму — напротив калитки, а его товарища — у огорода.

Как ни бодрился Тёма, но во втором часу ночи стал задремывать и упустил момент, когда группа захвата ворвалась в избу и началась пальба. У него были пистолет и винтовка. Забыв с перепугу про пистолет, он схватил трехлинейку и взял ее наизготовку. В избе прогремел взрыв, окно распахнулось, из него выскочил здоровенный лохматый мужик. Тёме бы в него выстрелить, но он растерялся, и бандит в два прыжка достиг калитки. И тут молодой осодмиловец вспомнил о винтовке и открыл огонь.

В бандита Тёма не попал, но тот остановился, и из немецкого шмайсера выпустил очередь туда, откуда раздались выстрелы. Над головой Тёмы, укрывшегося за кустом сирени в канаве, просвистели пули. В тот момент он и не понял, что был на волосок от смерти. Осознал это лишь потом, когда увидел дырку на своем старом буденовском шлеме. Все могло плохо для него кончиться, если бы не выскочившие из избы милиционеры.

Преступник был убит наповал. Он лежал, закатив глаза и злобно ощерив рот. Тёме не раз приходилось видеть умерших бойцов, но такую страшную смерть наблюдал впервые. К сожалению, при взрыве гранаты был серьезно ранен и один из милиционеров. Ему оказали первую помощь и на подводе отправили в районную больницу.

— Ну что, хлопцы? Поздравляю с боевым крещением! — поблагодарил ребят милиционер, руководивший операцией. — Чего так растерялись? Не видели, как убивают людей? — с усмешкой посмотрел на их побледневшие лица. — Ничего, на фронт попадете, не то еще повидаете! — Он немного помолчал и мечтательно добавил: — Хотя, на ваше счастье, к тому времени война, может, и закончится.

К началу лета, кроме сдачи экзаменов в школе, у Тёмы прибавилась новая забота — огород. Госпиталь отца должен был как фронтовой передислоцироваться дальше на Запад, и он оставался единственным мужчиной в семье. Тем более, что Анна Михеевна не работала, а у Лели на руках был маленький ребенок. И, чувствуя свою ответственность, Тёма все свободное время проводил на двух сотках их приусадебного участка. Прочтя все, что попало по агрономии, пол-огорода занял под картошку, а на другой половине посадил капусту и лук. Без отца им снова грозил голод.

События на фронте развивались успешно. Красная Армия уже освободила от немцев Северный Кавказ и теснила их на Украине, не давая нигде основательно закрепиться. Но гитлеровцы были еще очень сильны и, чтобы остановить наше наступление, перебрасывали из Европы на Восточный фронт все новые и новые свежие дивизии. Создалась благоприятная обстановка для открытия второго фронта, но западные союзники медлили, несмотря на настойчивые требования Сталина и соглашения, достигнутые в Тегеране.

Правда, союзники высадили войска в Северной Африке и усилили военную помощь, чтобы поддержать успешное наступление Красной Армии. Посылали большое количество самолетов, разного снаряжения и особенно много необходимых нашим войскам мототехники: грузовиков и джипов. Благодаря этому и набравшему полную мощь производству за Уралом было наконец завоевано господство в воздухе. Наши новые самолеты оказались лучше немецких. Штурмовики Ильюшина успешно бомбили немецкие части, а истребители Яковлева побеждали в воздушных боях.

Наступающие войска несли большие потери... В бой бросали даже заключенных, были сформированы так называемые «штрафные роты». Все продовольствие отдавалось на нужды армии, и в тылу повсеместно царил голод. И, несмотря на это, недоедающие люди из последних сил трудились на полях и заводах, чтобы обеспечить окончательную победу над врагом.

От голода больше всего страдали старики, дети и больные. Началась какая-то эпидемия смертей. Пришло горе и в семью Наумовых. Умерла бабушка Вера. Скончалась скоростижно, во сне, от обширного инфаркта, всего через два дня после того, как ее в очередной раз навестила Анна Михеевна и привезла продукты.

— Она ведь почти ничего не ела, сердешная. Клевала как птичка, —

говорила Дуняша срочно прибывшим Анне Михеевне и Тёме. — Хорошая была женщина, вот Бог и забрал ее к себе. Видать, и меня призовет скоро, — добавила, вытирая слезы и истово крестясь.

— Разве ей не хватало еды? — огорчилась Анна Михеевна. — Мама мне никогда не жаловалась.

— Да она не ела от тоски, — скорбно вздохнула Дуняша. — Все переживала, что не едет Инна, что бросила ее и не хочет видеть. Ты напиши сестре про это. Нехорошо она поступила!

— Обязательно напишу! — сердито согласилась Анна Михеевна. — Инна должна была хоть раз приехать в Москву — повидаться и поддержать маму. Не верю, что при своем характере не смогла хоть на денек вырваться.

Так это было или нет, но на похороны Инна не приехала. Она лишь прислала пространную телеграмму с объяснением, почему не может приехать, в которой упрекнула сестру за то, что не уберегла их старую мать.

— Это надо же! Какой эгоизм, — возмущалась Анна Михеевна, глотая слезы обиды. — Бросила на меня маму в эвакуации, за все время нисколько не помогала и ни разу не навестила, хотя живет там припеваючи. И я же во всем виновата! Хорошо, хоть Римма меня не упрекает.

Тёма знал, как она любит свою младшую сестру, которая подолгу жила у нее и о которой заботилась, как мать, и в душе возмущался поведением тети Инны. Бабушку Веру похоронили на тихом Даниловском кладбище, и уже хотели вернуться в Марфино, но в семью пришло еще одно горе. Недаром говорят: пришла беда — открывай ворота!

* * *

В Лосинке скончался дедушка Илья. Парализованный после инсульта, он долго болел и жив был только благодаря своему железному организму и уходу бабы Ады. Сергей Ильич изредка навещал отца и мать, привозил кое-какие продукты. Продовольственные посылки посылал и Борис. Старшая их дочка голодала в блокадном Ленинграде, младшая умерла в Ашхабаде при родах. Единственный, кто часто приезжал и помогал по хозяйству, был младший сын Дима.

Пришлось срочно вызвать отца и вместе с ним отправиться в Лосинку. Там они встретили сумевших приехать Бориса и Диму. Что с Ильей и где он — никто не знал. Бабушку Аду, как всегда, окружала кучка сочувствующих старых евреек, они требовали совершить погребение по иудейскому обряду. Но все сыновья были против.

— Папа был верующий христианин, и его место на православном кладбище, — как старший, твердо заявил матери, Сергей Ильич. — Надо упокоить его душу.

— Но мне трудно будет туда ходить и ухаживать за могилкой, — попыталась возразить мать.

— Жить с ним тебе было куда труднее, мама, — пришел ему на помощь Борис. — Так что сходить на кладбище, прибраться могилку ты сможешь!

Сообща все же уговорили и, к неудовольствию ее ортодоксальных подружек, дедушку Илью достойно похоронили по православному обычаю. Из уважения к его друзьям и соседям устроили поминки, на которые пришли все желающие, причем из-за голодного времени в дом набилось немало таких, кого они даже не знали.

Пришел помянуть деда Илью и сосед Николка Коршунов. На похоронах его не было, после смерти своей матери он сутками работал в мастерской, выполнявшей военные заказы. Домой заходил редко. Выглядел Николка заморышем, ему нельзя было дать его шестнадцать лет.

— А где ты ночуешь, — удивился Тёма, — прямо у себя в мастерской?

— Еще чего, — пренебрежительно ответил Николка. — У баб, конечно. Мужиков то — раз-два и обчелся! А их — вона сколько: и солдатки тебе, и вдовы. Любая готова пригреть.

Он по-свойски подмигнул Тёме и предложил:

— Если хочешь, айда со мной! Устрою такую кралю — не пожалеешь. Только одна беда, пожрать ни у кого нет. Да и выпить вряд ли найдется.

Но Тёме было не до любовных утех. Он недоверчиво усмехнулся.

— Неужто у тебя силенок хватает? Посмотришь: в чем только душа держится? А говоришь — бабы на тебя зарятся.

— Еще как! — Николка самодовольно выпятил хилую грудь. — Ссорятся даже. Ты не смотри, это я с виду такой хилак. У меня машинка — любой взрослый мужик позавидует, — ухмыляясь, похвастался он. — Бабы это ценят.

Глава 11

Поворот в войне

Отгремела победная битва на Курской дуге, в которой Гитлер собрал в кулак последние силы, чтобы добиться перелома в ходе войны в свою пользу, разгромив наступающие части советской армии. Развернулось невиданное по своим масштабам танковое сражение под Белгородом, в котором был окончательно сломан хребет германской военной машины. Фронт отодвинулся далеко от Москвы. Настало время перебазироваться на Запад и госпиталю Сергея Ильича Наумова. Но его ждало новое назначение.

Как выяснилось позже, причиной стал конфликт, который возник между ним и комиссаром госпиталя Иваном Гавриловичем Батуриным. Все на той же почве вступления Наумова в партию. Комиссар, старый большевик, был ревностным блюстителем морали и, несмотря на то, что очень ценил своего энергичного начальника и всячески помогал ему в работе, все же не спешил давать ему рекомендацию.

— Не пойму, что тебя смущает Гаврилыч, — обиделся Сергей Ильич. — Мы с тобой больше года вместе. Ты все обо мне знаешь. Я у тебя как на ладони. Почему отказываешь в доверии? Сам же говоришь, что мне цены нет!

— Как начальнику госпиталя. Это верно, — со свойственной ему прямоотой ответил Батурин. — А член партии должен быть без грехов со всех сторон.

— Это какие же у меня грехи? — рассердился Наумов. — Пашу с утра до вечера, всего себя отдаю работе. Семья у меня крепкая. Чего еще надо?

— Будто сам не знаешь, за что тебя исключили, — нахмурился комиссар. — Мне сдается, Ильич, что ты все еще слабоват по бабьей части. Хотя это правда: семья у тебя хорошая, а внучка — просто чудо!

— Ты говори прямо: в чем дело, — потребовал Сергей Ильич, хотя отлично понимал, на что намекает его заместитель. Но и объясниться было необходимо.

— Я ведь, Ильич, не слепой. Думаешь, не знал, что ты завел шашни с Петренко, когда жены не было? — строго посмотрел на него Батурин. — Да и люди мне об этом докладывали. Кто посмеивался, а кто и осуждал.

— Ну так это — дело мужское. Я ведь семью не бросил, — смущенно возразил Сергей Ильич. — Меня не за бабу исключили, а за то, что

смалодушничал, не указал в анкете про Колчака.

Иван Гаврилович задумчиво пожевал губами:

— Может, и так. Но меня все же смущает твоя неустойчивость по этой части. Давай, Ильич, еще немножко повременим. Хочу удостовериться, что с тобой такое больше не повторится. Вот мы снова на фронт отправляемся. Там и посмотрим.

— Обижает, Гаврилыч! Испытание мне решил устроить? — гневно повысил голос Наумов. — А если меня там сразу убьют? Я хочу умереть коммунистом. Считаю, что заслужил!

— Не дави на меня, Ильич! — тоже повысил голос комиссар. — Я ведь тебе не отказываю. Говорю только: повремени. На фронте тебя и примем!

— Вот, значит, как? — вспыхнул Наумов. — Вряд ли мы сможем с тобой дальше работать, раз ты считаешь, что я недостоем быть в партии!

— Ну что ж. Раз так — я поговорю об этом в политуправлении, — сухо ответил Батулин. — Думаю, что нас разведут.

Наверное, у Ивана Гавриловича были там большие связи, так как вскоре их действительно развели, но с госпиталем уехал он, а Наумова без объяснения причин перевели на новую должность, объявив благодарность и повысив в чине до майора медслужбы. Об этом ему объявили по телефону, а письменный приказ привез нарочный. В нем говорилось, что Сергей Ильич Наумов назначается начальником эвакогоспиталя 4064 в Пушкино и ему надлежит в трехдневный срок сдать дела и прибыть на новое место службы.

* * *

Сергей Ильич был обескуражен таким поворотом дела, но стойко перенес удар и энергично занялся переездом в Пушкино. Прощание с персоналом госпиталя было трогательным. Он был строг, но его уважали за образцовый порядок и прекрасную организацию работы. Даже виновник расставания — замполит Батулин расчувствовался, обнял его и сказал:

— Ты сам это решил, Ильич! А мне, поверь, очень жаль, что так вышло. Хорошо было с тобой работать!

Сборы были недолгими, хотя вещей, на удивление, оказалось очень много. Кроме всякого домашнего скарба, детской кровати и одежды, надо было найти место и для солидного урожая, собранного Темой. Одной картошки было десять мешков, что по тем временам составляло большое богатство. Так что наряду с легковушкой, в которую поместились Анна

Михеевна, Леля и Вика со всем наиболее ценным и хрупким, пришлось взять еще и грузовик.

Эвакогоспиталь 4064 находился в нескольких километрах от подмосковного поселка Пушкино, на территории бывшей радиостанции Коминтерна. До войны отсюда велись агитационные передачи, здесь же временно обитали многие вожди международного рабочего движения, а в последние годы такие известные, как Георгий Димитров и Долорес Ибаррури. Однако в критический момент войны, уступив требованиям союзников, Сталин упразднил Коминтерн.

Назначение начальником этого госпиталя было явным повышением, и это утешило Сергея Ильича. В отличие от ветхого дворца графа Панина, новые прекрасно оборудованные корпуса Коминтерна были более приспособленными для лечения и скорого возвращения в строй раненых бойцов, и в связи с этим предназначались в основном для офицеров. Кроме того, в одном из корпусов помещался партизанский спецдом, сюда на отдых перебрасывались через линию фронта командиры крупных отрядов. Поэтому снабжение госпиталя было намного лучше других.

Командование и врачи жили в небольшом, но комфортабельном корпусе, который раньше предназначался для лидеров зарубежных компартий. Для семьи начальника госпиталя отвели три смежных комнаты на втором этаже, а по соседству с ними, в небольшой спальне, которую загромождала огромных размеров кровать, поселили старенького зубного врача с супругой. По преданию, эта широченная кровать принадлежала прославленному лидеру испанской компартии, та якобы обладала бурным темпераментом и активно использовала ее по назначению со своими возлюбленными. Так это было или нет, но послужило поводом для шуток.

— Наверно, в наших старичках тоже играет кровь, как представляют себе, что выделявала на их кровати Ибаррури, — посмеивались, глядя им вслед. — Говорят, пламенная Долорес загоняла мужиков до седьмого пота!

Тёму тоже разбирал смех, когда представлял себе этих старичков на ложе, достойном Екатерины Великой. В Пушкино все ему нравилось, но особенно партизанский спецдом: там в холле стоял настоящий большой бильярд. Тёма любил играть на бильярде, и у него неплохо получалось, но на таком большом еще никогда не пробовал. Было здорово и то, что на территории был глубокий пруд, где водилась рыба и можно было купаться, а за высоким забором росли грибы.

Разместились удобно, хотя Тёме, как всегда, пришлось спать на диване в общей комнате. Но он к этому уже привык. Через несколько дней его вновь зачислили электриком и пришлось приступить к работе.

От Марка Горкина не было ни слуху ни духу. Леля часто плакала и, следуя своему убеждению в женском непостоянстве, Тёма исподволь ревностно за ней следил, опасаясь, как бы с отчаяния в кого-нибудь не влюбилась. Но сестра вела себя безукоризненно, хотя уже вполне оправилась от родов и за ней всюду ухаживали выздоравливающие офицеры.

— Вот увидишь, Марик обязательно вернется, — по случаю и без него часто повторял Тёма, стремясь поддержать в сестре силу духа. — Таких, как он, ни штык, ни пуля не берет!

Леля была с ним по-прежнему холодна, но разрешала подолгу играть с Викочкой, и, как вскоре он убедился, все же любила и о нем заботилась. В это время возникла учебная проблема, связанная с предстоящим призывом Тёмы в армию. Теперь призывали уже с семнадцати лет, и он не успевал закончить десятилетку.

Анна Михеевна огорчалась.

— Ведь так Тёмочка может остаться без среднего образования. Пока будет служить, все забудет!

— Напрасно беспокоишься, мама, — успокаивал ее будущий призывник. — Ты же знаешь, что я умею самостоятельно заниматься. Как вернусь, все сдам и получу аттестат!

Эту проблему помогла решить именно Леля. Это она нашла в газете объявление Московского авиационного института о приеме на его подготовительное отделение. Набирали учеников девятых и десятых классов, обещая после года занятий принять у них экзамены на аттестат зрелости.

— Поступай туда, Тёма, — посоветовала она брату. — Как раз успеешь получить аттестат до ухода в армию. Это то, что тебе надо.

— Но тогда ведь придется жить в Москве, — недовольно поморщился он при мысли, как плохо ему там будет. — Кто мне пожрать сготовит? Сам я не сумею.

— Не надо тебе там жить. На электричке будешь ездить, — успокоила его Леля. — Как все те, кто ездит в Москву на работу. Если надоест мотаться каждый день, ведь иногда можно и пропустить. Ты же у нас — гений. Не отстанешь!

Такая перспектива улыбалась Тёме, как и сама возможность окончить два класса за один год и получить до призыва аттестат о среднем

образовании. Он собрал все нужные документы, и без проволочек был зачислен на подготовительное отделение МАИ. Вскоре начались занятия, и оказалось, что таких, как Тёма, после восьмого класса, было очень мало. В основном поступили ребята, прервавшие учебу в девятом и желающие наверстать упущенное. Несколько парней перешло из десятых классов московских школ.

— А зачем тебе это? — любопытно спросил Тёма у одного десятиклассника. — В своей школе тебя учителя знают и сдавать легче.

— Может, и лучше, что здесь меня не знают, — ухмыльнулся розовощекий упитанный паренек. — Ты разве не в курсе, что после сдачи экзаменов нас сразу зачислят в МАИ?

— Нет. А что это дает? — равнодушно пожал плечами Тёма. — Все равно же нам в армию идти.

— Ну и сермяга ты! Ничего не понимаешь, — свысока глянул на него увалень. — Моя мать в военкомате работает и знает: студентов оборонных вузов брать больше не будут. До победы ведь рукой подать!

— Значит, ты здесь, чтобы закосить от армии? — догадался Тёма, с неприязнью посмотрев на товарища. — И остальные из десятых — тоже?

— А ты как думал? Стали бы они переходить, — с усмешкой подтвердил здоровяк. — Кому охота лезть под пули, когда война вот-вот кончится?

Тёму, конечно, возмутило такое откровенное проявление шкурничества, но у него хватило ума придержать язык и не начинать учебы на подготовительном отделении МАИ с перебранок со своими новыми товарищами.

* * *

Несмотря на почти ежедневные поездки в Москву, Тёма не бросил работу в госпитале. И не только из-за рабочей карточки, которая, конечно, тоже имела значение. Его попросил отец, поскольку у основного электрика открылись раны, а замены не было. Трудился по вечерам, очень уставал, но справлялся. Отдыхал лишь по выходным, урывками, и эти несколько часов проводил в партизанском спецдоме, так как успел пристраститься к бильярду.

Война в немецком тылу и базирование в лесах, постоянно подвергаясь смертельной опасности, видно, столь сильно физически и духовно изматывали организм, что короткие передышки партизанским «батькам»

были просто необходимы. Привыкнув к единовластию, действуя без суда и следствия, они часто теряли контроль над собой и ответственность перед законом. Прилетев на отдых, много пили; были и такие, которые считали, что здесь им тоже все дозволено.

Приходя играть на бильярде, Тёма убеждался в этом не раз. Запомнился один случай. В спецдом заходили и раненые офицеры. Чаще других там бывал высокий рыжеволосый лейтенант, который всех постоянно обыгрывал. В тот раз, выиграв у Тёмы, он только начал новую партию с одним из партизан, как в холл спустился полупьяный командир крупного отряда с Украины. «Батька» был приземист, широк в плечах, а его бычья шея свидетельствовала о большой физической силе.

— Отдай кий, рыжий! — прохрипел он, бесцеремонно вырывая кий из рук местного чемпиона. — Поиграл и хватит!

— Зачем же так, нахрапом? — опешил лейтенант, не выпуская кий. — Доиграю и отдам. Что я — хуже вас?

— Ты с кем это вздумал равняться, щенок? — рассвирепел батька. — Брысь отсюда, пока цел! Ишь, повадился к нам ходить. Уж и отдохнуть спокойно нельзя.

Он снова рванул на себя кий, но не тут-то было. Оскорбленный его хамством, рыжий лейтенант решил не уступать. И произошло несчастье. Партизанский батька отпустил кий и одним ударом сбил его с ног. Все, кто там был, бросились на помощь раненому.

Вышел большой скандал. Оказалось, что они оба были представлены к званию Героя Советского Союза. Раненые, возмущенные зверской выходкой «батьки», написали коллективное письмо, требуя наказать виновного. И руководству госпиталя с прибывшим представителем партизанского командования еле удалось уговорить их забрать свое заявление, предъявив медицинское заключение о том, что «батька» психически нездоров.

Страсти быстро утихли, ибо широко развернувшееся тогда партизанское движение помогало успешному наступлению советских войск, нарушая коммуникации и снабжение обороняющихся частей вермахта, совершая отважные рейды по его тылам и нанося врагу ощутимые удары в спину. Все знали, в каких тяжелых условиях воюют партизаны, постоянно играя в прятки со смертью, и поэтому «сошедшему с тормозов» «батьке» оказали снисхождение.

Весна принесла облегчение и надежды на скорую победу. Не выдерживая натиска советской армии, немецкие войска поспешно отступали. Война переместилась за рубежи СССР, и началось освобождение Европы. Западные союзники срочно высадились в Италии, открыв давно обещанный второй фронт. Было похоже, что сделано это не столько из желания помочь наступающей Красной Армии, сколько из боязни, что теперь она сможет победить Гитлера без них.

Многие уже настолько твердо уверовали в победу над Гитлером, что стали проявлять заботу о будущей мирной жизни. Именно так можно было объяснить то, что начальник соседнего госпиталя Лев Самойлович Гордон получил на станции Зеленоградской земельный участок и строил там дачу.

— Вот, Сережа, люди уже заботятся о своем будущем, — сказала мать за обедом.

— Ты это о чем? — рассеянно спросил Сергей Ильич, не отрываясь от газеты.

— О том! Будто не знаешь, что твой приятель Лев Самойлович строит дачу в Зеленоградской, — с обидой напомнила ему Анна Михеевна. — Почему бы тебе тоже не сделать, как он? Нам ведь не меньше, чем ему, когда кончится война, понадобится дача. У него сын — уже школьник, а у тебя — маленькая внучка!

С начальником соседнего госпиталя Сергей Ильич был хорошо знаком, и они встречались семьями.

— А по-моему, Левушка рановато начал думать о своем благоустройстве. — Вот закончится война, тогда и займемся мирными заботами.

— Ну конечно! Кто тебе тогда даст дачный участок? — рассердилась жена. — Нельзя быть таким беспечным, Сережа! Ведь ты сейчас можешь получить?

— Запросто, Анечка! Стоит только попросить, — с самодовольной улыбкой подтвердил супруг, отложив газету, и серьезно добавил: — Но все равно дачу строить некому, даже если удастся достать материалы.

— Вот как! Кто же тогда строит дачу Гордону? — не без сарказма спросила Анна Михеевна. — Может, святой дух?

— Нет, вполне реальная рабочая сила: раненые бойцы, из выздоравливающих, — осуждающе посмотрел на нее Сергей Львович. — Но я на это не пойду!

— Это что же, запрещается? — не сдавалась Анна Михеевна. — За это могут наказать?

— Не думаю. Выздоровливающим рекомендуется трудотерапия, —

объяснил муж. — Они и у меня работают по хозяйству.

— Тогда почему ты не можешь? Вот Гордон — не боится, а он не глупее тебя.

— Неужто не понимаешь? — рассердился Сергей Ильич. — Мне же предстоит в партию вступать, а какая-нибудь сволочь стукнет наверх, что использую труд раненых бойцов в личных целях. И вообще, как-то нехорошо это выглядит... хотя ничего здесь незаконного нет, если им платить за работу. Уверен, что Левушка так и делает.

Видя, что жена расстроена, он смягчился и решил «позолотить пилюлю».

— Ладно, Анечка! Не переживай, возьму дачный участок на станции Заветы Ильича. По правде сказать, районное начальство давно мне его предлагало, — и упрямо добавил: — Возьму, но строить до окончания войны ничего не буду. Только обнесу забором.

Анна Михеевна благодарно ему улыбнулась, полагая, что со временем сумеет развить свой успех. Однако надежды ее не оправдались. Сергея Ильича хватило только на то, чтобы юридически оформить получение земельного участка в пятнадцать соток рядом со станцией Заветы Ильича. Но он не поставил там даже забора, и в дальнейшем участок отдали кому-то другому.

* * *

Тёме исполнилось семнадцать, он ждал повестки из военкомата, уже были «на носу» выпускные экзамены. Дела шли споро, так как кругом царило приподнятое настроение. Радио каждый день сообщало о все новых победах русского оружия. Гремели салюты в честь взятия крупных городов. Военные успехи по-прежнему давались большой кровью, и госпиталь был переполнен ранеными, но это были уже не те подавленные неудачами и превосходством противника бойцы отступающей армии, а уверенные в себе воины, снова рвущиеся на фронт, чтобы добить врага.

— Наконец-то война научила наших генералов уму-разуму, выдвинула «талантливых командующих», — в один голос утверждали фронтовики и называли Рокоссовского, Толбухина, Говорова, Ватутина, Конева — новые, но уже прославленные имена советских полководцев.

— Не хуже немцев научились воевать: обходить их с флангов, брать в клещи и окружать, устраивая «котлы», — радостно открывали они секрет наших военных успехов. — Но этому способствует и то, что мы теперь

превосходим их во всем: в танках, авиации и особенно в артиллерии. Залпы наших тяжелых орудий и «катюш» способны взломать любую оборону противника!

Они объясняли, какие отличные танки «Т-34», в чем превосходство новых истребителей Лавочкина, но больше всего хвалили артиллерию, называя ее не иначе как «богом войны». Рассказывали о взятии Варшавы, о прорыве блокады Ленинграда и освобождении Прибалтики. В нашей окончательной победе над гитлеровской Германией никто не сомневался, и все были уверены в том, что это — вопрос ближайшего времени.

Тёма справедливо полагал, что сдаст все экзамены на «отлично», однако получить аттестат с отличием ему не удалось из-за глупой оплошности. Прием экзаменов происходил в школе-десятилетке на Сходне. Сдача уже подходила к концу, и его дела шли как надо, когда на экзамене по истории произошла осечка. Это было обидно: историю он любил и хорошо знал.

А произошло вот что. До начала экзамена оставалось четверть часа, и Тёма с товарищами вышел покурить на крыльцо школы. Им сделала замечание проходящая мимо учительница, напомнив, что курить можно только в специально отведенных местах. И черт дернул его за язык ответить.

— Простите, но там, — кивнул Тёма на вход в школу, — можно курить только в туалете. Разве не лучше покурить на свежем воздухе?

— Вы здесь намусорите, — раздраженно ответила учительница. — А кто за вас убирать будет?

Тёме бы скромно промолчать, но черт не угомонился, и вместо этого он ей возразил:

— А где вы видите окурки? Вон же урна стоит. Мы туда и бросаем.

Учительница, смерив его недовольным взглядом, прошла в школу. И надо же такому случиться: она оказалась экзаменаторшей по истории! Тёма струхнул, и успокаивал себя тем, что знает свой любимый предмет «на зубок». Но хотя, как обычно, с блеском ответил на все вопросы, эта злыдня, немного поколебавшись, все же снизила ему итоговую отметку.

Для Тёмы это был удар, так как он привык считать себя отличником и впервые столкнулся с такой вопиющей несправедливостью. Но исправить это уже было нельзя. Некоторое время он еще попереживал, но перестал об этом думать, когда к соседу-стоматологу приехала погостить внучка Элла.

Элочка сразу ему понравилась. Ей уже исполнилось четырнадцать, это была вполне сформировавшаяся девушка с хорошей фигуркой, вьющимися золотистыми волосами, вздернутым носиком и горячими

карими глазками. Застенчивостью она не страдала и первой с ним познакомилась.

Папа Эллы погиб на фронте в первые дни войны. Он был кадровым военным, пограничником. А мать снова вышла замуж и у нее был медовый месяц.

— А меня к деду отправила. На каникулы. Чтобы не мешала «молодоженам», — насмешливо сказала Элла.

— Ситуация ясная. Маме не до тебя, — понимающе усмехнулся Тёма, а сам подумал: «А ведь девчонка — что надо! И кажется, в этом деле уже неплохо разбирается. Стоит ею заняться!»

С первой же их встречи он преисполнился самых радужных надежд, мечтая о близости и уверяя себя, что непременно этого добьется.

* * *

После сдачи экзаменов у Тёмы появилось больше свободного времени, и все оно было посвящено его новому увлечению — Эллочке и старой любви к сбору грибов. Собирать грибы пристрастился еще с дачных времен. Оказалось, что Элла тоже любит «тихую охоту». Поэтому, как только пошли грибы, если позволяла погода, они стали по утрам ходить в лес и возвращались с полными корзинами.

Леса в Пушкине изобиловали грибами. Далеко ходить за ними не требовалось. Грибы, среди которых попадалось много белых, росли и на территории госпиталя, но лес был кругом и там искать было интереснее. Тёма с Эллой особенно любили лазать через дырку в ограде на нехоженный участок леса, занимаемый какой-то секретной спецслужбой морского флота.

— И что здесь делают моряки? — удивлялась Элла.

— Наверное, готовят каких-нибудь шпионов и диверсантов, — высказал предположение Тёма.

— А как же это можно без моря? — усомнилась Элла. — Они ведь должны будут действовать под водой.

— Может, у них тут есть специальный бассейн, — дал волю фантазии Тёма. — Да и не нашего ума это дело, — заключил он. — Хорошо еще, что никто из них по лесу не шатается.

Иногда они присаживались отдохнуть или перебрать грибы. Эллочка охотно и горячо целовалась, прижимаясь к нему всем телом, но дальше этого не шла. А когда однажды ему удалось подмять ее под себя, дрожа от

возбуждения, она вырвалась и жалобно призналась:

— Нет, не могу, Тёмочка, хоть и очень хочу! Ты ведь на мне не женишься?

— А почему это надо жениться? — пробормотал он, тяжело дыша и не скрывая разочарования. — Нас ведь и не регистрируют, как несовершеннолетних.

— Значит, и делать этого сейчас нельзя, — убежденно сказала Элла. — Может, мы больше с тобой не увидимся и у меня будет другой муж. Как же я тогда посмотрю ему в глаза?

— Выходит... ты это... никогда не пробовала? — смущенно спросил Тёма. — А я... думал...

— Почему ты так думал? У меня, по-твоему, такой вид?

— Да нет, что ты! — замотал головой Тёма. — Просто ты, ну... такая бойкая, что ли.

Близости Эллы он больше не добивался, так как считал, что «портить» девчонок подло, для этого хватает и бывалых женщин. Примириться с неудачей помогло и то, что как комсомольца его снова привлекли для содействия милиции в поимке дезертиров, которых в районе Пушкина вполне хватало. До осени у него было несколько дежурств, но одно запомнилось на всю жизнь.

В тот раз, собрав их бригаду, капитан милиции сообщил:

— Сегодня ночью вам предстоит участвовать в засаде на дезертира, который пойдет убивать начальника госпиталя Наумова. Он будет один или с напарником, а сопровождать будет его краля-блондинка, медсестра.

Услыхав фамилию отца, Тёма обомлел, и дальше слова капитана долетали до него, как сквозь вату. А тот продолжал:

— Медсестра была поймана на краже лекарств, и Наумов ее уволил. Дезертир потребовал взять обратно, пригрозив «замочить», но ему было отказано.

— А как узнали, что сегодня они пойдут на дело? — спросил лейтенант, командир их бригады.

— Часовой у склада моряков сообщил. С ним дезертир корешился, водку распивал. Патроны просил к пистолету, и тот ему их дал, — с усмешкой ответил капитан.

— Зачем? — произвольно вырвалось у Тёмы.

— Для того, чтобы не спугнуть и все узнать, — серьезно ответил капитан. — Часовой этот — не простой солдат, а офицер СМЕРШа. Они на всех складах с оружием расставлены. Ты, Наумов, не волнуйся, — усмехнулся он. — Мы их по дороге возьмем, не дадим убить твоего батьку.

Бандитов задержали во втором часу ночи за полкилометра от госпиталя на шоссе у военно-морской части. Без единого выстрела. Засада расположилась по обе стороны шоссе, спрятавшись за кустами на опушке леса. Ждали больше часа и продрогли, пока не увидели идущую по дороге тройцу. Как только она поравнялась с засадой, по условному знаку все с диким криком выскочили. От неожиданности или с перепугу бандиты даже не пытались оказать сопротивления.

* * *

Тёму в армию не призвали. После экзаменов всех ребят из их группы автоматически перевели с подготовительного отделения на первый курс МАИ. Он попал на самолетостроительный факультет и уже приступил к занятиям, когда его отец неожиданно получил письмо от Батурина. В нем Иван Гаврилович писал:

Уважаемый Сергей Ильич! Я и все сослуживцы по госпиталю 3405 низко тебе кланяемся и шлем свой фронтовой привет! Надеюсь, что ты жив-здоров и, как всегда, бодр и энергичен. Если все еще на меня обижаешься, то напрасно! Я ведь очень уважал и ценил тебя как работника. В рекомендации не отказал, а лишь попросил немного повременить, для большей уверенности. А ты полез в бутылку.

Теперь жалею, что тогда перестраховался, потому что нельзя было с тобой расставаться. В интересах дела, которое превыше всего! Новый начальник оказался редкостным говнюком. Не только ленивым и чрезмерно пьющим, но еще и нечистым на руку. В общем, его от нас убрали, я его временно замещаю, и все вспоминают тебя. Лучшего начальника нам не надо.

Приезжай, дорогой Сергей Ильич! Мы все тебя об этом просим. Если согласишься, добьемся твоего перевода. Я сожалею, что тогда между нами пробежала черная кошка, и признаю, что был не прав. На расстоянии все лучше оцениваешь. Не сомневайся, теперь мы тебя без проволочек примем в партию.

В общем, мы тебя ждем! Передай мой привет супруге, детям и поцелуй за меня маленькую Викочку.

Твой замполит Иван Батурин.

P.S. Сейчас госпиталь находится в селе Брюховичи. Это

очень красивое место в окрестностях Львова. Для тебя и семьи приготовлена удобная вилла рядом с госпиталем, в местечке Лончики.

Получив письмо, Сергей Ильич затосковал. Он предвидел, что скажет на это его жена. Так оно и вышло.

— Разве нам здесь плохо? От добра добра не ищут! — Она наотрез отказалась ехать во Львов. — И Тёмочке надо учиться. С кем мы его оставим?

Однако Сергей Ильич не смог «наступить на горло собственной песне» и отказаться от реальной возможности снова стать членом партии. И он решился. Ничего не сказав, телеграфировал Батурину о своем согласии и, только когда сообщили, что должен явиться за новым назначением, объявил об этом жене.

— Анечка! Надеюсь, ты меня поймешь и простишь, — сказал ей тихо Сергей Ильич, виновато отводя глаза. — Я назначен во Львов. Если не захотите поехать, оставайтесь. Приложу все силы, чтобы вы здесь не нуждались.

Сергей Ильич замолчал, готовясь к скандалу, но Анна Михеевна была умным и сердечным человеком. Осознав, что ничего не изменишь, и, понимая причину, побудившую мужа принять такое решение, спокойно сказала:

— Ну что ж. Значит, так тому и быть. Да и тебя, — с усмешкой взглянула на мужа, — нельзя отпускать одного. А то опять в партию не примут, — и озабоченно добавила: — Вот только Тёмочке очень трудно придется здесь одному. Но что делать? Будем посылать ему продукты и попросим Диму присмотреть за ним и помочь, если понадобится. Он еще не женился?

— Нет, вроде бы, — повеселев, ответил Сергей Ильич. — Только еще собирается.

— А баба Ада не может пожить в Москве с Темой? — с надеждой посмотрела на мужа Анна Михеевна.

— Исключено, — покачал головой Сергей Ильич. — Сама знаешь, как мама религиозна. Она никуда не поедет от своих старух. Так что, Анечка, давай собираться! А наш сын уже большой и не пропадет.

Через несколько дней Тёма остался совершенно один в пустой московской квартире на Покровке, если не считать «божьего одуванчика» — Дуняши.

Глава 12

Великая победа

Тёме запомнилась эта осень тем, что он постоянно хотел есть. Продукты, которые оставила мать, быстро кончились. Наверное, потому, что Дуняша, взявшаяся готовить ему завтраки, использовала их также и для себя. Вспомнив, что одной из причин смерти бабушки Веры было плохое питание, Тёма даже заподозрил, что она голодала не столько из-за тоски по дочери Инне, сколько вследствие того, что ее объедала соседка. Но, как говорится: не пойман — не вор.

Уходя утром в институт, Тёма, как правило, ел какую-нибудь жиденькую кашку и ее же, если оставалась, доедал приходя поздно вечером домой. В обед, сдав талоны от своей карточки в столовую института, обычно получал водянистую похлебку из кислой капусты и вареную картошку с морковной котлетой. Несмотря на такое скудное питание, студенты не только прилежно учились, но и занимались спортом.

Тёма, который и раньше хорошо катался на коньках и лыжах, сразу же записался в эти секции спортклуба МАИ, а вместе со своим новым другом Васей Назаровым еще и в секцию бокса. Отец Васи служил на Дальнем Востоке, помощи семье не оказывал, и они тоже недоедали. Но молодость — великая сила! И вечно полуголодные они после занятий не только бегали на лыжах, играли в русский хоккей и дрались на ринге, но вдобавок ездили по стадионам и спортзалам смотреть соревнования — будь то плавание или матчи по баскетболу. От недоедания они были очень худы и плохо росли, но, несмотря на это, энергия била через край.

Тёма с Василием были почти неразлучны. Назаров часто оставался у него ночевать, так как они допоздна занимались по математике, физике и химии, которые Ваське давались тяжело. В секции бокса их тоже поначалу поставили в одну пару. Но оба были азартными, стремились к победе и, входя в раж, нещадно колотили друг друга. Поневоле возникало озлобление и, осознав, что это угрожает их дружбе, попросили тренера, чтобы тот их развел.

Единственным развлечением, не считая спортивных соревнований, было кино. Этот период отличался расцветом дружбы с западными союзниками, и на экранах появились прекрасные американские и английские фильмы. Народ, уставший от жестокой войны и тяжелых переживаний, жаждал отдохновения. Особенно охотно люди смотрели

веселые кинокомедии «Тетка Чарлея» и «Мистер Питкин в тылу врага», на которых можно было посмеяться до упаду.

Однако с деньгами дело обстояло туго. В это время в Москве уже начала оживать торговля. Постепенно в столицу возвращалось население и открывались магазины. Кипела жизнь на продуктовых и вещевых рынках. Многим торговцам требовалась помощь, рабочих рук не хватало, находилось дело и для студентов. Само собой, это шло в ущерб занятиям, но неплохо пополнило бюджет.

— Знаешь, Тёмка, пожалуй, я куплю для мамы красивое платье, — мечтательно произнес Василий, пересчитав деньги, которые каждому из них вручил торговец картошкой за то, что помогли перевезти товар с пригородного вокзала на Центральный рынок. — У нее день рождения, а надеть нечего. Она все с себя продала, когда голодали.

— Ты бы лучше галоши себе купил на ботинки. Они же у тебя каши просят, — посоветовал Тёма. — Вон как носом шмыгаешь, заболеть можешь! Ну зачем ей сейчас нарядное платье? Подари духи или цветы.

— Нет, это не то! — тряхнул головой Василий. — Мама обносилась, и новое платье ее порадует. А потом, представляешь: вдруг вернется отец? — снова помечтал он. — Как же она покажется ему в таком виде?

* * *

В то время на московских базарах было полно воров и всяческого жулья. Вовсю орудовали карманники. Заманивали в укромные места, отнимая товар и деньги. Надували простаков «наперсточники» и шулера. Сбывали краденое всякого рода подонки. На одного из них и нарвался Василий.

Они уже больше часа топтались на рынке и два раза прошли все ряды. Товаров с рук продавалось много, выбор платьев был большой, но друг все еще не мог решить, что ему больше нравится.

— Тут все больше шерстяные и полотняные, — объяснил Васька, — а мама любит шелковые.

— Так ведь их здесь много. Неужто ни одно не нравится? — удивился Тёма. — Ну вот хотя бы то, — кивнул на старуху с платьем в руках, — темно-зеленое.

— Мама не любит однотонные, — мотнул головой Васька. — Ей больше по душе цветастые.

— А как ты определишь размер? — спросил Тёма. — Вдруг не

подойдет?

— Это не страшно, лишь бы не был мал. Она хорошо шьет, — ответил Василий. — У нее сорок восьмой, но можно взять и побольше.

Наконец он все же выбрал то, что хотел.

— Этому платью цены нет. Заграничное! У Народной артистки куплено, — рьяно нахваливал свой товар хромой небритый мужик.

Тогда в городе укрывалось много дезертиров и бежавших из мест заключения уголовников. В то время, когда армия добивала врага, охране порядка в столице не уделялось должного внимания, и, пользуясь этим, преступники обнаглели. Совершали дерзкие налеты на склады, магазины, квартиры и прохожих. Грабили и убивали. Особенно наводила на обывателя ужас одна из наиболее жестоких банд, называвшая себя «Черная кошка». Она орудовала по, всему городу, и мало того, что безжалостно обчистила квартиры у многих известных и заслуженных людей, оставляя за собой трупы, но вдобавок бандиты нагло насмехались над милицией, рисуя в местах своих преступлений «фирменный знак» в виде ощерившегося кота.

Василий долго торговался с жуликоватым продавцом, дважды делая вид, что уходит, и возвращаясь. Но тот держался стойко и всякий раз, не выпуская из рук платья, нещадно комкал и тряс им перед его глазами, чтобы доказать высокое качество товара.

— Такого шелка у нас не производят, — утверждал он, с силой дергая ткань. — Ты посмотри какой прочный!

— Нет у меня столько денег, — честно признался Василий. — Вон, другие куда меньше тебя просят. Если б мне не хотелось порадовать мать, давно бы ушел!

Поняв, что парень не врет и ничего больше из него не вытянешь, хитрован принял сочувственный вид и с фальшивым вздохом, еще больше скомкав платье, протянул его Василию.

— На, держи! Твоя взяла. Раз для матушки, так и быть — отдам его за полцены.

Обрадованный Василий, зажав платье подмышкой, быстро отсчитал ему деньги, продавец услужливо завернул покупку в газету, и друзья с облегчением быстрым шагом направились восвояси, боясь как бы тот не передумал. Но когда они дома на Покровке развернули газету, достали из нее платье и стали любоваться покупкой, то ахнули, обнаружив на одном из рукавов зияющую дыру. Как они ее не заметили, было поразительно! Однако, немного погоревав, друг Тёмы успокоился.

— А ты знаешь, это даже лучше, что оно рваное, — неожиданно заявил он.

— Почему это? — не понял Тёма.

— Платье-то хорошее, и мамке велико. Все равно ведь будет перешивать, — объяснил Василий. — А так она даже расстроилась бы, что я потратил столько денег. Теперь совру ей, что купил по дешевке.

Незадолго до начала экзаменов, когда Тёма уже сдавал зачеты, в квартире на Покровке появился младший брат отца дядя Дима. То ли он и правда втихаря женился, то ли на время сошелся со своей девушкой, но пришел с ней вместе, и не просто так, а поселиться в пустующей комнате соседки Вассы. Оказывается, Дмитрий Ильич уже заходил в отсутствие племянника и обо всем договорился с Дуняшей, которой хозяйка комнаты оставила ключи и разрешила пустить туда жильцов. Девушка была длинноносой, черной, как галка, с усиками над верхней губой. Рядом с его светловолосым и голубоглазым дядей она казалась некрасивой.

— А это — мой племянник, о котором я тебе говорил, — сказал дядя Дима. — Знакомься, Тёма! Стелла будет здесь жить со мной и скоро станет нашей родственницей.

— Мама говорила, что ты обещал часто заходить, — высказал ему недовольство племянник. — Куда же ты запропастился?

— Недосуг было. Сам ведь знаешь, что добрыми намерениями дорога в ад вымощена, — отшутился Дмитрий Ильич. — Когда сам женишься, то поймешь, что на другие дела времени не остается.

— Зато теперь я смогу выполнить поручение твоей мамы... Ты теперь вместе с нами будешь нормально питаться.

Молодые обосновались в каморке Вассы, и Тёма очень скоро убедился, что для радужных заявлений дяди Димы не было никаких оснований. Стелла оказалась большой лентяйкой и после бурных бессонных ночей утром не вставала даже для того, чтобы проводить своего возлюбленного. Готовила она получше старой Дуняши, но толку от этого было мало. И он, и его дядя уходили из дому, как говорится, не солоно хлебавши. А она целый день валялась, читая книжки, даже вечером не утруждая себя приготовить что-нибудь повкуснее.

— Много есть вредно, — вполне серьезно возражала Стелла в ответ на упреки Дмитрия Ильича. — А у тебя, милый, уже начинает расти животик.

— С чего это он будет расти, если вечно хожу полуголодным? — возмутился возлюбленный. — Если кормить не будешь, я же ноги протяну!

— А почему тогда мне хватает? Я ведь ем то же, что и ты. Нельзя быть таким обжорой!

— Это я-то обжора? — рассердился Дмитрий Ильич. — Ты слышишь, Тёма? Как, по-твоему, — можно нормально работать при таком питании?

Он недобро посмотрел на свою сожительницу:

— Еще бы тебе не хватало, когда целый день валяешься в постели!

— Ах так? По-твоему, я — бездельница? — глаза Стеллы наполнились слезами. — Разве я виновата, что не могу устроиться на работу по специальности?

— Но ведь не обязательно тебе быть библиотекарем. Могла бы поработать пока в жилищной конторе, — возразил Дмитрий Ильич. — Предлагали же.

— Вот как ты заговорил, — заплакала Стелла. — Скажи прямо, что я тебе надоела, и я вернусь к маме!

Видно, такая перспектива дядю Диму не устраивала, он угрюмо уткнулся в свою тарелку, и ужин закончился в унылом молчании. Ссоры между ним и Стеллой, в основном из-за плохой еды, становились все чаще, и Тёма пришел к выводу, что их свадьба вряд ли состоится.

* * *

Зимняя сессия далась нелегко даже Тёме, а его друг Вася Назаров едва ее преодолел. Было много зачетов и экзаменов, и один пришлось пересдавать, так как он, привыкнув быть отличником, не мог примириться с полученной им четверкой. А Василий — тот вообще перешел во второй семестр с двумя «хвостами».

Но это несколько не омрачило им настроения, так как война стремительно подходила к концу, и все уже предвкушали близкий крах немецкого фашизма и окончательную победу над Гитлером.

Советская армия успешно освобождала Восточную Европу, а ей навстречу с юга и запада быстро продвигались войска союзников. Позже выяснилось, что Сталин, Черчилль и Рузвельт заранее договорились о ее послевоенном разделе, определив сферы влияния и зоны оккупации на Ялтинской конференции, и теперь спешили реализовать эти соглашения. Фашистская Германия оказалась в тисках и из последних сил оборонялась, мобилизовав и бросив в бой даже «фолькштурм»: инвалидов, стариков и подростков. Но это была уже агония.

Судя по всему, правительство, уверенное в окончании войны, начало думать уже о мирном будущем. Об этом наглядно свидетельствовал состав студентов Московского авиационного института, совсем недавно вернувшегося из эвакуации. Если на старших курсах учились почти одни девушки, и хорошо, когда в группе был хоть один парень, то на первом все

было наоборот. Так, Тёмина группа состояла сплошь из ребят, а девушек было всего трое: Вита Рябинина, Лариса Фельдман и Маша Бокова. Понятно, что отсутствие девушек на первом и парней на старших курсах флирту не способствовало. Студенты прилежно грызли гранит науки и занимались спортом.

Рябинину, очень серьезную и степенную и из-за этого казавшуюся старше своего возраста, сразу выбрали старостой группы. Под стать ей была и Лариса, которая оказалась мастером парашютного спорта, взрослее своих товарищей, и поэтому посматривала на них свысока. Одна лишь Машенька, белокурая и розовощекая, как ангелочек, была их ровесницей, за которой свободно можно было и приударить. Однако, воспитанная в строгих правилах, она быстро поставила на место всех «ходовков», и на курсе установилась спокойная деловая атмосфера.

Московский авиационный институт славился именитостью профессорско-преподавательского состава. Здесь читали лекции не только прославленные конструкторы самолетов, светила науки и корифеи воздухоплавания, но также многие авторы учебников по общеобразовательным предметам. Тёму поражало то, как интересно они преподносят свои, казалось бы сухие, науки. Особенной популярностью у студентов пользовались профессора математики Свешников и Гончаров. Они блестяще читали лекции и были оригинальны во всем: и внешне, и даже в личной жизни.

Свешников был видным мужчиной, похожим на киноартиста Николая Черкасова, но таким же долговязым и нескладным, как его Паганель в фильме «Дети капитана Гранта». Читая лекции, он непрерывно был в движении: бегал по аудитории, отчаянно жестикулируя, и если хотел почесать правое ухо, то почему-то делал это через голову левой рукой. Гончаров тоже был высок и строен, но очень рассеян и всегда небрежно одет. У него почему-то всегда на брюках одна штанина оказывалась короче другой, и иногда, начиная лекцию, он забывал, на чем остановился в прошлый раз. Профессора-оригиналы были друзьями, и столь близкими, что ходили студенческие байки о том, что профессора по рассеянности перепутали своих жен.

Довольно много хорошеньких девушек в МАИ попадалось лишь на экономическом факультете, и с ними можно было познакомиться на студенческих вечерах, которые регулярно устраивались в клубе института. Однако, несмотря на то, что у Тёмы отнюдь не угас интерес к прекрасному полу, полуголодное существование вкупе с напряженной учебой и активными занятиями спортом не способствовали амурным успехам, и в

этот период не нашлось никого, кто потревожил бы его влюбчивое сердце.

* * *

Весной вернулся домой дядя Илья. Его разыскал-таки ставший уже инженером-майором НКВД Борис Наумов. Двигаясь вместе с наступающими войсками на Запад и строя укрепления там, где им приходилось переходить к обороне, он не переставал запрашивать все инстанции о пропавшем без вести брате. К запросам сотрудников компетентных органов повсюду относились с повышенным вниманием и в конце концов установили, что потерявший слух и память после тяжелой контузии старший лейтенант, которого безуспешно лечили в далеком алтайском госпитале, это — разыскиваемый Илья Ильич.

Чтобы убедиться, не произошла ли ошибка, Борис Ильич добился командировки в Барнаул за стройматериалами, и произошло чудо. Илюша узнал брата, и к нему вернулась память. Однако он по-прежнему почти ничего не слышал, и врачи настойчиво рекомендовали ему остаться в госпитале до полного излечения. Но старший брат на это не согласился, потребовав его направления в столичную клинику.

Илюше оформили инвалидность первой группы, и старший брат привез его в Москву. Однако энергичный инженер-майор на этом не остановился. Жить в Лосинке стало совсем плохо: старый барак совсем обветшал, крыша протекала, не было дров. И Борис Ильич, используя связи во всемогущем НКВД, сумел добиться, чтобы его брату, как инвалиду войны, дали в Москве комнату. Причем не где-нибудь на окраине, а в самом центре, в Кривоколенном переулке, куда и перевез его вместе с матерью.

Тёма прибежал повидаться с дядей-инвалидом, как только узнал об этом от Бориса Ильича, тот, не имея времени, сообщил ему все по телефону: он уже просрочил свою командировку и очень торопился.

До Кривоколенного от Покровки можно было пройти пешком минут за двадцать, а бегом еще быстрее. Переулок оправдывал свое название и на всем протяжении два раза сворачивал на девяносто градусов. Фасад дома, в котором теперь жили дядя Илья с бабой Адой, выходил на улицу Кирова, бывшую Мясницкую. Это была старая двухэтажная постройка, и в их квартиру с улицы вела отдельная дверь. Она состояла только из одной комнаты, но выше по лестнице была еще антресоль.

Илья Ильич узнал Тёму сразу. Он уже немного окреп и что-то мастерил за верстаком у себя на антресоли. Одним ухом дядя немного

слышал. Увидев племянника, радостно заулыбался и крепко обнял.

— Ну и большой ты стал, Тёмка! — сказал он, отстраняясь и оглядывая его с ног до головы. — А я, по правде сказать, и не чаял живым вернуться.

— Да не очень-то уцелел, раз оглох и память отшибло, — покачал головой Тёма.

— Ты говори мне в это ухо да погромче, — попросил его Илья Ильич. — А то я не слышу. Лишь догадываюсь по губам.

...Весна наступила в обстановке всеобщей эйфории от побед. Фашистскую гадину добивали. Союзнические войска соединились на Эльбе. Уже германские города и столица гитлеровского рейха лежали в руинах, сам бесноватый фюрер был загнан в бункер, и наконец победоносная советская армия взяла Берлин и водрузила Красное знамя Победы над рейхстагом. Германия безоговорочно капитулировала!

Прогремели залпы победного салюта девятого мая. Что в этот день творилось в столице! И откуда взялось столько народу? Все прилегающие к центру улицы и площади заполнили толпы людей. Всюду счастливые лица. Казалось, радости и ликование москвичей не было предела. Совершенно незнакомые люди целовались и обнимались. Повсюду кричали «ура», пели и танцевали.

Все стремились на Красную площадь к древним кремлевским стенам, к памятнику Минину и Пожарскому — символу изгнания иноземных захватчиков с русской земли. Площадь была запружена людьми до отказа. Там были и Тёма с Василием. Так же, как и всех, их переполняла гордость за свой народ, сумевший одолеть и повергнуть в прах жестокого врага. И не только изгнать со своей земли, но и освободить от его гнета другие народы. Но особенно счастливы были люди от сознания того, что каждый из них внес посильную лепту в эту великую победу.

* * *

В обстановке всеобщей радости и духовного подъема незаметно подошла летняя экзаменационная сессия. Она далась Тёме и его другу Назарову с еще большим трудом и нервным напряжением, чем зимняя. Недооценив зачет по марксизму-ленинизму, они пропустили много занятий и, хотя подготовились к нему хорошо, мстительный преподаватель принял его лишь с третьего раза, из-за чего в деканате их едва не допустили к сдаче экзаменов. Тем более Тёма ее успешно преодолел и вновь стал круглым

отличником, пересдав на этот раз два экзамена. Василия тоже перевели на второй курс с одним хвостом, который он должен был досдать осенью.

К радости от успешного перехода на следующий курс прибавилось огромное счастье, которое они испытали, став свидетелями подготовки и проведения в столице парада Победы. Все, что они увидели и услышали в эти славные дни, врезалось в память на всю жизнь. Еще накануне в Москву стали прибывать войска, отобранные для участия в параде. Это были гвардейские части, в основном танковые, а также самоходки и мотопехота. Они выстроились длинными колоннами вдоль центральных магистралей, ведущих к Красной площади.

Погода подвела лишь в день праздника, когда пошел дождь, а накануне она была отличная, и москвичи любовались грозной боевой техникой и бравым видом овеянных славой гвардейцев. Многие подходили к участникам парада и подолгу разговаривали с солдатами и офицерами. Тёма с Василием пришли на улицу Горького, где стояла колонна знаменитых танков «Т-34», доказавших свое преимущество на полях сражений. Однако их поразила не столько техника, сколько свежий вид, уверенность в своих силах и боевой дух танкистов.

Это была уже не та армия и не те солдаты, которых видел Тёма в госпиталях. Она научилась воевать и побеждать сильного и умелого противника. А солдаты и офицеры, испытав вкус побед, были вполне готовы к новым сражениям с любым врагом, как будто за плечами не было столь кровопролитной и тяжелой войны. Это не поддавалось объяснению, это был факт.

— Так, как сейчас, воевать можно, — твердили они в один голос. — Когда, перед тем как идти в атаку, тяжелая артиллерия в сотни стволов взламывает оборону врага, огненным шквалом его выжигают «катюши», а сверху вдобавок бомбит авиация, не давая поднять голову.

— Но они же наносят ответные удары, — спрашивали любопытные. — Ведь и у них есть артиллерия, танки и авиация.

— Куда там! — весело отвечали фронтовики. — Немец уже совсем не тот. У нас теперь полное превосходство во всем, и особенно в артиллерии. Смеялись над нами, когда у них было все, а нам приходилось обороняться голыми руками. Но теперь фрицы драпают почище нас, хотя у них еще всего дополна!

— С фрицами все ясно, — говорили люди и осторожно интересовались. — А что, ребята, смогли бы вы вдарить сейчас по союзникам, если те зарвутся? Неужто у нас на это еще есть силенки? Неужто не надоело воевать?

— Нет вопроса! Конечно, домой хочется. Но если будет надо, так дадим по англо-американцам, что сбросим их в море почище немцев! — уверенно говорили бойцы, и по их суровым обветренным лицам было видно, что они отнюдь не шутят. — Наша армия сейчас намного сильнее.

Боевой дух солдат и офицеров людей радовал, однако новой войны никому не хотелось. Наоборот, все только и мечтали о счастливой мирной жизни. Через несколько дней друзья расстались до осени. Василий отправился к родным в подмосковную деревню, а Тёме предстоял более дальний путь. Он получил от своего отца документы, необходимые для проезда во Львов, где ему предстояло провести остаток лета.

* * *

Поезд выбился из графика и пару часов простоял в Киеве. Когда пассажирам объявили о задержке, Тёма даже обрадовался: появилась возможность прогуляться в центр города. Но та картина разрушений, которую увидел, добравшись до Крещатика, была ужасающей! Все прилегающие кварталы лежали в руинах. От когда-то прекрасных зданий остались одни кирпичные коробки. Говорили, что их взорвали отступающие немцы по приказу Гитлера.

— Ничего, мы заставим фрицев восстановить то, что разрушили, — говорили люди, работавшие на расчистке завалов. — Они нам заплатят за все сполна!

— Мы сделаем наш город еще краше, — с уверенным оптимизмом заявляли киевляне в ответ на сочувственные замечания приезжих. — Можете в этом не сомневаться!

Львов от войны практически не пострадал. Кроме того, у города был европейский вид и в нем еще оставалось много поляков. Их принудительно выселяли на родину, и поэтому настроены они были враждебно. Тёма пытался о чем-то спросить прохожих, по все делали вид, что не понимают по-русски.

— Не разумем, — мрачно бросали они на ходу и прибавляли шагу.

— Злятся они на нас, и за дело, — объяснил Карл, снабженец госпиталя. Сергей Ильич прислал его на джипе, чтобы встретил и доставил Тёму в Брюховичи. — Не по-людски это — выдворять людей из своих домов только потому, что поляки, да еще не давая возможности увезти с собой имущество. Бедолаги вынуждены все, что не помещается в чемоданы, продавать за бесценок.

Карл был довольно мозглявым брюнетом, говорил с акцентом и выдавал себя за испанского республиканца, бежавшего после победы генерала Франко.

— Я шпанец, — представился он Тёме, хотя больше походил на еврея. — Меня не брали в армию, но я добился, — горделиво выпятил куриную грудь, — чтобы скорее была гибель фашизму.

Показав сыну начальника оперный театр и другие достопримечательности города, Карл повез его в местечко Лончики, поблизости от села Брюховичи, в котором располагался их госпиталь.

— Ехать нам недалеко, и шоссейка хорошая, — рассказал он Тёме по дороге, боязливо оглядываясь. — Но ездить по ней небезопасно. Могут подстрелить!

— Это почему же? — удивился Тёма. — Разве от немцев не все здесь очистили? Неужто кто-то еще остался?

— Немцев-то прогнали, но за ними ушли наши войска, и здесь подняли голову бандеровцы — украинские националисты, — объяснил ему Карл. — Вот они и стреляют.

— А куда смотрит милиция? — возмутился Тёма. — Это же горстка бандитов!

— Их не горстка. У Бандеры была целая армия, — возразил Карл. — Ее разбили, и остатки вышибли в Польшу. Но в ней было много местных. Это отъявленные головорезы! — Он перевел дыхание и, боязливо округлив глаза, сообщил: — Местная власть слишком слаба и не может противостоять их террору. Они убивают руководителей-коммунистов и милиционеров. Председатели колхозов вынуждены платить дань дважды: и власти, и бандитам.

— Но почему не пришлют подмогу местной власти? — удивился Тёма.

— Не знаю, — удрученно пожал плечами Карл. — Наверное, ждут возвращения войск с фронта. Тогда этим бандерам будет каюк! А вот мы уже и приехали. — показал рукой на открывшийся за поворотом утопающий в зелени красивый дачный поселок, — Здесь, в виллах, квартирует командование госпиталя, а весь остальной персонал живет в Брюховичах — по ту сторону железной дороги.

Джип подрулил к высокому крыльцу двухэтажного особняка, и Тёма увидел вышедших встречать его родителей, Лелю с Викочкой и, к великому своему удивлению, машущего ему рукой Марка.

Когда, сидя за праздничным столом, Тёму уже вдоволь расспросили об учебе, о жизни в Москве, о родственниках, настала очередь рассказать и о местных делах. Анна Михеевна и Леля, которая снова работала в госпитале, наперебой говорили об успехах маленькой Вики, которая поражала всех своими талантами. Но главным событием в их жизни, конечно, было внезапное возвращение Марка. И то, что он им поведал, было похоже на одиссею.

...Когда его вновь перебросили через линию фронта, он возглавил диверсионную группу, которая пускала под откос немецкие эшелоны с войсками и боевой техникой. И однажды, возвращаясь на партизанскую базу, нарвались на отряд полицаев. Силы были слишком неравны, и его товарищи в этом бою погибли. Марка тяжело ранило в грудь, и он потерял сознание. Видно, полицаи были пьяны и, посчитав, что всех перебили, двинулись дальше.

Там бы он и нашел свой конец, но, на его счастье, мимо проезжал на подводе мужик. Он был добросердечным и верил в Бога. Заметив, что один из партизан очнулся и стонет, сжалился и, погрузив на телегу, отвез в местную больницу. У раненого извлекли пулю, которая слегка задела легкое, и продолжали бы лечить, поскольку держалась высокая температура, однако кто-то «стукнул» оккупантам, и за ним приехало гестапо. Его долго допрашивали, но Марк давно уже придумал, как будет себя вести, если попадет в плен. И действовал по своему плану.

— Попал к партизанам случайно, потому как деваться было некуда. Они нашли меня, когда с голоду подыхал, — плел он немцам в соответствии с придуманной легендой. — Но я как раз собирался от них драпануть, хочу добраться домой.

— А где твой дом и что там собирался делать? — допрашивал немец. — Говори правду! Мы ведь проверим.

Но с адресом у Марка был порядок. Его лучший друг жил под Брестом. Он там однажды гостил и назвался в гестапо его именем.

— Хотел заняться своим хозяйством, но, если надо, готов служить в полиции. Только у себя дома. У меня и сила есть, и стреляю метко, — «похвастался» он гестаповцу. — Вот только выздороветь надо.

Наверное, на немца большое впечатление произвела атлетическая мускулатура Марка, а не его беспардонное вранье. Что задумал немец, Марк так и не узнал, после этого допроса его перевели в немецкий лазарет, и там рана у него затянулась. Те русские, которые лечились вместе с ним, говорили, что немцы хотят их направить в так называемую «освободительную армию» генерала Власова, воюющую против своих.

Однако до этого дело не дошло — вскоре им пришлось драпать из-за наступления советских войск, и всех выздоравливающих отправили в лагерь военнопленных.

Их погрузили в теплушки, и Марку еще с двумя пленными по дороге удалось бежать, используя методы, неоднократно виденные ими в кинофильмах. Потом они еще немало чего претерпели. Не раз были на волосок от гибели, пробираясь сквозь вражеские посты, укрываясь в лесах и сутками отсиживаясь в топких болотах, но все трое сумели выйти к своим.

— Меня и товарищей больше месяца проверял СМЕРШ, и одного заподозрили в измене. А нас двоих отпустили долечиваться, — закончил он свой потрясающий рассказ. — У меня нашли что-то с легкими, а у него оказалось плохо с почками: ему их в гестапо отбили.

Тёму ждала еще одна сногшибательная новость. Нашелся отец Николки — милиционер Коршунов, и, более того, он работал в госпитале начальником продовольственной части.

— Всего месяц, как он у нас работает, — говорил Тёме отец. — Меня в штабе попросили взять безрукого. Мол, был радистом за линией фронта, имеет много заслуг, но отстукивать морзянку уже не может, — Сергей Ильич весело взглянул на сына. — Я решил с ним познакомиться, и каково же было мое удивление, когда оказалось, что это наш сосед по Лосинке «дядя Степа» Коршунов! Зная, что он не только герой, но еще и честный человек, тут же взял к себе начпродом, так как прежний совсем заворовался.

— Вот Николка обрадуется! Он так верил, что отец найдется, — вырвалось у Тёмы. — А не может Коршунов взять его к себе? Парень там совсем захирел.

— Это ты про его сына? — не сразу понял Сергей Ильич. — Так он тоже здесь. И совсем не похож на худенького. Можешь с ним повидаться!

Тёме очень хотелось немедленно отправиться в Брюховичи, но он все же сильно устал с дороги и пришлось, скрепя сердце, отложить встречу на завтра.

* * *

На следующий день, с утра пораньше, Тёма отправился в Брюховичи. До госпиталя, как ему сказали, было напрямик не более километра. Он пересек шоссе и вышел к железнодорожному полотну, обсаженному по

бокам густыми кустами. Сквозь них не так легко было пробраться, но в одном месте люди уже протоптали довольно хороший проход. Миновав его, можно было выйти на грунтовую дорогу, ведущую по кукурузному полю к госпиталю.

— А молодой Коршунов на кухне. Где же ему еще быть? — с усмешкой ответил пожилой шофер. — Поварихам юбки задирает. Вот и вся его работа.

От него Тёма узнал, что друг его числится подсобным рабочим в столовой госпиталя, и напрямик направился туда. Он и правда нашел Николку на кухне в тот момент, когда тот растапливал большую плиту, а стоявшие рядом поварихи игриво с ним переговаривались. По всему было видно, что парень не скучает.

Николка кинул в печь последнее полено, закрыл дверцу, выпрямился, и Тёма не поверил своим глазам. Этот здоровяк лишь лицом напоминал друга его детства. Заморыш, которого он видел последний раз в Лосинке, вырос не меньше чем на десять сантиметров и раздался в плечах. «А еще отрицают генетику, — глядя на его чудесное преобразование, пришло в голову Тёме. — Стоило начать хорошо питаться, сразу вытянулся. Отец-то у него длинный».

— Вот это да! — осознав, что Тёма ему не мерещится, восторженно заорал Николка и, одним прыжком очутившись рядом, стал трясти ему руку. — Ну и гульнем! Надолго приехал?

— Хочу от души тебя поздравить! То, что нашелся отец и теперь вы вместе, это здорово! — с жаром произнес Тёма. — Очень рад за тебя, честно! Ну и вымахал ты Никола! Вижу, и женщины тебя так же любят.

— Что верно, то верно! Любит меня ихняя порода. Вернее, мой инструмент, — без стеснения самодовольно ухмыльнулся Николка. — А вымахал потому, что еды стало вдоволь, да вот они, — небрежно кивнул на молодух, — стараются меня получше кормить, — подмигнул им, — в своих интересах.

Он любовно оглядел друга и восхищенно сказал:

— Ну и красивый ты пацан, Тёмка! Куда мне до тебя со своей ряхой. Правда, вырос не очень, — добавил с сожалением. — Так в Москве небось хавать было нечего?

— Это верно. Питался хреново, — согласился Тёма и самолюбиво добавил: — Но я еще расту. Думаю, что подтянусь.

— Так и будет! Ты, главное, здесь не теряйся, а я прослежу, чтоб мои телки, — кивнул Николка на молодух, — вам лучшую еду посылали.

Он прервался с таким видом, будто ему в голову пришла дельная

мысль, и, понизив голос, сказал:

— Знаешь что? Познакомлю-ка я тебя с Катериной. Это наша официантка, и живет вместе с моими телками, — снова кивнул в сторону глазевших на них поварих. — У нее парень уехал, и она сильно расстраивается. Ну как, девоньки, — повернувшись, спросил игриво, — стоит познакомить моего друга с Катей? Сможет он ее утешить?

— А что? Он симпатичный, — сказала та, что повыше ростом и потолще.

— Катька будет рада. Уж больно скучает, — подтвердила другая.

— Тогда не будем терять времени. Катя как раз сейчас в столовой к обеду скатерти меняет. Пойдем! — позвал он Тёму, — я вас познакомлю, а вечером у девчонок отметим нашу встречу.

Помещение столовой соединялось с кухней крытой галереей. Когда они вошли в зал, Тёма увидел молоденькую девушку, напевая, она проворно стряхивала скатерти и вновь покрывала ими столы. У нее были темно-русые гладкозачесанные волосы, чуть вздернутый носик и стройная аппетитная фигурка. У не ожидавшего, что она так хороша, Тёмы сразу закралось в душу сомнение в том, что его ожидает успех. Но отчего же не попытаться?

— Катюша! — окликнул ее Николка. — Это — мой старый друг Тёма, сын нашего начальника. Хочет в тебя влюбиться и увезти в Москву.

— Ну прям, так сразу? — улыбнулась Катя, показав два ряда ровных, как жемчуг, зубов, и протянула Тёме руку. — А я почти что ваша землячка. Родители живут в Подольске, — ее зеленые глаза смотрели на него пристально и в них читался интерес. — Надолго к нам?

— До осени, — тоже с улыбкой коротко ответил Тёма. — Так что мы еще успеем надоесть друг другу.

— Ну, это произойдет еще не скоро, — вмешался Николка. — А пока вечером соберемся у вас, Катюха. Надо отметить приезд моего друга.

По веселым огонькам, зажегшимся в Катиных глазах, было видно, что эта идея ей по душе, и Тёма подумал, что у него, пожалуй, нет оснований для пессимизма.

* * *

Тот летний роман с Катюшей Ветровой никогда не изгладится из Тёминой памяти, потому что она, по сути, была первой женщиной в его жизни, и лишь с ней он приобрел подлинный сексуальный опыт. Все, что

происходило между ним и женщинами раньше, было слишком несерьезно. Видно, и он пришелся ей по сердцу, потому что Катя не только была с ним ласкова, но и терпелива. Она научила его всему: вести любовную игру, не торопиться, контролировать себя и чутко улавливать желания партнерши.

Их любовная связь началась с той самой первой вечеринки, устроенной в честь его приезда. Когда все сильно захмелели, поварихи, не обращая внимания на Тёму с Катей, которые лишь целовались в засос, не решаясь на большее, беззастенчиво затащили Николку на постель и, уложив, по очереди стали его «объезжать» с такими истошными воплями и стонами, что взвинтили и у них страстное желание до предела. Доведенная до исступления их примером Катя, убедившись, что и Тёма готов, молча увлекла его к своей кровати, и, быстро сбросив с себя одежду, они упали друг другу в объятия.

Лишь в первом часу ночи, когда страсти поостыли, все сообразили, что Тёму уже хватились, будут искать и может произойти скандал. Тогда вся компания неохотно оставила постели и пошла проводить его до Лончиков.

— Зачем это нужно? — хорохорясь, пытался возражать Тёма. — Я и один туда найду дорогу.

— Одного тебя запросто могут убить, а на компанию напасть не решатся, — резонно заметил Николка. — Что же — нам потом за тебя отвечать?

В том, что его друг ничуть не преувеличивал, Тёма потом убеждался не раз.

Он никогда не оставался на всю ночь у Катюши и часто возвращался домой в полной темноте. И почти всегда, когда переходил железную дорогу, из кустов раздавались душераздирающие вопли и крики о помощи. То ли там кого-то насиловали, то ли грабили, то ли убивали. С оружием у Тёмы проблем не было: носил в карманах аж два пистолета. Однако они вряд ли бы ему помогли, если бы в него выстрелили из кустов.

Тёма и сам понимал, что его любовная связь может стоить ему жизни, но владевшая им безудержная молодая страсть была сильнее рассудка. И всякий раз, мобилизуя все свое мужество и, несмотря на это, испытывая страх, он все же пересекал ночью проклятое место у железной дороги. Так продолжалось до тех пор, пока во Львов не вернулась и не встала на карантин прославленная 59-я армия. С бандеровцами быстро расправились, с уголовниками тоже, и жить в Брюховичах стало намного безопаснее.

Этот жаркий август был полон радости и веселья. Армия возвращалась на родину с богатыми трофеями. Все запасные пути вокруг Львова были забиты грузовыми составами, полными немецкого добра. Офицеры везли

домой ковры, мебельные гарнитуры, пианино и даже легковые автомобили. Солдаты — вещи помельче: мотоциклы, аккордеоны, одежду и различную хозяйственную утварь. И все это — на законном основании, поскольку крупные трофеи оформлялись как «сталинские подарки».

Однако уставшие от тягот походной жизни и опьяненные победой воины везли также и нежелательные «подарки» — венерические болезни, подхваченные после окончания боев в Германии и по дороге домой, в Польшу. Поговаривали, что в своей злобной агонии Гитлер распорядился нарочно заразить там побольше женщин, чтобы отомстить возвращающимся победителям. Вот почему армию остановили на карантин, и больные лечились, а все, кто был здоров, веселились и радовались жизни.

В доме у начальника госпиталя почти каждый вечер происходили дружеские попойки, в которых иногда участвовал и Тёма. Они возникали спонтанно, когда к Сергею Ильичу, венерологу по специальности, приходил выразить благодарность очередной офицер, вылеченный им от дурной болезни. Их подарки были очень щедры. Один полковник пригнал даже почти новенький «оппель», а Тёме достались веломотоцикл и прекрасный аккордеон «Хонер». Разумеется, отказать им в застолье его отец не мог.

С одним майором дважды к ним приезжала «хозяйка» их округа — секретарь райкома партии Мария Денисовна Задунаец. Молодая еще и очень эффектная женщина завела роман с майором и была влюблена в него по уши. Но майор плохо танцевал, и она выбрала своим партнером Тёму. В благодарность за удовольствие хозяйка района «по пьяной лавочке» подарила ему на память редкий по красоте златоустовский кортик, которым потом Тёма еще долго хвастал перед своими друзьями и товарищами пока, к сожалению, не потерял.

* * *

Как ни хороша была жизнь во Львове — настала пора Тёме возвращаться в Москву. С родными он распрощался в Лончиках, отец дал машину и послал проводить его все того же Карла. Поэтому на вокзал с ними поехала только Катя, которая никакого волнения из-за их разлуки не проявляла. Получив недавно объемистое послание от своего бывшего возлюбленного, она ходила задумчивая и, казалось, была даже рада отъезду Тёмы.

До отхода московского поезда оставалось еще много времени, и ему захотелось сделать ей памятный подарок. Заодно надо купить какие-нибудь львовские сувениры у поляков в частных лавочках, решил он. Ваське — хорошую зажигалку, дядьям по галстуку, а Стелле платочек. Катюша поможет выбрать.

Этот поход по магазинам запомнился Тёме скандалом в одной из лавок. Все произошло из-за того, что торговцы во Львове еще не отвыкли угождать покупателям. Когда они вошли в злополучную лавку, ее хозяин любезно выбежал им навстречу, мешая русские и польские слова.

— Цо желаемо панове? — произнес он с приторной улыбкой и обратился к Кате, расточая любезности. — Цо пани таке бляда? Пани естем здрава?

Его речь переводилась так: «Чего пан желает? Почему госпожа такая бледная? Ей нездоровится?» Но Катюша не знала по-польски и, оскорбившись, с размаху отвесила ему здоровенную оплеуху. Рассвирепев, хозяин разразился грубой бранью, из которой можно было разобрать лишь знакомое «пся крев», и стал выталкивать их из лавки. Ничего не понимая, Тёма тоже разозлился на поляка за это насилие и оказал ему сопротивление. Дело дошло бы до драки, если бы на шум не выскочила хозяйка, которая хорошо понимала по-русски. Разобравшись наконец, в чем дело, посмеялись, покупатели приобрели все, что было нужно, и они мирно расстались.

Путь до Москвы запомнился частыми вынужденными стоянками поезда из-за повсеместных торжественных встреч населением возвращающихся с фронта воинов-победителей. Радость встреч с обеих сторон была через край. Бойцам дарили цветы, их благодарили, обнимали и целовали. Люди пели под гармошки и трофейные аккордеоны. Тут и там возникали пляски. Некоторых встречали родные.

Люди искренне верили в то, что за все муки, которые им довелось испытать, будут вознаграждены достойной и счастливой мирной жизнью. И никому тогда даже в голову не могло прийти, что их справедливые ожидания будут жестоко обмануты и им не дадут воспользоваться плодами победы, добытой ценой невероятных жертв и лишений.

Часть третья

Украденная Победа (1946–1955 гг.)

Глава 13

Эйфория победы

Первый послевоенный год проходил в обстановке эйфории от одержанной великой победы. Щедро награждались правительством и военные, и труженики тыла. За работу во фронтовом госпитале получил свою первую в жизни награду — медаль «За победу над Германией» — и Тёма. Сразу две получила Леля, ее участие в рытье окопов было вознаграждено медалью «За оборону Москвы».

Энтузиазма в учебе прибавило также возвращение из армии мобилизованных во время войны студентов. Влившиеся во второй курс фронтовики — уже взрослые люди, прошедшие суровые испытания войны, — сразу подтянули легкомысленный молодняк. Их серьезное отношение к занятиям заставило и остальных добросовестно учиться. Однако разница в возрасте и интересах была столь велика, что курс разделился на две части. Одну составляли бывшие фронтовики, которых главным образом интересовали политика и учебный процесс, а другую — молодежь, больше увлекавшаяся спортом.

Среди студентов-фронтовиков были замечательные личности. На одном курсе с Темой учились начальник полковой разведки Винокур и воздушный ас-истребитель Алкнис, а в одной с ним группе — Белянин, полный кавалер орденов Славы, воевавший в составе Войска Польского. В их институте училась даже знаменитая Валя Борц — член подпольной организации «Молодая гвардия».

И вполне естественно, фронтовики заняли все руководящие студенческие посты в профсоюзном, партийном и комсомольском комитетах, были назначены старостами курсовых потоков и групп. Лишь в Тёминой группе по-прежнему старостой осталась Рябинина, так как ее незыблемый авторитет был признан и деканатом, и влившимися в группу фронтовиками. Они сразу же по достоинству оценили ее твердый характер, честную и справедливую натуру.

— С такой девушкой я бы пошел в разведку! Не подвела бы, — выразил общее мнение Белянин.

Энтузиазм и серьезное отношение к занятиям фронтовиков здорово помогли их молодым товарищам в учебе, так как второй курс в МАИ был особенно трудным. Многие не выдерживали, и после весенней сессии обычно начинался «перелет птиц». Так в шутку называли переход

провалившихся на экзаменах студентов из Авиационного в расположенный напротив Пищевой институт, учебная программа которого была намного легче.

Одним из предметов, являвшихся для многих камнем преткновения, был знаменитый сопромат, то есть курс сопротивления материалов. Шутили, что только сдав сопромат, студент получает право жениться. Наиболее трудным было решение разнообразных задач на построение эпюр распределения нагрузки, на которых студенты обычно и «засыпались». Однако благодаря регулярному посещению практических занятий, которые вела молодая и красивая, но очень строгая доцент Татьяна Ленская, в группе Рябиной с ними справлялись довольно уверенно.

При сдаче зачета по сопромату с Темой произошел курьезный случай, который чуть было не сорвал сдачу зимней сессии и навсегда врезался в память. А все вышло из-за рассеянности, которой он страдал с детства. Учебный корпус был школьного типа, и туалеты находились в конце коридора. Поднявшись на этаж, где принимали зачет, Тёма решил туда зайти, но, к несчастью, перепутал и вместо мужского попал в женский.

Каков же был его ужас, когда, торопливо войдя, он застал там Ленскую! Растерявшись, вместо того, чтобы ретироваться, Тёма проявил себя полным идиотом — стал косноязычно бормотать извинения. Красная от стыда и гнева преподавательница молча указала ему на дверь. И лишь тогда, проклиная свою рассеянность, он выскочил из туалета, отлично понимая, что пощады ему не будет. Это означало полную катастрофу, так как из-за незачета по сопромату не допускали к экзаменам!

В тот день Ленская пребывала в отвратительном настроении и половину их группы прогнала, засыпав на коварных задачках, которые давала дополнительно к билету. «Все! Такая же участь ждет и меня, — уныло подумал Тёма, написав ответ на билет, который оказался довольно легким. — Только ребята потом у нее пересдадут, а мне она своего конфуза никогда не простит!»

К счастью, он ошибся. Может быть, именно потому, что ей было противно иметь с ним дело, доцентша, бегло пробежав глазами ответы, молча взяла его зачетную книжку и, сделав заветную запись, не глядя на него, молча, протянула ему зачетку. Только яркий румянец на обычно бледных щеках Ленской свидетельствовал, что она помнит о происшедшем. Все еще не веря тому, что все обошлось, Тёма на негнущихся ногах покинул аудиторию.

Учебная программа была очень насыщенной и трудной. Полностью сдать зимнюю сессию удалось далеко не всем. Многие студенты начали следующий семестр с «хвостами» по одному, а то и по нескольким предметам. Фактически провалился на экзаменах Вася Назаров. Несмотря на Тёмину помощь, он сумел сдать только два, и было ясно, что до весны ему эти «хвосты» не ликвидировать.

— Жаль расставаться, дружище, да что поделаешь. Придется и мне совершить «весенний перелет» в Пищевой. А что? Это, может, и к лучшему. — Он явно бодрился. — Там одни девчонки, и у меня есть шансы преуспеть.

— Рано сдаешься, — упрекнул его Тёма.

— А когда мне заниматься? Сам знаешь, я матери должен помогать, — с горечью возразил Василий. — Вот как разделаемся с японцами и вернется домой отец, тогда и у меня будет время для учебы.

Он грустно посмотрел на друга и сказал с легкой завистью:

— Мне бы твои способности, Тёмка! Но я не осилю МАИ. А вот Пищевой, наверное, смогу, — через силу улыбнулся. — Он-то будет мне как раз по зубам.

— Я бы тебе помог, — не сдавался Тёма. — Ты же мой единственный друг.

— Смотри, сам весной не завались! Это жуть, сколько будет экзаменов и зачетов, — уныло покачал головой Василий. — И потом, ты что же, всю дорогу собираешься меня тянуть?

Тёме крыть было нечем. Назаров вздохнул:

— Ничего страшного! Мы ведь все равно будем часто видеться, вместе ходить на спортивные соревнования. Да еще встречаться у сестры Яшки Гобермана. Он ведь тоже твой друг.

И это тоже было правдой. Последнее время с Гоберманом, переведенным осенью в их группу со старшего курса, Тёма встречался, пожалуй, даже чаще, чем с Назаровым. Яша жил совсем рядом — на Чистых прудах, у них было много общего: оба писали стихи и любили играть в шахматы. Кроме того, новый друг ввел Тёму и Василия в молодежную компанию, которую собирала у себя его двоюродная сестра Тамара.

— Нет, Васька, он тебя не заменит, — вздохнув с сожалением, заключил Тёма. — Яшка, конечно, хороший друг, но сам знаешь: он

равнодушен к спорту. С тобой же мы всегда вместе: и на лыжне, и на стадионе. Уйдешь, и я останусь один.

— Я тоже, наверное, брошу заниматься спортом. Без тебя скучно! — кивнул Василий. — Может, это и к лучшему, здоровее будем! — со свойственным ему оптимизмом подмигнул он другу. — При нашей скудной жратве, спорт отнимает последние силенки.

Надо сказать, питались они оба из рук вон плохо. В столовой института на обед, как правило, подавали водянистые щи без мяса, ложку пюре и тощую котлетку. Тёму поддерживали только завтраки и ужины из продуктов, что присылали из Львова родители. Чем был жив Васька — оставалось загадкой, так как его семья жила впроголодь. Они были крепкими мускулистыми парнями, но в последнее время сильно отощали и, что особенно удручало, мало прибавляли в росте.

Из мизерной стипендии еще вычитали за подписку на займы, которая тогда была обязательной. Правда, удавалось немного подкормиться на овощных базах, куда студентов часто посылали на подсобные работы. Изредка выпадал шанс подзаработать на разгрузке вагонов, они его никогда не упускали. Тёме денег не присылали, только продукты и одежду. А Ваське — тем более.

И несмотря на это (откуда только у них брались силы?), друзья либо шли на субботник, либо занимались спортом, либо носились по стадионам, успевая посмотреть наиболее интересные соревнования мастеров.

Неисчерпаемой энергии молодости можно только позавидовать!

* * *

Сестра Яши Гобермана Тамара была очень хорошенькой девушкой, внешне похожей на кинозвезду того времени Целиковскую. Ей исполнилось семнадцать, и родители, видно, уже считали, что она «заневестилась». Поэтому часто устраивали у себя дома молодежные вечеринки, разрешая дочери приглашать всех своих друзей. Глава семьи, еще не старый, но совершенно лысый толстяк был военным интендантом, и, может быть, вследствие этого в те голодные годы они ни в чем не испытывали недостатка.

Тёме и Василию бывать у них нравилось вдвойне. Приятно было ухаживать за Томой и ее подругами. Всегда было весело, и устраивались танцы. А музыка была — просто класс! Имелась даже полная коллекция пластинок эмигранта Лещенко. И было немаловажно, что хлебосольная

мать Тома угощала гостей чаем, к которому подавались бутерброды, а иногда вкусный домашний пирог. Так что голодными они домой не возвращались.

Тамара кокетничала со всеми подряд, но явное предпочтение отдавала Олегу, некрасивому прыщавому парню, сыну министра, перед которым откровенно заискивали ее родители. Но Тёме с Васей нравились и подружки Яшиной кухни, тем более что пластинки Лещенко создавали атмосферу романтики. Разве забыть волнующие танго «Студенточка» и «Татьяна»? Или зажигательные фокстроты «Марусечка» и «Дуня»? И эти слова:

Дуня, люблю твои блины!
Дуня, твои блины вкусны.
Твой поцелуй горяч,
как свежий блин...

Само собой, после вечеринок были провожания и поцелуи, но дальше этого дело не шло. То ли сказывалось физическое истощение и озабоченность учебной работой, которые снижали страстный порыв, то ли девушки были строго воспитаны — и все ограничивалось легким флиртом.

На вечера отдыха, которые регулярно проводились в клубе МАИ, Тёма с Василием ходили редко. Они увлекались спортом и институтским танцалькам предпочитали соревнования по боксу или популярные в то время матчи восьми городов по баскетболу. Тем более что девушек в институте было мало, а к тем, кто мог понравиться, выстраивались очереди поклонников. Можно сказать, что этот год запомнился Тёме как голодный во всех отношениях.

Правда, ему изредка удавалось перехватить чего-нибудь вкусенького у дяди Ильи, который после смерти отца перевез бабушку Аду к себе в Кривоколенный переулок. Фронтовик, инвалид первой группы, он страдал туберкулезом, тоже подхваченным на фронте, баба Ада ухаживала за ним и помогала бороться с тяжелой болезнью. Питались они скудно, но все же, когда Тёма забегал их проведать, бабушка ухитрялась попотчевать внука. На это она была знатная мастерица!

Дядя Илья боролся с болезнью с таким же мужеством, которое проявил на фронте. Мало того, что иной раз с боем доставал нужные лекарства, например дефицитный пенициллин, но применял и народные средства. Кто-то посоветовал ему даже есть собачье сало. В стремлении

скорее вылечиться у него была важная цель — он собирался жениться.

— Хочу быть полноценным человеком: пойти работать, обзавестись семьей, — объяснял он Тёме, который с отвращением наблюдал, как дядя глотает собачье сало. — А для этого мне надо победить болезнь. От глухоты я сумел избавиться, вылечусь и от туберкулеза!

И наглядный пример его упорства в достижении поставленной цели во многом помог Тёме преодолеть те трудности и проблемы, с которыми ему пришлось столкнуться в том нелегком году.

* * *

Уже началась зачетная сессия, когда Тёма получил радостное известие: его родители возвращаются в Москву! Это значило, что пришел конец его неустроенному, одинокому и полуголодному существованию. Вместе с ними приезжали Марк с Лелей и Викочкой. Они собирались жить в квартире Лелиной свекрови, которая вместе с Машей еще находилась у родных в Средней Азии.

Как следовало из письма, Сергея Ильича демобилизовали, и он возвращался домой с богатыми трофеями. Он вез домой купленный у уезжающих поляков во Львове мебельный гарнитур из ценного кавказского ореха и трофейный Сталинский подарок — автомобиль. Габаритный груз уже был отправлен в Москву малой скоростью.

И вот наконец сияющий от радости Тёма встретил своих на Киевском вокзале. Отец, мама и Леля выглядели неплохо. Очень подросла маленькая Викочка. Лишь с Марком явно что-то неладно. Смуглый по природе, он совсем почернел лицом и похудел так, что одежда висела на нем как на вешалке. «А ведь и у него туберкулез, как у дяди Илюши, — сообразил Тёма. — Но дядька выглядит лучше, — мысленно заключил он. — Наверное, Марик плохо лечится».

Когда вдоволь наобнимались, они отправились, взяв два такси, на Покровку. Тёма с Дуняшиной помощью успел немного прибраться в квартире, и было решено жить всем вместе, пока Марк не приведет свои комнаты в порядок. За это время придет багаж из Львова, тогда можно будет и там и здесь полностью обновить мебель.

Анна Михеевна и Леля слегка поохали над запущенностью, царившей в комнатах, но ругать Тёму и затевать генеральную уборку не стали, а принялись проворно собирать на стол: с дороги все здорово проголодались. Наконец-то ему удалось наесться «от пуза»! Чего только на столе не было!

И забытая Темой колбаса, и печеночный паштет, вкуса которого он уже не помнил, и даже черная икра. По такому торжественному случаю распили, конечно, бутылку водки.

Поздравить соседей с возвращением зашли Дуняша и бородатый, как Дед Мороз, Нил Федотович, которым, само собой, поднесли по стопке. Швейцар даже произнес приветственную речь.

— Ну вот, слава Богу, и в нашей квартире жисть наладится. Ты ведь женщина хозяйственная, — одобрительно глянул он на Анну Михеевну. — Не допустишь, чтобы у нас отключали свет и газ. А то старая ханжа, — презрительно кивнул на Дуняшу, — электричества много жгет, а денег не платит.

Однако ветхая старушка в долгу не осталась.

— Не слушай ты его, Аннушка, это он сам много жгет со своими, прости Господи, — она истово перекрестилась, — которых к себе водит из ресторана. Вот уж верно говорится: седина в бороду — бес в ребро. — Дуняша зыркнула на смутившегося швейцара: — А вовремя заплатить он забывает. Я же ничего не жгу. А если пару раз включу лампочку, так это — копейки. Постыдился бы говорить!

— Только не надо ссориться! — поспешила успокоить их Анна Михеевна. — Теперь я прослежу, чтобы счета были своевременно оплачены. Лучше давайте выпьем за наше дружное соседство!

Нил Федотович и Дуняша осушили свои стопки до дна, закусили солеными огурчиками и повеселели.

— Скоро, наверное, соберется вся наша квартира, — степенно сообщила Дуняша. — На прошлой неделе Самойлов заезжал.

— Да что ты говоришь? — живо откликнулась Анна Михеевна — Он был один, без Марты? Где она, что с ней?

— Георгий Иванович очень спешил, сказал только, что они скоро приедут. Значит, его распутная немка жива-здоровая, — заключила Дуняша, строго поджав губы.

— И Алексеевы, должно, вернутся в июне, — вставил Нил Федотович, умильно глядя на бутылку. — Вместе со своим заводом.

— Ну что же, давайте выпьем, чтобы все снова были в сборе, — идя навстречу очевидному желанию соседа и наливая ему и Дуняше еще по рюмочке, предложил Сергей Ильич. — За нашу мирную жизнь!

С приездом родителей у Тёмы началась совсем другая жизнь — несравненно благополучнее. Отец недолго оставался без работы и вскоре получил новое назначение — интересное и не совсем обычное. Он стал директором плавучего дома отдыха санаторного типа, который решили устроить на речном теплоходе «Радищев». Сергея Ильича, родившегося и выросшего на Волге, после военных мытарств, вновь потянула к себе любимая с детства стихия.

Прекрасный организатор, он с головой окунулся в работу, и вскоре ветеран грузо-пассажирского пароходства был им переоборудован в комфортабельное судно, где было все необходимое для хорошего отдыха и самой современной медицинской помощи. В музыкальном салоне устроили небольшую эстраду и площадку для танцев. Ресторан был переделан в столовую для отдыхающих, а кормовые каюты нижней палубы — в процедурные кабинеты.

«Радищеву» предназначалось курсировать по каналу «Москва — Волга» до Горького и обратно со стоянками в наиболее интересных исторических и живописных местах, таких как Углич и Плес. Весь путь туда и обратно со всеми остановками и экскурсиями был рассчитан на две недели. И первое же плавание до города Дмитрова, устроенное Сергеем Ильичом для семей сотрудников, показало, какое огромное удовольствие ожидает отдыхающих.

Майский день выдался на славу. Было тепло и солнечно. К одиннадцати часам все собрались на пристани Речного вокзала в Химках. Под звуки духового оркестра начальство перерезало ленточку на входном трапе и провожаемый торжественным маршем «Радищев» отчалил от берега.

Гости устроились в отведенных им каютах и вышли на верхнюю палубу, любуясь красотой подмосковной природы, вдыхая свежий речной ветерок. Особенно здесь нравилось детям, они без усталости носились по палубам и коридорам теплохода. Родители еле успевали за ними присматривать. В репродукторах гремела музыка, было весело, и незаметно подошло время обеда.

После того как все убедились в достоинствах кухни и выпили «капитанские сто грамм» (к которым многие добавили по своему усмотрению), стало еще веселее, и на корме устроили танцы. Правда, более пожилая публика разошлась вскоре, чтобы отдохнуть в шезлонгах на воздухе или в своих каютах, но танцы молодежи продолжались без перерыва до самого вечера. Разумеется, Тёма был среди танцующих, и именно в тот вечер он познакомился с Лорой.

Когда она появилась, Тёма уже танцевал с хорошенькой белокурой девушкой Юлей. Как только вначале объявили «белый танец», она сразу подошла к нему и пригласила на вальс. У нее была складная фигурка, танцевала очень хорошо и Тёма, не заметив никого лучше, был вполне доволен тем, как все складывается. До тех пор, пока не пришла Лора.

Она была столь эффектна, что Тёму будто дернуло током. Кареглазая длинноногая блондинка сразу обращала на себя внимание. «Божественно прекрасна, — мысленно восхитился Тёма. — Только, пожалуй, выше меня ростом». И, действительно, как оказалось, они были почти одного роста, а на каблуках Лора даже чуточку повыше.

К огорчению Юли, когда заиграли медленное танго, наиболее подходящее для знакомства, Тёма не замедлил пригласить незнакомку и она, неуверенно смерив его взглядом, все же согласилась. Видно, парень ей понравился, но усомнилась, подходит ли по росту. С удовольствием убедившись, что в танце у них полная гармония, он осмелился начать разговор.

— Давай познакомимся. Я Артем, — игривым тоном, но в душе испытывая неуверенность в успехе, произнес Тёма. — Почему тебя раньше не было видно? Где ты пряталась?

— А я тебя знаю. Ты — сын директора и учишься в МАИ, — просто, безо всякого кокетства, улыбнулась незнакомка. — Меня зовут Лорой. Мой папа работает здесь шеф-поваром и, конечно, все знает о семье своего директора, — так же просто объяснила Лора. — Я ему помогаю и поэтому только что освободилась.

— Обед был очень вкусный, — немного смущенный таким оборотом, похвалил Тёма. — Так значит, ты работаешь вместе с отцом?

— Папа — потомственный повар. Еще его деда выписал из Франции один знатный вельможа, — с гордостью ответила Лора. — Наша фамилия Корде. Это было давно, в прошлом веке, но поварское искусство в нашей семье передается по наследству.

— В таком случае, я завидую твоему будущему мужу. Будет любить тебя вдвойне, — Тёма решил шуткой покончить с докучливыми расспросами. — Недаром говорят, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок.

Лора весело рассмеялась.

Сердечному увлечению помешали экзаменационная сессия и их редкие встречи во время коротких стоянок «Радищева» в Москве. У обоих в эти считанные часы накапливалось столько неотложных дел и забот, что не было возможности проявить полностью свои нежные чувства. Каждый раз происходило одно и то же: Лора отправлялась в очередной рейс, а Тёма, испытывая неудовлетворение и ревность, готовился к следующему экзамену.

Эта летняя сессия была на редкость тяжелой. Многие ее не выдержали и на их курсе произошел большой отсев. Среди неудачников оказался не только Вася Назаров, но и Яша Гоберман. Он завалил три основных экзамена, из-за которых был оставлен на второй год и был уверен, что пересдать их не сможет.

— Вот, решил перевестись на экономический, — с кислой миной заявил Яшка. — Там мужчин не хватает. — И, как бы подбадривая себя, добавил: — А что? Ведь и специальность неплохая, и учиться намного легче будет. Мне программу самолетного факультета не одолеть.

Что касается Василия, то ему так и не удалось сдать свои зимние «хвосты». Поэтому к экзаменационной сессии его не допустили, и он убедился в том, что ничего другого не остается, как перейти в Пищевой институт. Сознывая полную безнадежность попыток друга ликвидировать академическую задолженность в МАИ, Тёма его больше не уговаривал.

— Ну и что с того, что мы теперь будем учиться в разных институтах? — с деланным энтузиазмом заявил Назаров. — Так даже интересней. А этим летом, — напомнил он, — вместе отдохнем на море.

— Боюсь, Васька, что это будут наши прощальные гастроли, — горько пошутил Тёма. — Хотя ты прав: чтобы дружить вовсе необязательно учиться в одном институте.

Совместная поездка на море выпала им совершенно случайно. Можно сказать — подфартило! В профкоме выделили несколько бесплатных путевок в дома отдыха, и студенты решили разыграть их между всеми желающими. И надо же было такому случиться, что две путевки из трех в дом отдыха «Лазаревский» достались Тёме с Василием. Назарову хоть в этом улыбнулась судьба!

* * *

Но вот последний рубеж — надо сказать, не самый трудный экзамен, успешно был Темой преодолен, и он наконец заслужил право с легким

сердцем «махнуть» на море. Тем более что эту сессию, как и три предыдущие, сдал на одни пятерки. Как ни парадоксально, но получать высшие баллы ему было сравнительно легко. Достаточно было хорошо отвечать на все вопросы билета, и объяснялось это просто: на экзаменаторов магически действовали сплошные пятерки в его зачетной книжке. Никто из них не хотел ее «портить».

Вася Назаров уже оформил свой перевод в Пищевой институт. Его приняли на третий курс с досдачей одного экзамена и у него тоже было отличное настроение. Они заранее приобрели билеты на поезд, приготовили все, что требовалось на юге, и не могли дождаться, когда отправятся в путь. Хотя Тёме уже довелось один раз побывать в Крыму, он провел там всего лишь несколько дней, а Василий никогда не видел моря.

Тёма, конечно же, сожалел о том, что там с ним не будет Лоры. Мечтая о ней, не думал о других девушках, и порой на него накатывала ревность, когда мысленно представлял, как за ней на «Радищеве» ухаживают отдыхающие. Но даже это не могло омрачить его радужного настроения от предвкушения такого долгожданного отдыха. «Ничего, время пролетит быстро! Накупаюсь, позагораю и вернусь в отличной спортивной форме, — успокаивал он себя. — У нас с Лорочкой все еще впереди».

Когда выгрузились на станции Лазаревская, курортный ландшафт их разочаровал. Тёма сразу отметил, что здешняя природа не идет ни в какое сравнение с красотой Южного Крыма. Разумеется, море было прекрасно, но пляж начинался сразу за железнодорожным полотном и представлял собой никак не оборудованную полосу берега, покрытую мелкой галькой. Их дом отдыха располагался по другую сторону железной дороги на открытой местности в довольно невзрачных деревянных постройках.

Палата, в которую поместили Василия с Темой, была на шесть мест, и все их сожители уже прибыли. Они обрадовались, увидев там однокурсника Андрея — третьего, кому достались сюда путевки, и были довольны тем, что, кроме одного мужичка среднего возраста, остальные двое тоже примерно их ровесники. Как только расположились, все, не сговариваясь, взяв лишь плавки и полотенца, поспешили на пляж, чтобы окунуться в долгожданное море и освежиться после дальней дороги.

Отдых в Лазаревском запомнился великолепной солнечной погодой, которая за все время их пребывания в доме отдыха ни разу не испортилась. В основном небо было безоблачным и только в отдельные дни его ненадолго затягивало облаками, давая передышку от изнурительного зноя. Почти целый день проводили на пляже, купаясь, играя в волейбол, и потому загорели дочерна. Иногда они забирались в горы, где рос фундук, и

часто удавалось набрать сладких орехов.

Денег у обоих было в обрез, потому ездить на экскурсии они не могли, и только один раз побывали в Сочи.

— По-моему, Тёмка, это не город, а настоящий ботанический сад, — изумился Василий, когда они дошли до сочинского дендрария. — Вот уж никак не думал, что и в нашей стране могут расти такие диковинные деревья и кустарники. Ты когда-нибудь видел такие цветы? До чего же здесь красиво!..

* * *

Дома ждали не очень радостные вести. Брак Лели с Марком явно распадался. Выяснилось, что они давно уже ссорились, а после того, как отделились от родителей и стали жить самостоятельно, их семейные отношения дошли до критической черты. Как понял Тёма, причиной разлада была болезнь Марка, которая резко изменила его характер, сделав, по словам Лели, невыносимым.

Тёма и раньше знал, что, сражаясь в тылу врага, Марк, кроме ранений, «заработал» еще и туберкулез легких, но, когда они жили во Львове, болезнь была в закрытой форме и опасности для семьи не представляла. Лечение требовало от Марка самоограничений, однако он желал жить полной жизнью и очень часто нарушал предписания врачей. Уже тогда у него с Лелей начались ссоры.

Небрежное лечение обострило болезнь, и она приняла наиболее заразную — открытую форму. Чтобы уберечь от заболевания себя и ребенка, Леле пришлось принять обычные меры предосторожности: отдельное белье и посуду. Это вызвало гнев Марка, который несправедливо решил, что жена им брезгует. Видно, болезнь повлияла и на его психику. Начались тяжелые семейные скандалы.

— Я за вас жизнью рисковал, потерял свое здоровье, — яростно упрекал жену Марк. — А ты меня изолируешь, словно я прокаженный!

— Только в необходимых пределах, Марик! Напрасно ты горячишься, — пыталась образумить его Леля. — Ты ведь не хочешь, чтобы и мы с Викочкой заболели?

— Конечно, не хочу, но и особой трагедии в этом не вижу, — в запальчивости кричал Марк. — Можно, и не изолируя меня, принимать профилактические меры. Ну а если все же заболеете, будем лечиться вместе!

Его неразумный эгоизм выводил Лелю из себя.

— Как у тебя язык поворачивается говорить такое? — возмущалась она. — Я-то думала, что ты любишь меня и Викочку, а выходит — тебе нас совсем не жаль!

— Я тоже считал, что ты меня любишь, но теперь убедился, что жестоко ошибался, — еще сильнее «заводился» Марк. — Преданная жена должна делить с мужем все, в том числе несчастья и болезни!

Леля по-прежнему любила Марка и закрывала глаза на многие его недостатки, но это было уж слишком! Его эгоизм и безумное пренебрежение здоровьем своей семьи, особенно маленькой Викочки, отвратило ее от мужа, и чувство к нему угасло. А когда во время ссор он вдобавок стал распускать руки, она, забрав дочку, ушла к родителям.

Вот какую обстановку застал Тёма, вернувшись домой с юга. Родители снова перебрались на диван в общую гостиную, предоставив маленькую комнату Леле с Викой. Он же занял свое привычное место за ширмой на раскладушке. Марк несколько раз приходил к ним, уговаривая жену с дочерью вернуться. Однако своих позиций не сдавал, и все окончилось ничем. Тогда он поставил Леле ультиматум:

— Если немедленно не вернешься — подам на развод. Мне такая подруга не нужна. Будь уверена: я найду себе жену, которая пойдет за мной в огонь и в воду!

На его демарш Леля лишь молча пожала плечами. Глаза у нее оставались сухими. Она больше не любила Марка.

Глава 14

Начало холодной войны

В разгар лета их большая квартира на Покровке вновь пополнилась жильцами. Вернулись Самойловы. Георгий Иванович мало изменился, чего нельзя было сказать о его супруге. Военные годы и жизнь в эвакуации состарили Марту. Некогда соблазнительная, пышущая здоровьем, так волновавшая юное воображение Тёмы, она слишком расплылась, лицо утратило былую свежесть, вокруг глаз появилась сеточка морщин.

Однако вскоре выяснилось, что любвеобильный темперамент Марты ничуть не угас. Ее супруг, как и прежде, неделями отсутствовал дома, и она, разумеется, вновь завела любовника. К ней стал часто наведываться лысый толстячок, директор продовольственного магазина. Будучи семейным, он проводил у нее несколько часов и никогда не оставался на ночь.

По-видимому, лысый пришелся Марте по душе, что не мешало ей, правда, откровенно кокетничать с Темой, довольно часто обращаясь к нему за помощью по всяким пустякам. Будь Марта понастойчивее, он вряд ли бы устоял, и она потеряла для него всякий интерес лишь после сногшибательного происшествия, случившегося через месяц после ее приезда.

Это произошло днем, когда в их квартире, кроме Марты, ее гостя и Тёмы, никого не было. Все его домашние, включая маленькую Викочку, ушли в рейс на «Радищеве», а Тёма остался в городе из-за Лоры, которая попала в больницу с острым приступом аппендицита. Он как раз собирался к ней, когда в комнату ворвалась Марта. На ней был лишь халат, сброшенный на голое тело, волосы всклокочены, вытаращенные глаза блуждали. На ее перекошенном лице был написан такой ужас, что даже широко распахнутый халат не вызвал у него никаких эмоций.

— Тёмочка, у меня беда! Пойдем скорее, с Лешей плохо! — только и смогла вымолвить Марта, задыхаясь, и бесцеремонно потянула его за руку.

В спальне Тёма застал незабываемую картину.

На широкой кровати, неестественно вытянувшись, лежал ее лысый любовник. Он был в чем мать родила и по его уже остекленевшему взгляду любой мог бы догадаться, что перед ним мертвец. Тёма так растерялся, что лишь невнятно пробормотал:

— Надо это... вызвать «скорую»! Хотя уже поздно, — опомнившись,

тут же сообразил он. — Твой приятель, Марта, того — помер. Надо сообщить в милицию.

— Да ты что? — Марта пришла в отчаяние. — Это же такой скандал! И что будет, когда Гоша об этом узнает? — она обессиленно опустилась на пол. — Нет! Нельзя милицию!

— Тогда сделаем так, — уже придя в себя и пожалев Марту, предложил Тёма. — Вызывай «скорую»! Хотя твоему Леше она уже не нужна. — И объяснил: — Скажешь, что ему стало плохо, и пусть подумают, будто он умер, пока они сюда добирались.

— Мне надо им сказать, что он — мой муж? — простонала Марта, боязливо косясь на покойника.

— Ты в своем уме? Они же сразу сообщат в милицию, и тогда все откроется. Нам надо придумать что-то другое, а пока, — потребовал он, — очнись и приведи труп в порядок!

— А что мне с ним... делать? — Марта непонимающе посмотрела на Тёму, но все же поднялась с пола.

— Первым делом одень! Ты что, хочешь предъявить его в таком виде? — предложил он, не удержавшись от усмешки. — Не забудь и сама привести себя в порядок.

— Зачем? — всхлипнула Марта. — Мне сейчас не до этого!

— Пусть думают, что твой Леша зашел попить чайку и занемог. Понятно? Поставишь на стол три чашки, будто нас с ним угощала. Туда мы его и перетащим.

По тому, как просветлело лицо у грешной Марты, было ясно, что она вполне осознала тот счастливый выход, который давало ей предложение соседа. Она сразу приободрилась и вместе с Темой с большим трудом надела на уже окоченевший труп любовника белье, костюм и туфли. К приезду «скорой помощи» мертвец уже «сидел» за столом в гостиной, и для распутницы и на этот раз все кончилось благополучно.

* * *

Лору успешно прооперировали, и в следующий, предпоследний в этом году, рейс «Радищева» они с Темой отправились уже вместе. Редкие встречи лишь подогрели их чувства друг к другу, и во время плавания, в те часы, когда она была свободна, влюбленные были просто неразлучны.

Само собой, Тёма добивался близости. Но вопреки французскому происхождению Лора не признавала их пресловутую легкость взглядов на

любовь и поэтому дальше жарких объятий и поцелуев дело не шло. И все же эти две недели их радостных встреч навсегда остались для Тёмы одним из лучших воспоминаний юности.

К сожалению, вскоре их встречи опять стали редкими. По возвращении у Тёмы начался новый учебный семестр, Лора снова уплыла на «Радищеве», а потом, когда закончилась навигация, вместе с родителями отправилась на всю зиму гостить к родственникам в Теберду на знаменитый горный курорт. Она была хорошей горнолыжницей и, зная, что Тёма тоже увлекается спортом, часто ему оттуда писала, приглашая приехать к ним на время зимних каникул. Однако ничего из этого не вышло, и вновь увиделись они лишь весной.

Второй послевоенный год принес большую неожиданность. Поссорились бывшие союзники антигитлеровской коалиции. Речь английского премьер-министра Черчилля в Фултоне произвела эффект разорвавшейся бомбы. Старый враг Советской России, который во время войны лишь из-за угрозы фашизма заигрывал со Сталиным, когда война миновала, наконец сбросил маску. Видимо, воодушевленный превосходством, которое давало Западу обладание атомной бомбой, он фактически призвал объединиться против Советского Союза. Это было началом новой, теперь уже «холодной», войны.

— Ну вот, снова придется затягивать пояса, — мрачно произнес Сергей Ильич за обедом, устроенном по случаю дня его рождения. Разговор шел о последствиях конфронтации с бывшими союзниками. — Опять начнем вооружаться наперегонки с Западом, и это поглотит все наши ресурсы.

— А все так надеялись, что после войны начнется новая, счастливая жизнь! — с горечью произнес Илья. — Неужели после стольких жертв нам снова придется воевать?

— Посеяв ветер — они пожнут бурю! — запальчиво заявил Дмитрий. — Наша армия сейчас сильнее, чем до войны. Им не поможет и атомная бомба!

— Ты, Дима, пороху не понюхал. Не петушишься, — урезонил младшего брата Борис. — Они, наши бывшие союзники, не решатся сейчас на радикальные действия. Однако предстоящая гонка вооружений здорово испортит нам жизнь. Все у нас будет отдано для создания собственной атомной бомбы!

Очень скоро стало ясно, что помощь со стороны западных стран, как продовольственными, так и промышленными товарами, которая так

выручала в войну, резко уменьшилась, а потом и прекратилась вовсе. А поскольку сельское хозяйство и мирное производство находились в упадке, вместо обещанной народу счастливой жизни вновь наступили тяжелые полуголодные времена.

К этому добавился напряженный труд по восстановлению разрушенного войной народного хозяйства и усилению обороноспособности страны в связи с вновь возникшим вражеским окружением. Все бюджетные средства уходили на создание нового, более мощного оружия и организацию военного союза стран с коммунистическим режимом против Запада. Об обещанном народу повышении жизненного уровня никто и заикнуться не смел. Люди хорошо знали, чем это может для них кончиться.

* * *

Одновременно в стране началась ожесточенная пропагандистская кампания против бывших союзников, снова ставших «капиталистическим окружением», и в первую очередь против главного врага — США. С особым рвением была развернута массовая травля тех, кто за время общей борьбы с гитлеризмом проникся дружескими чувствами к западным демократиям, мечтая о таком же высоком уровне жизни.

Эту травлю называли борьбой против «безродного космополитизма», и целью кампании было сплотить народ, восстановить его против Запада, взывая к чувству национального достоинства. Как уже случалось в российской истории, теперь уже коммунистическая власть, которая официально клеймила шовинизм, применила испытанный черносотенный прием. Разоблаченные «безродные космополиты», как правило, носили еврейские фамилии. И выходило, что пресмыкались перед границей только извечные враги России — инородцы.

В редких случаях жертвами оголтелой кампании против «космополитизма» становились не только евреи, так как всякого рода мерзавцы постарались использовать ее для сведения счетов и продвижения по служебной лестнице. Тёме запомнился случай, происшедший у них в институте и взбудораживший его однокурсников. Причем непосредственным участником «разоблачения» очередной жертвы стал их товарищ, бывший боевой летчик Володя Алкснис.

Этот красавец блондин, наполовину латыш, похожий на героя популярного кинофильма «Свадьба с приданым» актера Доронина, был

известен на их курсе в основном как женский сердцеед. Но, как оказалось, наряду с этим приятным занятием он делал еще будущую карьеру в научном кружке профессора Исаева. Ему удалось расположить к себе старого ученого, у которого была взрослая дочь, и он часто приглашал Володю к себе домой.

Как потом выяснилось, помощнику декана их факультета, который был секретарем партийного бюро, приглянулась кафедра, возглавляемая профессором Исаевым и того объявили «безродным космополитом». Скандал вышел громкий, и на собрание пришло много студентов. Старый ученый, вооружившись своими монографиями и вырезками из газет, произнес защитную речь, доказывая свой патриотизм и преданность коммунистической доктрине.

— Хотя я и не состою в партии, но всегда был проводником марксизма в науке, — убеждал он собравшихся. — Уж в чем-чем, а в недостатке советского патриотизма меня упрекнуть нельзя!

Настроение зала было в его пользу, но все изменило выступление Алксниса.

— Мне тяжело об этом говорить, но профессор Исаев скрывает правду, — не глядя на своего научного шефа, «разоблачил» его Володька. — Судите сами — как можно заявлять о преданности марксизму, когда у них в квартире висят иконы? Какому же Богу молится такой человек?

— Ты же знаешь, что это иконы моей старенькой мамы, — возмущенно бросил ему профессор, но его слова потонули в поднявшемся шуме. Судьба заведующего кафедрой была решена.

Профессора Исаева сняли с занимаемой должности и выгнали из института, но и Володьке товарищи не простили его предательского поступка. Сокурсники объявили ему бойкот.

— Да поймите же, я не мог поступить иначе, — оправдывался Алкснис. — У меня было партийное поручение, и я обязан был его выполнить!

Но Тёма, как и большинство студентов их курса, не простил ему этой подлости, и Володька навсегда потерял его уважение, хотя потом они долгие годы работали вместе в одной системе, и Алкснис стал известным профессором, доктором наук, возглавившим одну из ведущих научных кафедр.

Речной отдых на «Радищеве» пользовался большим успехом, и потому было решено переоборудовать в плавучий санаторий, который делал бы рейсы от Москвы до Астрахани и обратно, один из самых больших волжских теплоходов — «Горьковскую коммуну». Разумеется, Сергею Ильичу и поручили это ответственное дело, за которое взялся с большой охотой.

— А мне будет жаль расставаться с «Радищевым». Мы к нему привыкли, и Викочка его хорошо знает, а на огромной «Коммуне» недолго и заблудиться, — выразила сожаление Анна Михеевна. — Кроме того, намного удобнее возвращаться в Москву через две недели. Теперь же придется проводить в плавании почти целый месяц!

— Это так, но ты и меня должна понять, Анечка, — объяснил муж свое согласие на новую, более хлопотную работу. — Ведь я, оставаясь директором «Радищева», рискую полностью деградировать, как медик. А будучи главным врачом плавучего санатория, смогу заниматься вопросами по специальности.

Сергей Ильич выполнил поручение начальства с присущим ему талантом, и превосходно оборудованный для лечения и речного отдыха плавучий санаторий «Горьковская коммуна» своевременно открыл свою первую навигацию. Понятно, что бывший директор «Радищева» взял с собой основной костяк его персонала, в том числе и шеф-повара, отца Лоры Корде. Только команда теплохода сменилась и целиком состояла из волжан.

У Тёмы была на носу весенняя сессия, и отплыть на «Горьковской коммуне» в первый рейс вместе со всеми он, конечно, не мог. Во время ее проводов на Речном вокзале ему было особенно грустно. Лора вернулась из Теберды лишь накануне отплытия, и им так и не удалось поговорить наедине. Кроме того, отправлялись в плавание все его родные, и он опять оставался дома один.

Между тем вместе с Лелей ехали отдыхать сразу два ее ухажера: каждый из них уже делал ей предложение. Тёма любил сестру и ему хотелось лучше к ним приглядеться. Ему было интересно, кого из них она предпочтет. Они оба были очень симпатичными и к тому же талантливыми журналистами. Интриге способствовало и то, что Семен Бандурский и Леонид Волк были закадычными друзьями, но по воле судьбы стали соперниками.

Долгожданная встреча с Лорой прошла не так горячо, как хотелось. Лора была такой же и вместе с тем какой-то другой. Покрасила перекисью волосы. В сочетании с карими глазами это делало ее эффектнее, но все же

выглядела теперь она вульгарнее и старше своего возраста.

— Для чего тебе это понадобилось? — спросил Тёма, неодобрительно покосившись на ее волосы. — А скорее всего для кого? — шутливым тоном добавил он, инстинктивно испытывая ревность. — Неужели ты променяла меня на тамошнего джигита? Говорят, любят крашенных.

— А что — мне не идет? Все говорят, что так я лучше выгляжу, — уклонилась от ответа Лора. — А джигиты слишком наглые. Я рада, что оттуда уехала.

Однако в ее тоне была горечь, а в уголках губ появились жесткие морщинки. В ответ на его горячие взгляды она почему-то виновато отводила глаза.

* * *

Но вот все экзамены за третий курс были сданы, и Тёма с нетерпением ждал возвращения «Горьковской коммуны». В круговерти сессии этот месяц пролетел незаметно, и плохо было лишь то, что постоянно мучил голод: после материнской стряпни трудно было снова привыкать к скудному, столовскому питанию.

Плавающий санаторий благополучно пришвартовался к центральному причалу Химкинского речного вокзала. Встреча с родными была на редкость радостной. Тёма даже не думал, что за месяц так по ним соскучится. Отец немного осунулся, зато остальные выглядели посвежевшими и довольными. Викочка заметно прибавила в росте, а Леля немного поправилась и как будто помолодела. Выяснилось, что свой выбор она уже сделала. Ее будущим мужем оказался Семен Бандурский, чуть постарше и посолиднее Леонида.

Правда, меньше радости принесла встреча с Лорой. Вот уж неправда, что разлука способствует росту любви! Конечно, трудно на людях выражать свои чувства, но, хотя при виде Тёмы она и просияла, все же не проявила стремления остаться с ним наедине.

— Вот и хорошо, что ты отправишься с нами в следующий рейс. Тогда обо всем и поговорим, — отклонила Лора его предложение провести вместе вечер. — Ты не представляешь, сколько у меня накопилось здесь дел! Разве нам не хватит целого месяца?

— Может, и хватит, но я же соскучился! — недовольно проворчал он. — Неужели ты обо мне даже не думала?

— Ну конечно же, дурачок, и даже очень часто. Но скучать мне было

некогда. Думаешь, легко накормить такую ораву отдыхающих? «Коммуна» — это тебе не «Радищев»! Работы было столько, что к ночи я просто валилась с ног.

Глядя на ее сильную, спортивную фигуру и свежий вид, Тёме не слишком в это верилось, но оправдание было логичным, и он решил не настаивать, отложив их свидание до отправки теплохода в рейс. Предстоящий месяц совместного плавания виделся ему в радужном свете и сулил море удовольствий. Очень хотелось верить, что и Лора жаждет встреч с ним, не менее, чем он.

И вот настал день отплытия. В этот рейс Наумовы отправлялись без Лели: ее роман с Бандурским близился к законному браку. Лоры тоже на борту пока не было. Утром она позвонила Тёме и сказала, что сядет в Дмитрове. Ее задержали какие-то неотложные дела.

Несмотря на это, настроение у него было отличное. Оно стало еще лучше, когда он удобно расположился в своей двухместной каюте и познакомился с попутчиком, Славой Петляком.

— Будем знакомы! Я Изослав. Тоже студент. Юридического. А ты Артем, сын главврача санатория.

— Ты что, ясновидящий? — поразился Тёма.

— Ничего сверхъестественного! — широко улыбнулся Слава. — Меня обслуга предупредила.

Петляк был ниже среднего роста и, может быть, именно поэтому держался очень прямо. Голубоглазый блондин, с симпатичной круглой физиономией, он был очень складно скроен и, как вначале показалось Тёме, излишне самоуверен. Но дальнейшее подтвердило, что небезосновательно. Изослав имел за плечами серьезную жизненную школу: в институт поступил из армии и уже был женат.

Несмотря на то, что сосед был на три года постарше, Тёма с ним быстро сдружился, что сделало это плавание особенно приятным. Петляк прекрасно танцевал, франтовато одевался, знал секреты мужского обаяния.

— Если хочешь нравиться женщине, умей давить фасон. Держись небрежно и не выказывай своих истинных чувств. Побольше играй на нервах, — поучал он младшего товарища, — и почаще заставляй ревновать. Тогда она будет у тебя на крючке.

Свою теорию Славка доказывал на практике. Даже Лору, которая почти на голову была выше ростом, явно задело его пренебрежение.

— Чего это твой друг много о себе воображает? Коротышка, а держится будто он герой-любовник, — заметила она Тёме, иронически скривив губы, но взгляд, брошенный ею на его приятеля, выдавал женскую

заинтересованность.

Их отношения с Лорой развивались ни шатко ни валко. Днем у нее было много работы, однако почти все вечера они проводили вместе. Танцевали, гуляли по палубам, обнимались в укромных уголках. Но дальше этого Лора не шла, несмотря на все его усилия. Прийти к нему в каюту наотрез отказалась.

— Как хочешь, но у меня этого не будет до свадьбы, — решительно объявила она Тёме. — Ищи себе тогда другую!

— Да она ж тебя за нос водит! — возмутился Славка. — Поверь моему опыту: Лора видала виды. По ней это сразу заметно.

— Зря ты о ней так плохо думаешь, — обиделся Тёма. — По-твоему, она всерьез хочет выйти за меня замуж?

— Само собой! Потому и не дает, — с усмешкой подтвердил Славка и, немного замявшись, добавил: — Не хотел тебе говорить, чтобы не расстраивать, но я верю тому, что о ней болтают. Тут мне на танцах одна, что на кухне работает, сказала, что к ней ночью старпом наведывается. А он женатый. Попусту тратить время не будет. — И видя, как яростно вскинулся его друг, отмахнулся: — Да ладно, молчу! Поступай как знаешь!

Не желая ссориться, Тёма ничего не ответил. Он, конечно, не поверил сплетням, хотя теперь стал замечать все больше странностей в поведении Лоры: это заставляло усомниться в ее взаимности.

* * *

Вскоре произошло неожиданное событие, поставившее в отношениях Тёмы с Лорой жирную точку. Ночью на подходе к Ульяновску, когда он уже лег спать, дверь каюты приоткрылась, и вошла Лора. Она была в одном халате и, не обращая внимания на то, что Тёма молчит, онемев от изумления, быстро скользнула к нему под одеяло. Жарко прильнув всем телом она покрыла его лицо поцелуями, приговаривая:

— Вот видишь, я сама к тебе пришла. Ты ведь хотел этого? Тёмочка, милый! Неужели мы расстанемся с тобой навсегда?

— Ты о чем это... что случилось? — пробормотал Тёма, ничего не понимая. — Говори скорее... Сейчас Славка придет!

— Не придет... он у нашей поварихи... — Лора сильнее к нему прижалась и, почувствовав, как мощно реагирует его плоть, потянула на себя. — Ну, чего ты медлишь... Тёмочка... может, видимся в последний раз...

Но Тёму уже не надо было уговаривать. Движимый страстью, он заключил Лору в объятия и, овладев, стал энергично и вместе с тем нежно доказывать ей свою любовь. Когда они, наконец, оба удовлетворенные, прервались, чтобы передохнуть, Тёма спросил:

— Может, скажешь теперь, что с тобой стряслось? Почему так долго мне отказывала, хотя уже не девушка? И почему говоришь, что это... в последний раз?

— Случилось ужасное! Только не со мной, а с папой, — на глаза у Лоры навернулись слезы. — Комиссия на кухне обнаружила недостачу продуктов, обыскали каюты у поваров и в его каюте нашли украденное. Кто-то подставил папу. Тёмочка, — взмолилась она, — убеди в этом своего отца. Папа не вор!

— Отец меня не слушает, — растерянно произнес Тёма, сознавая, что вряд ли сможет помочь Корде, если шеф-повар проворовался. — А что комиссия-то решила?

— Хотели на стоянке в Ульяновске оформить протокол и сдать папу в милицию, — расплакалась Лора. — Но твой отец, чтобы не было скандала, решил просто уволить нас обоих и там высадить.

— Да, дела... Все это чертовски неприятно. Ведь отец не может поступить иначе, — удрученно заключил Тёма. — По-моему, он и так обошелся с ним по-божески. А что еще можно сделать?

— Папа ведь не виноват, Тёмочка, — быстро зашептала Лора. — Кто-то подложил украденное, понимаешь? Ведь можно и так решить? А когда шеф-повара выгоняют как вора — это позор! Кто же его возьмет на работу?

Видя, что Тёма колеблется, она решила «поднажать» и запричитала в голос:

— Что же теперь будет с нами, с нашей любовью? Как же нам встречаться, если нас с папой высадят? А так, я смогу каждый день быть с тобой, милый!

Актрисой Лора была неумелой, получилось это у нее фальшиво. Тёму вдруг осенило.

— погоди! Ты что же, только из-за отца ко мне сюда пришла? — пристально глядя ей в глаза, спросил он. И не сдержал грубость: — Если бы не это, продолжала бы из себя целочку строить? Чтобы женить на себе?

Мгновенно перестав плакать, Лора встрепенулась, поднялась с койки и, без всякого стеснения набросив халат на голое тело, презрительно сказала:

— А на что ты еще годишься, сосунок? Когда даже на своего отца повлиять не можешь. Тоже мне мужчина!

Смерив его холодным взглядом, она вышла из каюты, а Тёма долго еще лежал без сна, мысленно казня себя и обзывая последними словами. Он не мог понять, как же произошло, что он почти год был влюблен в эту вульгарную распутную девку, так и не сумев разгадать, а Славка раскусил ее с первого взгляда.

* * *

В Ульяновске Лора и ее отец покинули борт «Горьковской коммуны», но, несмотря на любовную неудачу, этот месяц отдыха позволил Тёме набраться сил для учебы и принес много новых впечатлений. Никогда не забыть ему величественных руин Сталинграда. Он хорошо помнил их довоенное путешествие по Волге, тогда это был благоустроенный и красивый город, прославленный знаменитой Царицынской обороной.

Хотя Великая Отечественная война принесла Сталинграду еще большую, теперь уже мировую славу, от города почти ничего не осталось. Ни одного целого дома! А поднимаясь и спускаясь по длинной лестнице, соединяющей город с пристанью, было видно, как возвратившиеся жители ютятся на лестничных площадках в пустых кирпичных коробках полуразрушенных, лишенных крыш зданий.

Зато Астрахань не только сохранила белоснежную красоту своего Кремля, но и прежнее изобилие арбузов и рыбных продуктов. Даже черной икры можно было раздобыть и наесться вволю — из-за этого на обратном пути многие отдыхающие страдали расстройством желудка. Но Тёму эта беда миновала, и в Москву он вернулся в отличной спортивной форме.

Тут его ждал приятный сюрприз. Главным заводилой в компании студентов Первого Московского мединститута оказался не кто иной, как Юра Гордон, сын старого приятеля отца Льва Самойловича, который после войны стал известным в Москве профессором-гинекологом.

Это был уже не тот застенчивый школьник, который смотрел на Тёму снизу вверх. Юрка стал признанным лидером младшекурсников «Первого меда». Он был не только отличником, но, к тому же, разносторонне одарен. Прекрасно играл на аккордеоне, сочинял студенческие «капустники», а за столом был бессменным тамадой.

Сергею Ильичу вновь пришлось перейти на новую работу. Его талант организатора был широко известен, и когда потребовалось восстановить после войны весьма престижный Дом творчества, а по сути, санаторий писателей — «Малеевку», то должность директора — главного врача

предложили ему. Конечно, было жаль огромного труда, потраченного им на «Горьковскую коммуну», однако Наумов согласился.

— Дело не в престижности, не в зарплате и не в персональной «Победе», — со вздохом сожаления объяснил он своим домашним. — Уж больно тяжело и хлопотно обеспечивать всем необходимым плавучий санаторий при тех мизерных ресурсах, которые выделяются на него профсоюзами. А «Малеевку» содержит состоятельный Литфонд. И работать легче, и, думаю, мне больше удастся сделать!

Таким образом, зимние каникулы Тёме удалось провести на лоне чудесной подмосковной природы близ станции Дорохово. Семье директора был предоставлен сборный финский домик, находившийся в лесу, в стороне от главного корпуса. Ни мать, ни сестра с Викочкой в это время вместе с Темой поехать не смогли, так как скоро предстояла свадьба Лели и Семена, и они были заняты ее подготовкой. Чтобы сын не скучал, Сергей Львович посоветовал ему пригласить Юру Гордона.

Нечего и говорить как это обрадовало Тёму. Ему давно хотелось научиться играть на своем аккордеоне, который отец привез ему из Львова. Он еще не совсем забыл уроки музыки и надеялся, что Юра покажет основные приемы игры на инструменте. Вот так и получилось, что старые друзья провели зимние каникулы вместе в заснеженной Малеевке.

Финский домик выглядел неказисто, но внутри было тепло и уютно. Отдыхающие проложили отличную лыжню, и друзья до обеда без усталости катались по лесу, а во второй половине дня читали, играли в шахматы, и Юра учил Тёму брать основные аккорды. Делал он это не слишком охотно, так как хотел отдохнуть и от учебы, и от музыки, но отказать другу не мог, поскольку и сам старался с его помощью приобщиться к спорту.

Тёме удалось разучить на аккордеоне несколько популярных в то время танцевальных мелодий и песен.

По вечерам в главном корпусе показывали кино, иногда устраивались небольшие концерты. Интересно было посмотреть и на отдыхающих писателей, среди которых было много знаменитостей. Там же, на одном из музыкальных вечеров, друзья познакомились с Аллой и Натой.

* * *

В тот год амур явно не благоволил Тёме. Пережив большое разочарование из-за своей неудачной влюбленности в Лору Корде, он испытывал угнетающую душевную пустоту. Но, как известно, «свято место

пусто не бывает». Молодая кровь не терпит застоя и, само собой, пришла очередь нового увлечения в лице Аллы, дочери большого писателя, классика советской литературы. Она прибыла отдыхать с мамой и закадычной подругой Натой, дочкой известного поэта.

Обе девушки были рослыми и красивыми, но очень разными. Ната — яркая и эффектная брюнетка, бойкая и уверенная в себе, а Алла, напротив, молчаливая и застенчивая. Она казалась похожей на тургеневских героинь — такой от нее веяло возвышенной чистотой. Этот резкий контраст с вульгарной и порочной Лорой, наверное, и был причиной того, что она сразу покорила его сердце.

У Аллы и Наты тоже были студенческие каникулы, и они охотно приняли предложение совершить вместе лыжную прогулку. В зимнем заснеженном лесу было так прекрасно, скользить по накатанной лыжне — такое удовольствие!.. Между Темой и Аллой возникло серьезное чувство, которое, конечно, не осталось незамеченным.

— Алла — чудесная девушка, таких сейчас не часто встретишь. И по всему видно, что ты ей очень нравишься. Не упusti своего счастья, — от души пожелал Юра своему другу. — Совет да любовь!

Как потом часто вспоминал Тёма, и правда это было огромное счастье, которое посылала ему судьба и которое он упустил из-за своего неумного темперамента и легкомыслия молодости. Даже спустя многие годы его все еще терзало воспоминание о том, что тогда он оказался явно не на высоте, вел себя безответственно и глупо.

Алла училась на втором курсе института, но не имела еще любовного опыта. В семье писателя обеих дочерей воспитывали строго, и так получилось, что ее сердце было свободно. Тёма оказался первым, в кого она без памяти влюбилась, ощутив непреодолимое физическое влечение. И он, истосковавшись по настоящей любви, воспылал к ней такой нетерпеливой страстью, что только и мечтал поскорее добиться желанной близости.

Движимые взаимным чувством, они стали уединяться в укромных местах, предаваясь пылкой страсти. Их объятия и поцелуи были горячи, а ласки Тёмы уже прошедшего школу любви, столь нежны и зажигательны, что испытывая невыносимое томление, Алла его молила:

— Ну Тёмочка ну, миленький! Я хочу это испытать с тобой. Не бойся!

— И я хочу! Но как же ты... потом? — задыхаясь от страсти, пытался он все же прислушаться к голосу разума. — Твои родители, узнав, мне этого не простят!

— А мы... тогда... поженимся, — тоже срывающимся голосом

шептала ему Алла. — Поворчат и... простят!

— Нет, не простят, — резонно сомневался Тёма. — Возненавидят меня... и видеть больше не захотят!

— Я их... уговорю, — горячо настаивала Алла, и Тёма сдался, совершив непоправимую глупость.

— Ладно, Аленка, приходи завтра... после обеда. Я буду дома один, — жарко прошептал он ей в ухо и покрыл лицо поцелуями.

Тем большим был для него удар, когда утром Юрка, бегавший в библиотеку за книгами, неожиданно вернулся и изумленно сообщил:

— Тем! Ты знаешь, что твоя Алла уезжает в Москву? За ними уже пришла машина.

Не спрашивая ни о чем, Тёма схватил шубу и выскочил на мороз. Он уже догадался, что произошло. «Аленка обо всем рассказала матери, — горевал он. — Теперь все кончено!» Когда он подбежал к главному корпусу, Алла сидела уже в машине. Было видно, что она много плакала.

— Ты ей все сказала... о нас? — только и смог вымолвить Тёма. — Зачем?

— Не смогла скрыть... сказала, что мы... хотим пожениться... просила согласия, — прерывистым от волнения голосом, объяснила Алла и умолкла, увидев в дверях мать. Дородная дама, до сих пор относившаяся к Тёме приветливо, молча села в машину, даже не удостоив его взглядом.

* * *

Несмотря на любовные неудачи, Тёма вернулся из Малеевки и приступил к учебе хорошо отдохнувшим. Чувствуя разочарование и горечь, он не склонен был к новым сердечным увлечениям и все свободное время отдавал спорту. Зимой в составе сборной института участвовал в студенческих соревнованиях по хоккею с мячом, а весной как игрок футбольной команды даже завоевал первенство в матче, проведенном обществом «Наука».

К сожалению, спортивные успехи негативно отразились на результатах его учебы. Тёме пришлось пропустить много занятий, и, хотя к сессии он ликвидировал свое отставание, это снизило ему оценки на экзаменах. Еще со школы привыкнув быть круглым отличником, он поначалу здорово переживал неудачу, но, как ни странно, его успокоила мать.

— Да брось ты из-за этого так переживать, — мягко пожурила его Анна Михеевна. — Ведь невозможно всюду успевать. А то, что ты много

занимаешься спортом, — правильно! Ты окреп, возмужал. Терпеть не могу тщедушных отличников.

— Но ты же всегда радовалась тому, что я был отличником, — отозвался Тёма, удивленный происшедшей с ней переменой. — Даже гордилась этим перед знакомыми.

— Я хвасталась тем, какой у меня прилежный и талантливый сын, — пояснила мать. — А в институте совместить спорт с учебой трудно, и рассчитывать на такие успехи нельзя. Большинство выдающихся людей не были отличниками, и это не помешало им проявить свой талант.

Анна Михеевна отличалась способностью поддержать человека в трудную минуту. И не только сына. В этот период главной ее заботой явилась поддержка младшей сестры Инны, которая только что вернулась в Москву в тяжелой депрессии, потерпев очередную неудачу в личной жизни. Все военные годы она фактически была женой главы австралийской миссии, который теперь ее бросил, вернувшись на родину.

— Ведь он, Анечка, постоянно уверял меня, что любит, и обещал развестись с женой, когда закончится война. Ведь детей у них нет, — плакала Инна, жалуясь сестре. — А оказалось, что обманул. Она дочь какого-то богача, и материально он от нее зависит.

— Но почему же ты мне ничего не писала и только сейчас вернулась домой? — недоумевала Анна Михеевна. — Почему сразу же не послала этого прохвоста ко всем чертям?

— Он до последнего дня водил меня за нос, — виновато потупилась Инна. — Ошарашил перед самым отъездом. И потом, мне стыдно было признаваться, как я опростоволосилась. Вот и подалась на Восток!

— Куда-куда? — поразилась старшая сестра. — Выходит, ты все это время жила не в Куйбышеве?

— Ну да! Австралийскую миссию ведь ликвидировали. Они свою помощь свернули сразу, как только мы рассорились с Западом. Пришлось вспомнить о своей старой специальности. Направили меня в Сибирь, начальником связи. На «стройку коммунизма». Возводим там гигантскую плотину и гидроэлектростанцию. В следующий раз приеду к тебе с начальником стройки. Большой человек!

— погоди, уж не завела ли ты с ним шуры-муры? — неодобрительно глянула Анна Михеевна. — У него же наверняка есть семья.

— Ну и что? — беззаботно усмехнулась Инна. — Он уже не мальчик, а я теперь свободная женщина.

— Ишь ты — «свободная женщина», — проворчала старшая сестра. — Пора уже всерьез устроить свою семейную жизнь!

— Ты лучше делом помоги, — усмехнулась Инна. — Если уж я невеста на выданье, мне бы сейчас хорошо приодеться.

— Чем же я могу тебе помочь? Денег у нас кот наплакал.

— Помоги распродать вещи моего австралийца. Они в том большом чемодане, что я оставила в коридоре. В комиссионке неплохо за них дадут. Мой шеф так торопился от меня удрать, что отправился домой налегке. Я бы сама этим занялась, да командировка кончается. — Надо срочно возвращаться на стройку. Прилечу только на свадьбу Лели и Семена. Кстати, сделай им из этих денег хороший подарок от меня.

Глава 15

Коминформ

Отношения Советского Союза с Западом все более ухудшались. Вступая в антигитлеровский союз с западными странами, Сталин уступил их требованию и упразднил возглавляемый им Коминтерн. Но теперь, после того как они стали сколачивать Североатлантический блок, обосновывая это «советской угрозой», он решил вновь противопоставить капиталистическому миру объединение всех революционно-освободительных движений и коммунистических партий, в том числе в странах этого блока, для подрыва изнутри. Чтобы избежать обвинений в нарушении прошлого договора, новый Коминтерн был назван «Коминформом».

И без того тяжелое экономическое положение страны, вызванное войной и разрухой, усугубилось из-за огромных расходов на гонку вооружений и помощь коммунистическим союзникам во всем мире. Особенно много средств тратилось с целью получить собственную атомную бомбу, чтобы противостоять Западу в военном отношении.

Но, когда эта грандиозная задача была успешно решена, колоссальные средства были брошены не на улучшение материального положения народа, а на сомнительные «стройки коммунизма», затеянные скорее с пропагандистской, чем с полезной целью. Восстанавливая промышленность, вместо того, чтобы технически обновить производство, ошибочно решили форсировать его рост за счет демонтажа и перевозки в страну оборудования германских заводов.

В результате установки этого «заграничного» старья был заторможен технический прогресс отечественной промышленности, в то время как в Германии, с помощью Запада, заводы переоснастились, и там начался бурный рост производства, названный позднее «экономическим чудом». В побежденной стране люди жили все лучше, а народ-победитель продолжал испытывать лишения. Роптать никто не смел. За то, что подобрал несколько неубранных колосков с колхозного поля, человека могли посадить.

— Не пойму, зачем сейчас затеяли «стройки коммунизма»? — как-то спросил отца за обедом Тёма. — Ведь и без того не хватает продовольствия, а при создании гигантских водохранилищ затапливаются богатейшие черноземы и пастбища. Разве не более важно проложить хорошие дороги? Наши деревни по-прежнему утопают в грязи!

— Поменьше болтай, студент, — недовольно поморщился Сергей Ильич. — Там, — он поднял глаза к небу, — виднее. Думаю, это дело политической важности. Сейчас, когда соревнуются две системы, необходимо показать всему миру грандиозность трудовых подвигов советского народа.

После того как вновь обрел партийный билет, Сергей Ильич вел себя очень осторожно — избегал даже дома критиковать политику государства и действия органов власти. Тёма умолк и больше вопросов не задавал. Знал: у отца большие неприятности на работе.

Сергей Ильич не без оснований опасался, что ему на днях могут объявить об увольнении. У него вышел конфликт с отдохавшим в Малеевке знаменитым писателем. Этот выдающийся человек слишком много пил и во хмелю вел себя буйно. Отдыхать прибыл со своей пассивой — известной поэтессой. Они с утра до вечера «не просыхали», а, напившись до обалдения, к ночи устраивали дебоши, мешая спать другим.

Наумов, привыкший наводить военный порядок, не выдержал и вежливо, но твердо потребовал вести себя подобающим образом. За что теперь и расплачивался. Великий писатель сначала оскорбил его всласть, поскольку, как литератор, обладал большим запасом матерных слов, а потом демонстративно покинул «Малеевку», громогласно заявив, что уберет «этого м...ка в одно касание». Все знали, что он любим первыми лицами государства и нисколько не сомневались, что так оно и будет.

— Напрасно ты с ним связался, Сережа, — огорчилась Анна Михеевна. — Я понимаю тебя, но, может, стоило бы потерпеть несколько дней. Ведь он-то приехал всего на неделю.

— Нельзя было терпеть! Они спать никому не давали. Меня замучили жалобами и потребовали принятия мер.

— Уж лучше бы все остальные на тебя пожаловались. Думаю, что никто бы, опасаясь его мести, никуда обращаться не стал.

— Ладно, чего уж теперь. Но в душе, Анечка, я все же удовлетворен, что поступил как должно. Это безобразия, что такие большие люди плюют на всех и ведут себя по-свински. Кто-то же должен им об этом сказать!

А через два дня Тёминого отца сняли с работы. Без всякого объяснения. Просто прислали принимать у него дела нового директора.

* * *

Тёма как раз сдал последний экзамен, когда состоялась свадьба Лели с

Семеном Бандурским. У обоих это был уже не первый брак, и они, скромно расписавшись в загсе, устроили торжественный ужин дома для самых близких родственников и друзей. У Семена почти всех родных убили фашисты во время войны в Белоруссии. Поэтому со стороны жениха на свадьбе присутствовали лишь трое: родная сестра с мужем и его закадычный друг Леня. Все остальные гости были со стороны невесты.

Бандурский понравился всем родственникам Лели. Было шумно и весело. Инна, специально прилетела на свадьбу. Она пришла с Севой, красивым молодым человеком, которого представила как своего дальнего родственника. Инна была в ударе, всех смешила, играла на пианино, а ее Сева — на аккордеоне. Довольные гости разошлись по домам лишь за полночь, а наутро молодые отправились в свадебную поездку на курорт.

Сева оказался профессиональным музыкантом, пианистом эстрадного джаз-оркестра? выступавшего в одном из лучших московских ресторанов. Он обещал Тёме научить его играть на аккордеоне, и сдержал слово. Правда, заявлялся Сева всегда к обеду, и времени у него потом оставалось мало. Но все же он показал своему ученику много красивых аккордов, и Тёма вполне прилично исполнял популярные в то время вальсы, фокстроты и танго.

— Ты теперь можешь играть на танцплощадках, — вполне серьезно заявил он Тёме, довольный результатами. — У тебя получится, и «башлей» подхалтуришь.

— Так у меня же слишком куцый репертуар, — усомнился будущий халтурщик. — А что, если от меня потребуют исполнить что-нибудь другое? Это же скандал!

— Ничего страшного! — успокоил Сева. — На это у профессионалов есть испытанный прием.

Он с видом превосходства взглянул на Тёму и открыл секрет.

— Когда не знаешь того, что публика просит, надо, — Сева хитро усмехнулся, — кивать в знак согласия, но жать свое — пусть пляшут до упаду.

— Но повторять одно и то же, — продолжал сомневаться Тёма, — публике это быстро надоест!

— Не надоест, если будешь с умом чередовать свои шлягеры, — заверил его Сева. — Кроме того, используй доброхотов, умеющих играть на аккордеоне. Они всегда найдутся среди публики и охотно блеснут мастерством. Надо только это предложить, изобразив усталость.

Джазист оказался прав, и его советы ему оченьгодились. Запланированный летний отдых в Малеевке был сорван из-за увольнения

отца, и он застрял в Москве. Целыми днями гонял на веломотоцикле, который у него появился, когда Сергей Ильич продал свой трофейный «оппель», так и не научившись управлять автомобилем. Но ездить по пыльному городу ему быстро наскучило, поэтому Тёма охотно согласился поехать аккордеонистом в дом отдыха близ городка Касимово, на Оке.

— Радуйся, Тёмка! Подвернулась подходящая халтура, — весело пропел Сева в трубку своим высоким тенорком. — Срочно нужен аккордеонист в касимовский дом отдыха, а наши лабухи сейчас все заняты. Может, рискнешь?

«А что я теряю? Как говорится, не боги горшки обжигают, — подбадривая себя, подумал Тёма. — Ну, в крайнем случае, меня выгонят. Не убьют же!»

* * *

Дом отдыха, где предстояло «лабухнуть» Тёме, расположился в старинном парке на крутом берегу Оки. Поселили его в небольшом служебном корпусе в одной комнате с профессиональным фотографом Борей, коренастым тридцатилетним здоровяком, который, ко всеобщему удивлению, оказался однофамильцем Тёмы.

Большинство отдыхающих составляла студенческая молодежь, сразу нашлось немало умельцев, стремившихся блеснуть своим мастерством. Так что Тёме пришлось лишь начинать и завершать танцевальные вечера. Затем он передавал аккордеон первому желающему и далее, сменяя друг друга, его работу выполняли юные таланты, а Тёма танцевал вместе со всеми.

Свободное время, а оно составляло фактически все дни, он проводил вместе с отдыхающими и был принят как равный в веселую молодежную компанию. Тёма быстро сходилась с людьми и вскоре подружился с главными заводилами — Яном и Левкой. Оба они были красивыми парнями, студентами престижных вузов, инициативными и остроумными, но совершенно разными по интересам и складу характера.

Крупный, барственно холеный и самоуверенный Ян был студентом ВГИКа, будущим режиссером. Он сразу же принялся организовывать самодеятельность, предложив поставить пару скетчей, в которых, разумеется, ему принадлежала роль героя-любовника. К тому же и героиня нашлась сразу. Ею оказалась Майя, студентка университета, игравшая в театре-студии МГУ. Они с Яном уже были знакомы ранее. Тёма, вспомнив о своем давнем увлечении, тоже охотно принял участие в этой постановке.

Левка Чижевский был совершенно другим. Высокий и стройный, он очень походил на голливудского киногероя из популярного в то время трофейного фильма «В старом Чикаго». Студент факультета журналистики МИМО обладал богатой фантазией и был неутомим на выдумки, изобретая всякий раз новые развлечения для молодежной компании.

Тёма подружился и со своим соседом по комнате Борисом. Фотограф был значительно старше, однако, может быть, из-за однофамильства проявил расположение к своему молодому соседу, охотно выслушивал Тёму и давал скупые, но дельные советы.

Летний отдых (именно отдых, а не работа) в Касимове крепко запомнился Тёме также из-за короткого, но связанного с треволнениями увлечения Майей. Студентка МГУ была, пожалуй, самой красивой и привлекательной девушкой в их доме отдыха. Само собой, ее очаровательная улыбка и соблазнительная фигура не оставили Тёму равнодушным, если учесть то, что они каждый день были вместе на пляже, танцах, да еще репетировали на сцене.

Правда, поначалу казалось, что у нее завязался роман с героем-любовником. Злые языки утверждали, будто видели, как Майя уходила гулять с Яном и возвращалась в изрядно «помятом» состоянии. Тёму, который еще не вполне отошел от своих прежних любовных передряг, совсем не воодушевляла перспектива пережить еще одно разочарование. Потому он старался не реагировать на заигрывания Майи, хотя она ему очень нравилась и вполне откровенно призывала посоперничать с Яном.

В общем, Тёма решил не ссориться из-за нее с другом и обойтись на сей раз без любовных утех — хорошенько отдохнуть и набраться сил перед пятым курсом института.

* * *

Молодость и жажда любви берет свое. Когда стало очевидным то, что между Майей и Яном произошло охлаждение, Тёма не выдержал и откликнулся на немые призывы, светящиеся во взглядах, которыми она награждала его на репетициях. Вечером на танцах они уже составили неразлучную пару, а после отбоя впервые отправились на прогулку. Пылкость и темперамент Майи его просто ошеломил, так как на людях она вела себя достаточно сдержанно. Будь он понастойчивее, наверное, смог бы добиться близости в этот же вечер.

Но, как это ни парадоксально, ее неожиданная доступность охладила

Тёму, поскольку сразу напомнила о том, что о ней болтали и что с самодовольной ухмылкой подтверждал Ян. «Она такая же, как Лора, а может, и того хуже, — с горечью думал он. — Только что крутила любовь с Яном, а теперь как ни в чем не бывало со мной». Вслух же, отстраняясь после долгого поцелуя, спросил:

— А что у тебя вышло с Яном? Поссорились из-за чего-то?

— Да не ссорились мы, — в ее ответе прозвучала досада. — Но что правда, то правда — ничего путного у нас с ним не вышло. — Она помолчала и, как-то загадочно глядя на Тёму, с горечью произнесла: — Он с виду и впрямь герой-любовник. Большой и красивый. Но, как говорят в народе: в ботву ушел. А к тебе, Тёмочка, — улыбнулась, — думаю, подходит другая поговорка: мал золотник, да дорог.

Майя на миг вновь прижалась к нему, но затем отстранилась и, снова став серьезной, со вздохом сказала:

— Уже поздно, и хватит для первого раза. Не то еще зазнаешься, — она лукаво взглянула на немного растерянного ухажера... — У нас с тобой еще есть время.

Расставшись с Майей, Тёма долго не мог заснуть, ругая себя за излишнюю щепетильность. «Ну что это на меня нашло? — недоумевал он. — Ведь не жениться же я на ней собираюсь».

Однако пересилить возникшее отчуждение не смог. Они после этого еще не раз уединялись, но Тёма все портил своими расспросами. Так вышло, когда он узнал, что Майя собирается выйти замуж.

— Не понимаю! — наивно удивился он. — Если ты любишь другого, зачем же тогда изменяешь ему?

— Дурачок ты, Тёмка, — беззлобно огрызнулась Майя. — Он намного старше, да и не люблю я его. — И со снисходительной улыбкой объяснила: — Он театральный режиссер, а я собираюсь сделать карьеру актрисы.

После подобных разговоров, их взаимный пыл угасал, и они расставались, так и не испытав желанной радости. И лишь перед самым отъездом произошло неизбежное.

— Да брось ты, Тёмка, переживать из-за моего замужества. Смотри на вещи проще. Хватит пустых разговоров! — заткнула ему рот жарким поцелуем Майя.

Они сидели в укромном уголке на берегу речки и, взяв инициативу в свои руки, она без лишних слов опрокинулась на спину, увлекая на себя желанного партнера. Без всякого стеснения помогла снять с себя трусики и дала наконец волю своему темпераменту. Когда насладились друг другом до изнеможения, Майя расслабленно произнесла:

— А ты — подходящий парнишка. Правду о тебе мне разведка донесла. Если захочешь, будем и в Москве встречаться. Муж что? Сам знаешь поговорку: муж объелся груш.

Ее цинизм покоробил Тёму. Встречаться с ней он больше не захотел.

* * *

С началом учебы время понеслось как на крыльях. Вновь приобщившись в Касимове к актерству, он и в институте вступил в театральную студию, и даже принял участие в постановке пьесы Симонова «Друзья остаются друзьями», которой руководил сам автор. Кроме этого, Тёма, решив пополнить свое музыкальное образование, купил абонемент на концерты в консерваторию. А поскольку и спорт не бросил, то нагрузки у него резко возросли. Тем не менее, набравшись летом силенок, он сумел управиться со всеми своими делами и сдал предпоследнюю, зимнюю сессию без единого «хвоста».

Возможно, успеху в делах способствовало то, что Тёме по-прежнему не везло в любви. За прошедшие месяцы ни одна девушка всерьез его так и не заинтересовала. Как-то на абонементном концерте серьезной музыки он познакомился с красивой блондинкой, оказавшейся студенткой консерватории по классу вокала.

Надо сказать, девушка не очень нравилась Тёме и он принимал ее приглашения на концерты и в компании изредка и лишь потому, что не было другой. Кира не могла не видеть, что ее спутник к ней равнодушен и все же с этим мирилась. Так шло до встречи Нового года в студенческой компании, когда случилась памятная и весьма неприятная для Тёмы история, которую он с удовольствием вычеркнул бы из своей памяти, но она осталась в ней навсегда.

В том году праздничную компанию, как обычно, организовал Юра Гордон. Квартиру предоставил Володя Коржанович, чьи родители отправились отдыхать в зимний санаторий. За исключением Тёмы и его певицы, компания состояла из студентов-медиков. В основном это были друзья Юры, но к ним присоединился также Марик Петляк со своей девушкой.

Программу увеселения составил, естественно, Юра со свойственным ему блеском. После проводов старого и встречи нового года застолье прерывалось для самостоятельного «смотрa талантов» и танцев, после чего было запланировано гуляние по центру Москвы. А завершить праздник

намеревались на балу в Доме ученых, куда их в два часа ночи должен был пропустить администратор — хороший знакомый Юриного отца.

То, что случилось, сорвало их радужные планы. Все дело было в ревности, обуявшей хозяина квартиры при виде того, как любезничают его девушка Софа и Тёма, которые, разговорившись, обнаружили родство душ. Чтобы разрушить их назревающий альянс, коварный Володька, наполняя рюмки гостей, каждый раз делал Тёме убойного «ерша» из водки с портвейном.

Результат превзошел все его ожидания. Вскоре после полуночи Тёма полностью «вырубился», но как! Сперва он перестал соображать и его начало мутить. Поскольку силы ему изменили, чтобы не испачкать квартиру, Тёму под ручки водили в туалет. Когда же это занятие всем надоело, там его и оставили, о чем вскоре пожалели, так как он каким-то образом заперся, и никто больше туда попасть не смог. В конце концов жертву интриги удалось-таки выманить, но Тёма тут же улегся на диван и уснул мертвецким сном.

Новогоднее веселье было безнадежно испорчено. Особенно жалкий вид был у Киры, которая как неприкаянная слонялась из угла в угол, не находя себе места. О ночном гулянии и походе в Дом ученых теперь никто уже и не помышлял. Все думали лишь о том, что делать с Темой и его несчастной подружкой.

— Вот уж не знал, что ты такой ревнивый осел, — расстроено бросил Юра Коржановичу, когда тот открыл ему правду. — Все нам испортил! Теперь не до веселья. Надо расхлебывать заваренную тобой кашу!

— Сам вижу, что сглупил. Затмение на меня нашло, — виновато оправдывался Володька. — Я ведь на Софочке жениться хочу. Чего ж теперь делать?

— Чего-чего! Расхлебывать, вот чего, — зло ответил Юра. — Первым делом бери такси и отправь Киру домой. Разве не видишь, как она мучается? Ты профессорский сынок, чай не разоришься!

— Ладно, отправлю, — буркнул Коржанович. — А что делать с Тёмкой? Он, что же, — опасливо покосился на спящего соперника, — так и будет дрыхнуть у меня до утра?

Юра Гордон с усмешкой посмотрел на тщедушного маленького Володьку.

— Не бойся! Как немножко очухается, сразу отвезу его домой. А то он ведь, если допрет — от тебя мокрое место останется!

Не даром говорят, что жизнь — полосатая, как зебра. Пора любовного невезения у Тёмы неожиданно сменилась первым бурным романом, в котором «повинен» оказался его однофамилец фотограф Борис. Он заведовал небольшим фотоателье, и Тёма иногда заходил к нему, чтобы сфотографироваться или просто увидаться и поболтать, если находился поблизости.

Вот так, мимоходом, зайдя в ателье, он встретил там Веру. Высокая и худощавая, она не отличалась броской красотой. Но полная грудь, стройные ноги и веселые ямочки на щеках делали ее очень привлекательной.

— Эта моя подружка Вера, — сказал Борис. — Приехала из Хохляндии. Лимитчица. Снимает комнату в нашем доме.

Фотографу было за тридцать, а «подруге» на вид не более восемнадцати, и Тёма, хоть и знал, что убежденный холостяк Борис — отъявленный донжуан, все же с усмешкой подумал: «Стареешь, видать, приятель, раз на таких молоденьких тебя потянуло». А вслух весело заметил:

— Ну что ж, поздравляю! Надеюсь, Верочке удастся наконец тебя охмурить. Москвичкам это оказалось не под силу.

Тёме надо было сфотографироваться на удостоверение, и, пока Борис готовил свой аппарат к съемке, они с Верой перекинулись несколькими словами. Оказалось, она окончила техникум на Украине, а теперь работает на автозаводе, сначала жила в общежитии, но ушла на частную квартиру.

— Плохо в общежитии, слишком строгий режим, — объяснила она, поймав удивленный взгляд Тёмы. — Никаких условий для личной жизни.

— Но за комнату надо много платить, — сочувственно отозвался он. — Неужто тебе на это зарплаты хватает?

— Мне из дома присылают, — коротко ответила Вера и, подумав, добавила: — Отчим рад без памяти, что я от них за тридевять земель!

Пока Тёма фотографировался, она не спускала с него глаз, а когда Борис отлучился в свою лабораторию, протянула листочек с номером телефона.

— Вот, возьми на всякий случай, — быстро проговорила Вера. — А насчет «подружки» Боря тебе загнул. Мы с ним просто знакомы. Не принимай это всерьез.

Он позвонил Вере уже на следующий день, и их роман стал развиваться стремительными темпами. Раза два они сходили в кино и даже

побывали в Третьяковке, где Вера преподнесла ему приятный сюрприз, показав, что неравнодушна к искусству. Но очень скоро молодая кровь и их взаимная страсть взяли свое. Вера пригласила его к себе, и он остался у нее на всю ночь.

Возлюбленная Тёмы оказалась намного опытнее его в любви, однако по темпераменту они были подстать друг другу. Познакомились они в феврале, и разгар их взаимной страсти пришелся на март. Вера снимала крошечную комнатку в коммуналке одного из старинных домов Зарядья, на самом верхнем этаже. В ее окне виднелись крыши спускающихся амфитеатром к Москве-реке трущоб. И те бессонные ночи их любви проходили под непрерывный «аккомпанемент» пронзительных криков мартовских котов.

— Давай, Тёмочка, поженимся, — разомлев, просила его Вера, когда под утро он собирался домой. — Тогда, милый, все дни будут наши! Ведь нам так хорошо вместе!

— А на что мы жить будем? — резонно возражал Тёма, которому жениться все же еще не хотелось. — Мне ведь надо сначала закончить институт и покрепче встать на ноги.

— Так тебе же только диплом остался, а я работаю, — ластясь к нему, настаивала Вера. — Вот увидишь, проживем нормально!

«А что? Может, и впрямь жениться? — все чаще задумывался Тёма, неохотно оставляя ее одну. — Вера хорошая хозяйка, умеет экономить. Проживем как-нибудь!»

* * *

Анна Михеевна долго мирилась с ночными похождениями сына, хотя ее это лишало нормального сна. Часто возвращаясь домой под утро, Тёма замечал, как в ее комнате гас свет, а иногда ему даже казалось, что он видит в окне лицо матери. Отлично понимая, что с ним происходит, она никак не решалась поговорить с сыном, но однажды ее все же прорвало.

Сергея Ильича не было дома. Поступив на работу врачом Госстраха, он почти все время проводил в командировках. И на этот раз участвовал в обязательном страховании горняков где-то на Урале. Позавтракав, Тёма уже собрался идти в институт, когда Анна Михеевна его задержала.

— Давай-ка присядем! У тебя еще в запасе есть время. Нам надо серьезно поговорить.

— Ну, чего так сразу, ма? — воспротивился Тёма, догадавшись, о чем

пойдет речь, и не ожидая ничего хорошего. — Поговорим вечером.

— Вечером я тебя не увижу. Опять не придешь ночевать, — упрекнула его мать. — Поэтому хочу поговорить, пока не наделал глупостей!

Такой оборот даже заинтриговал Тёму. «Разумеется, она потребует порвать с Верой, — досадливо морщась, подумал он. — Он неохотно присел на диван, вопросительно глядя на мать.

— Если ты думаешь, что я буду «пилить» тебя за ночные отлучки, то напрасно, — сразу ошарашила его Анна Михеевна. — Конечно, я волнуюсь за тебя, однако хорошо понимаю, что ты уже взрослый мальчик. Думаю, ты и сам знаешь, какими тяжелыми последствиями чреваты в юном возрасте неразборчивые связи с женщинами. Ведь читал Вересаева? Но еще опаснее длительная связь. Такая, как у тебя сейчас.

— Ну и чем же, например? — сердито буркнул Тёма.

— А тем, что женщина может забеременеть и вынудить тебя жениться, — с горечью в голосе ответила мать. — Такой брак наверняка будет неудачным, и тогда пострадает ни в чем неповинный ребенок.

— Если я женюсь на Вере, наш брак будет удачным... — самоуверенно заявил Тёма. — Ведь нам, — он смущенно замялся, — хорошо вместе, мама.

— Постель — это еще не все, — спокойно возразила Анна Михеевна. — Горячая страсть уйдет, и прочность семьи будет зависеть от совместимости характеров, воспитания и общности интересов. Есть еще очень важное обстоятельство. Твоя карьера!

— Вот уж точно, женитьба на Вере карьеры мне не сулит, — беспечно махнул рукой Тёма. — Зато я люблю ее; мама!

— Она не единственная девушка, достойная любви. И ты скоро сам в этом убедишься.

— Ну, тогда не тани, говори, на ком задумала меня женить, — рассердился Тёма. — Хотя мне не нравится, что ты отвергаешь Веру, совсем ее не зная.

— Зато я хорошо знаю, что Алла Скамейкина — очень хорошая и порядочная девушка, — настойчиво продолжала внушать ему мать. — И, женившись на дочери известного авиаконструктора, ты многого сумеешь добиться. А против твоей Веры у меня — ее распутство. Прости меня, сын, — строго, совсем как Дуняша, поджала губы, — но думаю, что ты у нее далеко не первый мужчина.

— Ну все! Больше ничего не хочу слушать, — вспылал Тёма. Однако одумался и сказал, уходя: — Но ты не беспокойся! Обещаю до получения диплома не жениться.

С дочкой знаменитого авиаконструктора Аллой по просьбе Анны Михеевны познакомил Тёму полгода назад ее старая приятельница Белла, учившая детей Скамейкина английскому языку. Алла была очень симпатичной, но немного неуклюжей, в своего отца-генерала. И совсем не умела кокетничать. Хотя Тёма ей очень понравился, увлечь его она так и не смогла.

Анна Михеевна не оставляла попыток устроить для сына этот выгодный брак и через Беллу, упорно добивалась новых приглашений Тёмы на роскошную дачу, где в летний сезон обитала семья авиаконструктора. Тёме неудобно было отказываться, но его выручили последняя летняя сессия и отъезд в Казань на преддипломную практику.

* * *

Летняя преддипломная практика подарила Тёме нового друга. С Генкой Олейниковым из их группы случилась беда. У него в трамвае вытащили кошелек с деньгами, а помочь было некому.

— Мы с мамой вдвоем живем. Она уборщицей работает, из сил выбивается. Отец нас бросил. Другую себе нашел. А с мамой они не были расписаны, потому и не помогал нам, — рассказывал Тёме новый друг то, чем никогда ни с кем не делился. — Она и так дала мне с собой все, что у нее было. А других родственников у меня нет.

— Что же ты будешь есть? — ужаснулся Тёма. — У нас у всех денег в обрез. Даже занять не у кого!

— Попробую посидеть на хлебе и воде. Может, хватит того, что оставалось в карманах, — уныло предположил Гена. — Вы за меня сделайте все на заводе, а я днем буду спать. Так вроде легче прожить без еды.

Разумеется, Тёма не мог попросить своих выслать ему еще денег, поскольку в семье их постоянно не хватало. Но он вместе с другими ребятами стал подкармливать Генку, сам порой недоедая. Они полностью «прикрыли» его и на заводе. В результате Олейников сумел продержаться весь срок и преддипломную практику ему с грехом пополам зачли.

На заводе, где стажировались будущие дипломники МАИ, строили дальние стратегические бомбардировщики. «Холодная война» между бывшими союзниками шла уже вовсю, и они вели гонку вооружений, боясь быть застигнутыми врасплох. Советский Союз сумел произвести свои атомные бомбы и в то время только дальняя стратегическая авиация могла

их доставить к цели. Ни могучих ракет, ни подводных атомных крейсеров еще не было. Поэтому основной ударной силой в случае атомной войны должны были стать тяжелые бомбардировщики.

Наступила эра реактивной техники, а наша авиация, отлично зарекомендовавшая себя в войну, была оснащена поршневыми двигателями и срочно требовала усовершенствования. В связи с этим у Тёмы, как и у большинства его товарищей, дипломный проект ставил задачей реконструкцию самолетов под реактивные двигатели. Все студенты работали с большим увлечением и вскоре без особых трудностей получили дипломы инженеров.

Треволнения были связаны только с предстоящим распределением на работу. Самыми заветными фирмами, куда мечтало попасть большинство выпускников, были прославленные ЦАГИ, ЛИИ и ОКБ Главных конструкторов ракет и самолетов. Но мест там для всех не хватало, и остальных ожидало производство на авиационных заводах. И тут оказалось, что успехи в учебе отнюдь не главное, а все решает всемогущий ЗИС, то есть знакомства и связи.

Потерпев неудачу в устройстве карьеры сына (Тёма побывал в гостях у Аллы всего пару раз и категорически отказался от этой идеи женитьбы), Анна Михеевна избрала иной путь. Она решила отыскать связи в авиационных «верхах», чтобы сына распределили на работу в перспективный научный институт.

— У Темечки фантазия бьет ключом, этот дар у него с детства, — заявила она мужу, когда он на пару дней заскочил домой. — Ему надо непременно попасть в ЦАГИ. Там лучше условия, чтобы проявить свой талант и стать хотя бы кандидатом наук.

— А по-моему, Анечка, с его изобретательностью, он полнее проявит себя в конструкторском бюро. Почему ты решила, что он должен стать ученым? Тут нужна усидчивость, а у Тёмы ее нет.

— Вот и проведет всю жизнь за чертежной доской. Там ему не пробиться, — возразила Анна Михеевна. — Мне говорили знающие люди. Ну, подтверди это отцу! Ну а ты что молчишь? — обернулась она к сыну.

Тёма в полуха слушал их разговор, торопясь на свидание с Верой. Он неохотно отозвался:

— Молчу потому, что ваш разговор бесполезный. Меня наверняка загонят на завод — и хорошо еще, если в Москве. Но, вообще-то, в ЦАГИ лучше всего.

Каково же было его удивление, когда он в вывешенных в деканате списках предварительного распределения нашел свою фамилию среди

счастливи́чиков, направляемых в ЦАГИ. Лишь дома по большому секрету Тёма узнал от матери, что ей удалось отыскать хороших знакомых референта аж самого их министра. Референт попросил своего шефа, министр — ректора МАИ, тот дал указание декану факультета — и дело было сделано!

Само собой, сопутствующие этой удаче зависть и недоброжелательность тех, кому с распределением не повезло, в известной мере досаждали Тёме, ничто не могло омрачить его радости, поскольку он законно считал себя нисколько не хуже других товарищей, направленных вместе с ним в ЦАГИ.

* * *

Долго радоваться не пришлось. Произошло событие, перечеркнувшее не только его радужные планы, но и мечты очень многих студентов, пошедших в МАИ, чтобы стать инженерами-самолетостроителями. Перед самой защитой дипломов, как гром среди ясного неба, грянуло постановление правительства о направлении большей части их выпуска на работу в «Аэрофлот» инженерами по эксплуатации и ремонту авиационной техники. Мотивировалось это острым недостатком кадров на воздушном транспорте.

Снова пошел в ход ЗИС, но помогли связи лишь семейным, ибо имелось прямое указание сверху направить в ГВФ всех неженатых студентов. Естественно, среди них оказался Тёма, и на сей раз все усилия Анны Михеевны оказались тщетными. Ей удалось лишь добиться назначения его на авиаремонтный завод в областном сибирском городе, и она радовалась, так как очень многих разослали на аэродромы по всей необъятной территории страны, вплоть до самых отдаленных точек.

Разумеется, Тёму назначение в ГВФ и связанный с ним отъезд на целых три года из Москвы радовать не могли. Но все же ему повезло больше других. Крутое изменение выбранной судьбы и профессии обернулось для многих его товарищей трагедией. Был у них на курсе студент Ивченко — подлинный гений. Он «грыз науку» так глубоко, что своими вопросами ставил в тупик на лекциях известных профессоров, имевших свои учебники. Ивченко предварительно был распределен в престижный ЛИИ, но его загнали «к черту на рога» — в Бодайбо, где и аэродрома-то приличного не существовало.

— Ну вот, Тёмочка, за что боролись, на то напоролись! Сам виноват, —

укоряла его Вера. — Послушал бы меня, женился и остался бы в Москве.

— Но чего об этом теперь толковать? Может, и правда нам стоит пожениться и махнуть в Сибирь вдвоем?

— Раньше надо было жениться, тогда не пришлось бы никуда уезжать, — бросила Вера. — Что же мне, потерять прописку? А для чего я тогда ишачила на заводе? Нетушки! Никуда из Москвы не поеду!

— Вот как? Ты же выйти за меня мечтала, — вспыхнул Тёма. — Значит, Москва для тебя дороже, чем я? И замуж уже не хочется?

— Хочется, но не за такого дурного, как ты, — в свою очередь рассвирепела Вера. — Чего это я не видела в Сибири? Там еще хуже, чем на Украине. — И взглянула на Тёму с торжествующей усмешкой. — А замуж я выйду, и очень скоро! На тебе свет клином не сошелся.

— Ну и ну! — он поглядел на нее так, словно видел впервые. — Когда ты успела?

— Это ведь Борис зовет меня замуж, — откровенно призналась Вера. — Говорит, оценил, когда потерял, — в ее глазах блеснула гордость. — Что ж, он мужик неплохой. Староват, правда.

Удар был очень силен, но сознание того, что и Вера для него потеряна, лишь добавило горечи в переживания Тёмы, связанные с неудачным распределением на работу и расставанием с родными и Москвой. «Надо поскорее выбросить ее из сердца и забыть, — мысленно велел он себе, решив гульнуть напоследок на полную катушку. — Без женской любви жить скучно, но и полностью доверять им нельзя. Глупо так переживать. Нужно проще смотреть на вещи!»

* * *

За месяц до отъезда мама достала ему путевку в дом отдыха, расположенный в живописной лесной глуши Владимирской области. Была середина июля, и стояла расчудесная погода, что способствовало веселому настроению отдыхающих. Вечером на танцплощадке призывно играла музыка. Женщин, как всегда, было больше, чем мужчин, и, когда объявили белый танец, Тёму пригласила красивая «стильная» молодая особа. Он ее заметил еще утром в столовой.

— Меня зовут Нонной, а тебя? — без обиняков завязала она знакомство. — Я приехала сюда развлечься, и, надеюсь, ты мне в этом поможешь.

Такая беззастенчивость в другое время оттолкнула бы Тёму. Но

желание поскорее забыть Веру и привлекательность Нонны сделали свое дело. Они стали вместе проводить время и вскоре вспыхнула взаимная страсть. Но до интимных отношений дело не дошло: Нонна оказала неожиданное сопротивление.

— Не хочу вновь оказаться в дурах. Ты добьешься своего и бросишь меня, как тот подлец, который обещал жениться. Уступлю только мужу!

Она уже знала, что Тёма окончил институт, и он понял ее нехитрый замысел. А поскольку жениться не собирался и не считал Нонну подходящим объектом, то в пику ей выбрал на танцах другую партнершу — хорошенькую, аппетитную простушку, откровенно стрелявшую в него глазками. В разговоре это подтвердилось. Как оказалось, Зоя была из местных, работала в бухгалтерии и у нее был жених, который служил на флоте.

То, что ее интересовало, выяснилось в первый же вечер. После танцев Зоя предложила прогуляться и повела в поле к омету. Там, на свежем сене, они провели бессонную ночь любви. Деревенская партнерша поразила Тёму своим «бразильским» темпераментом и изобретательностью. Встречаясь с ним каждый день, чему только она его не научила!

— Видишь, как здорово у нас получается, когда сижу на низеньком пенечке? — со смешком бросила ему Зоя, возвращаясь из лесу, куда ходили за земляникой и, само собой, занимались любовью. — Этому меня мой Санька научил. Озорной он у меня. Не дождусь, когда вернется!

— А не боишься, что ему расскажут, как ты в его отсутствие... — хотел задать вопрос Тёма и запнулся, боясь ее обидеть.

— Путалась с другими мужиками? — нисколько не смутясь, добавила Зоя. — Отопрусь! Никто ведь за ноги не держал, — с веселым нахальством бросила она. — Санька слушать сплетни не станет. А лучше меня здесь никого не найдет!

Вскоре сдалась и Нонна. Видать, ее здорово «зацепило» то, что Тёма переключился на Зою. Она несколько раз пыталась объяснить, но лишь за день до отъезда ей это удалось. Вечером в столовой устроили прощальный ужин, и, хотя они сидели за разными столами, когда начались танцы, Нонна решительно им завладела и от себя не отпускала. А перед концом, горячо глядя ему в глаза, предложила:

— Пойдем погуляем по парку! Простимся как следует, Тёмочка, — многообещающе шепнула она. — Думаешь, я хуже твоей деревенской девчонки?

Разумеется, элегантную красавицу Нонну нельзя было и сравнить с простушкой Зоей, с которой у него было назначено прощальное свидание.

Но Тёма остался верен своей подружке, хотя знал, что это у них последняя встреча. Сожалея об упускаемых им шансах испытать желанную близость с пылающей страстью Нонной и по-мужски испытывая неловкость из-за отказа, он проямлил:

— Ты, конечно, лучше, Нонночка, но я сегодня... не смогу. Давай лучше встретимся в Москве!

— Все ясно! Ты идешь к этой... — сразу как-то погаснув, презрительно бросила Нонна. — И чего ты в ней нашел? Не думаю, — обиженно надула губки, — что мне захочется тебя снова увидеть.

— А я все же позвоню, — провояая ее на место, мягко произнес Тёма. — У нас с тобой, Нонночка, все впереди.

Однако до его отъезда они больше не увиделись, и их встреча состоялась намного позже. Любовные успехи сняли с Тёмы нервный стресс, помогли самоутвердиться, и он отправился к месту новой работы преисполненный надежды на лучшее.

Глава 16

За железным занавесом

Областной центр Западной Сибири встретил пасмурной погодой. Прямо с вокзала, оставив чемодан в камере хранения, Тёма оправился в центральный аэропорт, где располагался завод, на котором ему предстояло работать. Как оказалось, он был всего в полчаса езды от центра, и от городской окраины его отделял глубокий овраг, склоны которого пестрели многочисленными жалкими домишками.

— Это наш «Шанхай», — с усмешкой объяснил Тёме сидящий рядом с ним в автобусе парень, заметив, с каким любопытством он смотрит на эти трущобы. — С жильем у нас по-прежнему хреново. Вот каждый и устраивается как сможет. Ты ведь приезжий? Сразу заметно.

— Москвич. Но приехал работать, — вежливо ответил Тёма.

— Да уж, до столицы нам далеко, — вздохнул парень, но с гордостью добавил: — Однако центр города очень красивый. Разве не так?

— Мне понравился, хоть видел его лишь мельком, — искренно отозвался Тёма. — Особенно ваш оперный театр.

Автобус прибыл в аэропорт, и Тёма сразу направился на завод, огромный ангар которого был виден издали. В отделе кадров его долго не задержали и послали к главному инженеру, представительному мужчине средних лет с широким добродушным лицом.

— Зовут меня Иваном Ивановичем, — приветливо сказал он, бегло просмотрев документы. — А вас, Артем Сергеевич, мы ожидали и определили замом начальника в самолетный. Это наш главный цех, и вам оказано большое доверие!

— Смогу ли я его оправдать? — смутился Тёма. — В институте нас учили другому и мне надо еще освоить новый профиль работы.

— Не боги горшки обжигают! И не начальником тебя ставим, — сказал, как отрезал, Главный, перейдя по привычке на ты. — Нам сверху велено заменять инженеров-практиков, не имеющих высшего образования, дипломированными.

— Выходит, кого-то из-за меня снимут с работы? — озабоченно спросил Тёма. — Он что, не справлялся?

— Отчего же? Лозовский, бывший замом до тебя, отлично выполнял свои обязанности, — в голосе главного слышалось сожаление. — Опытный авиатехник. Мы перевели его старшим контрольным мастером в ОТК. —

Главный ухмыльнулся. — Будет принимать у тебя самолеты после ремонта. Так что держись!

— Ну вот, — простодушно огорчился Тёма. — Он же придирается будет!

— Это пойдет на пользу делу, — весело возразил Иван Иванович. — Ну а если перегнет палку, не бойся, мы его поправим. Как член партии, должен понимать, что укрепление кадров, — он поднял вверх палец, — государственная политика!

Однако вид у Тёмы был обескураженный, и главный инженер потечески произнес:

— Ты, я вижу, Артем, еще совсем зеленый паренек, не прошедший суровой жизненной школы. Так что будь готов хлебнуть всего понемножку, — он строго посмотрел в глаза «новобранцу». — Пришла пора стать самостоятельным! С квартирой-то что решил? Общежития у завода нет. Этим и займись в первую очередь!

— У меня осталось немного от подъемных и пока остановлюсь в гостинице «Сибирь», — понуро ответил Тёма. — Там, мне сказали, есть дешевые номера.

— Нет, парень гостиница тебе не по карману. Ищи частную квартиру поближе к работе. Ну ладно, иди устраивайся, а завтра к девяти будь у меня! — напутствовал его Главный. — Представлю тебя начальнику и коллективу цеха.

Таким образом, еще не приступив к работе, в лице Лозовского, которого из-за него сместили с видной должности, Тёма получил непримиримого и сильного врага. Последствия не заставили себя ждать и вскоре привели к серьезной неприятности, послужившей ему уроком на всю жизнь.

* * *

Самолетный цех авиаремонтного завода помещался в самом большом и новом из всех ангаров, имевшихся на территории аэропорта. Этот ангар был возведен всего три года назад руками пленных немцев из готовых конструкций демонтированного в Германии огромного эллинга, построенного там в свое время для дирижаблей. Новый ангар завода был лишь одной из его частей, из которых возвели еще несколько ему подобных в других аэропортах Сибири и Дальнего Востока.

Постройка этих ангаров лишней раз показала ошибочность нашей

политики в отношении репараций с побежденной Германией. В то время как западные союзники присвоили в счет репараций золотой запас фашистского рейха, мы согласились взять в счет компенсации то, что не только давно устарело, но даже не соответствовало нашим природным условиям. Так металл немецких эллингов оказался хладоломким и не выдерживал сибирских морозов. Фермы нового ангара, как и тех, что были поставлены в других местах, уже не раз пришлось ремонтировать.

Но изменить что-либо уже было нельзя. Бывшие союзники размежевались. Германия была разделена, даже Берлин разграничен на Западный и Восточный. Между англо-франко-американской и советской зонами оккупации возникла глухая стена отчужденности и о каком-либо изменении договоренности не было и речи. От капиталистического Запада Советский Союз на долгие годы отделил «железный занавес».

И все же немецкий ангар Тёме понравился. Он был настолько высоким и просторным, что ремонтируемые транспортные самолеты Ли-2 — отечественная модификация американских Дугласов, — смотрелись в нем словно игрушечные. Очень скоро новому заместителю начальника цеха выпало принять «крещение» как инженеру, что повысило его авторитет в коллективе.

Как всегда, горел план по выпуску самолетов из-за отсутствия запчастей. Их переставляли с поступивших в ремонт, но на последний не хватило одного дефицитного кронштейна. Чертежей этого силового узла не было, и Тёме пришлось сделать его эскиз прямо на самолете. Однако он доказал, что учился не зря. Выполнив прочностной расчет, сделал детализировку так точно, что изготовленный узел встал на место без подгонки.

Производственный план был успешно выполнен, но Лозовскому удалось все же устроить Тёме подлянку. Он подговорил своих друзей — мастеров цеха пригласить нового инженера отметить это событие обычным способом, то есть распитием спирта, который подносили бортмеханики, получавшие самолеты из ремонта.

Тёма еще никогда в жизни не пил чистый спирт, а для бывалых мастеров-ремонтников это было привычным делом. «Надо как-то отказаться. Опозорюсь еще, — с резонной опаской подумал он. — Ведь я и водку-то пить не умею. А тут еще и без закуски!»

— Вы, братцы, отмечайте без меня, — попытался увильнуть Тёма от этого мероприятия, когда компания обосновалась в кабине одного из самолетов. — Мне надо еще идти к Главному и, вообще, я к спиртянскому непривычен.

— Ничего, пора привыкать, Артем. Нельзя отрываться от коллектива, — в один голос запротестовали коварные мастера. — А к Иванычу мы тебя проводим. Он и сам уже небось заложил за воротник по такому случаю.

«А что? Надо попробовать, а то будут считать меня чужаком, — поддался на уговоры Тёма. — Не свалюсь же я от одной стопки?». И он на свою беду остался с ними, о чем потом горько сожалел.

Пили они фактически без закуски. На всех был лишь один бутерброд, пара помидоров и остатки кабачковой икры на дне банки. Мастера запивали спирт глотком воды из бидона, но их молодой начальник даже этого сделать не смог. Лихо осушив налитые ему полстакана, он задохнулся и несколько минут приходил в себя, выпучив глаза и открыв рот, словно рыба, выброшенная на берег.

Потом, когда раздышался, на него напала хмельная бравада, он выпил еще и дальше уже ничего не помнил: ни что делал, ни как «вырубился». Очнулся в приемной главного инженера и, открыв глаза, увидел стоящего над ним Ивана Ивановича.

— Ну и ну! Очухался вроде, — укоризненно покачал головой Главный. — Хорош! Напоили тебя подлецы и привели ко мне на посмешище. Скажи спасибо, что народ уже по домам разошелся. Ну, я им покажу!

— Не надо, Иван Иваныч! Я сам во всем виноват, — слабым голосом попросил его Тёма. — Не должен был соглашаться. Не маленький!

— Ну да! Знаю я наших ребят. От них отобьешься, как же, — добродушно усмехнулся Иван Иванович. — Небось убедили, что это традиция? Хотел быть как все?

В ответ Тёма лишь молча кивнул и попытался встать, но не смог.

— Ладно, не дергайся! Ты идти сам не сможешь, — образумил его Главный. — Отдохни здесь еще часок, потом умойся холодной водой из-под крана и тогда топай домой. Сторожа я предупрежу. Но чтоб это было в последний раз!

* * *

В первые же месяцы своей самостоятельной жизни Тёма убедился, что профессия инженера прокормить его не в состоянии, и то, что он получает за свой труд, сулит жалкое существование. Зарботная плата инженера ГВФ была вдвое ниже, чем у его товарищей, работавших в ОКБ. Ему было

присвоено звание инженер-капитана, и он был обязан носить форму, правда красивую, но за нее вычитали деньги из скудного заработка. К тому же по-прежнему надо было подписываться на займы.

Если еще учесть, что Тёме пришлось вместе с сослуживцем товарищем по институту Толей Лыковым снимать комнату в одном из домишек «Шанхая», расположенного недалеко от аэропорта, оставшихся денег не хватало, чтобы свести концы с концами. До дня зарплаты Тёме и работавшим в аэропорту молодым инженерам ГВФ дотянуть не удавалось, и всех выручала лишь помощь из дому, да еще то, что полочки у них были в разное время, и они могли одолжить денег друг у друга.

Лыков, окончивший экономический факультет МАИ на год раньше Тёмы, работал на заводе начальником планового отдела. Но получал не больше и в целях экономии разделил с ним снимаемое жилье. Толя был из тех, кто пришел учиться с фронта, у него была покалечена кисть левой руки, и все надежды на лучшую жизнь он связывал с матерью.

— Я коренной сибиряк, Тёмка. Мне здесь хорошо, — открыл он свои мечты другу. — Вот скоро мать продаст наш дом в Ачинске, переедет вместе с сестрой сюда, тогда заживем!

— Ну и что, будете снимать квартиру? И это ты называешь жизнью? — пожимал плечами Тёма. — Да и на твою зарплату не очень-то разгуляешься.

— Какая квартира? Мы здесь дом купим! — радовался будущему Толя. — Если захочешь, будешь с нами жить. И с деньгами легче будет. Огород нас прокормит!

— А тебе не обидно, Толич? Ты на фронте кровь проливал, работаешь честно, а денег не только на семью, на себя не хватает, — возмутился Тёма. — Где же плоды нашей победы?

— Да уж, несправедливо, — нахмурился, согласился Лыков. — Не о такой жизни мы мечтали после войны! Но и такая жизнь краше смерти, Тёмка, — повеселев, заключил он, хлопнув друга по плечу. — Так что давай лучше пойдем пригласим Валечку на танцы!

С соседкой Валечкой они познакомились на автобусной остановке, откуда утром отправлялись на работу. Валя кокетничала с обоими, никому не отдавая предпочтения. Несколько раз они втроем ходили на танцы, поочередно ухаживая за ней, и уже хотели тянуть жребий, когда произошло событие, покончившее с этой историей.

Валечка пригласила их на свой день рождения. Дом, где жила ее семья, находился через две улицы. Родственников было немного, зато сибирской бражки на столе — в изобилии. Видно, хозяин был большой любитель,

брага пилась легко и была вкусной. Тёма давно бы забыл эту историю, если бы не бражка и то, что у Валечки неожиданно обнаружился жених — здоровенный чубастый парень, который фальшиво брэнчал на гитаре и с надрывом пел блатную песню:

...И шлю тебе, Валюха, черногазая
Самое последнее письмо,
Ты никому об этом не рассказывай —
Для тебя написано оно.

Никогда Тёма не пил столько браги. И пили они с Толей так много потому, что у Валечки уже назначена была свадьба. Она не отходила от жениха ни на шаг, отчего инженерам-капитанам ГВФ оставалось лишь утопить прежние надежды в хмельном напитке. И бражка сделала свое дело. Выпить-то ее можно много, но потом она разом валит с ног!

— Вышла я вечером во двор. Смотрю и глазам своим не верю, — рассказывала на другой день хозяйка. — Открывается калитка и в нее на четвереньках вползают — не поймешь кто. Чумазые, одежда вся в пыли. Только по погонам и поняла, что это вы, хлопцы. Это надо ж так надраться! Еле до постели вас дотащила. Таких бугаев!

— Как же мы свой дом нашли? — удивился Толя. — Ты что-нибудь помнишь, Тёмка? Я — ни хрена!

— Да что ты! Абсолютно ничего, — признался его товарищ по несчастью. — Это инстинкт самосохранения нас домой привел, а скорее всего наш ангел-хранитель. А еще говорят, что Бога нет!

Валечку они еще несколько раз встречали на остановке, но потом она куда-то исчезла. Скорее всего переехала жить к мужу.

* * *

Первая сибирская зима запомнилась Тёме напряженной работой с авралами в конце каждого месяца по выполнению плана, а также голодом и холодом. Морозы стояли ниже тридцати градусов, да еще с ветром. На аэродроме невозможно было работать без масок. Ветхий домик в «Шанхае» отапливался плохо, и под утро они замерзали. Друзья помогли хозяйке заготовить дров, но старая печурка дымила и плохо держала тепло.

— Нет! Ты как хочешь, а я перееду в город. Сниму комнату или угол в

доме с центральным отоплением, — не выдержав, заявил Тёма. — Тебе, как сибиряку, может, такое привычно, но я не в силах вынести этот собачий холод!

— Потерпи еще немножко! Мать уже нашла покупателя, — успокаивал его Лыков. — Купим дом, не хуже ачинского. И тебе не придется тратиться на жилье.

— Все равно живем тут как в деревне. Приходим усталые и выбраться в центр города для нас проблема, — заупрямился Тёма. — Летом я все же что-нибудь там подыщу.

Единственно, что согревало его той зимой, в прямом и переносном смысле это редкое времяпровождение в дружеской компании у Валерки Колосова. Только ему одному из молодых специалистов аэропорта дали комнату в новом доме, и лишь потому, что он был строителем. Общительный Валерка зарабатывал больше всех, всегда готов был выручить их деньгами и по случаю собирал у себя молодежную компанию.

Постоянными членами его компании, кроме Тёмы, были два вновь прибывших выпускника Киевского института ГВФ, Ким Задунайко и Генка Хохлов. Они работали в мастерских аэропорта сменными инженерами.

Не в пример частным каморкам остальных, в комнате Валерки было светло и уютно. Закуски не отличались разнообразием, зато выпивки хватало. После полуночи, когда веселая компания устала танцевать и снова уселась за стол, все изрядно захмелели. И тут, кажется, Генка Хохлов отпустил остроту, задевшую самолюбие хозяина. Что тогда произошло!

Друзья не узнали веселого и добродушного Валерку. Он резко поднялся, с грохотом отодвинул от себя тарелки и, глядя налившимися кровью глазами на притихшего Хохлова, срывающимся голосом произнес:

— Да как смеешь ты меня оскорблять? Ты не представляешь... с кем говоришь!

— Да ну! И с кем же я говорю? — только и смог вымолвить опешивший Генка.

— С наследником российского престола! Вот с кем! — с непередаваемым комичным величием произнес маленький, тщедушный Валерка. Он пьяно икнул и это вызвало общий смех, так как никто не принял его слова всерьез.

— Ах, вот как! Вы не верите? Чего же еще ждать от плееев, — окончательно разъярился Колосов. — А я вам сейчас докажу, что являюсь прямым потомком Екатерины Великой! Графом Бобринским!

С этими словами он бросился к своей тумбочке. Быстро достав старинную шкатулку, бережно вынул и показал, не выпуская из рук,

довольно ветхую бумагу.

— Вот — смотрите! Это грамота, подписанная самой императрицей, — с важным видом объяснил Валерка. — А этот документ, — он вынул и показал красиво начерченную схему, заверенную гербовыми печатями, — сохранившаяся родословная нашего семейства. Моя мать — урожденная графиня Бобринская!

— Да успокойся, Валера, мы тебе верим, — серьезно заявил Генка Хохлов и все же не удержался от иронии: — Ваше сиятельство.

На следующий день, протрезвев, Колосов пожалел о своей откровенности и долго извинялся за высокомерную выходку. Однако друзья ему не спустили и с тех пор, обращаясь к нему, величали не иначе, как «вашим сиятельством».

* * *

Долгая сибирская зима сменилась дружной весной и жарким летом. Мать Толи Лыкова, маленькая энергичная женщина, совершенно сельского облика, к этому времени уже купила бревенчатую избушку с большим земельным участком неподалеку от аэропорта, но жить с ними Тёма не захотел.

«Надоело унылое деревенское прозябание, — объяснил он другу. — Подыщу себе что-нибудь в городе».

Исполнить свое желание ему помогло письмо, полученное от отца. В нем Сергей Ильич сообщил сыну, что случайно познакомился с коллегой — страховым врачом, который живет в этом городе и обещал помочь Тёме советом и делом. «У него большая отдельная квартира в самом центре и дочка Вита, студентка мединститута», — писал отец, подчеркнув последние три слова с явным намеком. Внизу был приписан адрес.

Летом отпуск Тёме не полагался, и он занялся поиском угла в городе, не забыв нанести визит новому знакомому отца. Страховой врач и правда жил на центральной улице в одном из стандартных корпусов постройки тридцатых годов. Это был тучный коротышка, тоже, как и Сергей Ильич, бывший фронтовик. Принял он Тёму очень приветливо вместе с женой, маленькой и круглой, как пончик, та сразу обрадовала гостя, что у них в доме есть подходящее жильё.

Однако радость Тёмы померкла, когда явилась их дочь, точная копия отца. Работая в аэропорту и не видя привлекательных девушек, кроме стюардесс и официанток, он ожидал встречи с Витой не без тайной

надежды. Но она не оправдалась. Некрасивая коротышка не вызвала у него никакого интереса, хотя чувствовалось, что дочка хозяев добра и хорошо воспитана. А по тому, как вспыхнули ее глаза, Тёма понял, что понравился, и ему стало неловко.

— В нашем доме живет очень хорошая, тихая женщина. Она одна растит дочь и хочет пустить к себе постояльца, так как мало зарабатывает и им не хватает на жизнь. Комната у нее большая, можно отгородить удобное место для ночлега, — подробно проинформировала Тёму мать Виты. — Да и мы будем «под боком». Ну как — устраивает? — вопросительно взглянула она, ожидая ответа.

— Вы не беспокойтесь, мне ведь нужна лишь койка, чтобы переночевать. Мы и в выходные часто работаем, — с ходу согласился Тёма и поспешно добавил: — Если, конечно, хозяйка не заломит большую цену.

— Не должна, — успокоила его мать Виты. — Ей очень нужен жилец, а пустить кого попало не может. У нее дочь — школьница. Мы же тебя ей рекомендуем.

— А когда можно будет познакомиться с ней и посмотреть? — спросил Тёма.

— Хоть сейчас. По-моему, она дома, с дежурства вернулась.

Тёма поднялся с места, но, подумав, снова сел.

— Хотелось бы немного узнать о хозяйке, прежде чем смотреть и вести с ней переговоры, — объяснил он. — Что она за человек? Где работает?

— Разведенка. Муж вроде был военный, — коротко сообщила мать Виты. — Дочери, Любочке, десять лет. Сама Оксана откуда-то с Западной Украины. Работает медсестрой. Живут тихо, никого не беспокоят.

— Так она же замуж может выйти, — обеспокоился Тёма, — и тогда меня сразу вытурит!

— Все, конечно, возможно, — резонно заметила мать Виты, — но не похоже на это. Ходит к ней уже второй год один приятель. Но только днем. Скорей всего семейный. Если бы что-то было серьезное, не искала бы жилья.

Квартира Оксаны Григорьевны оказалась на той же лестничной площадке. Хозяйка понравилась Тёме с первого взгляда. Невысокая и худенькая, она была очень хорошо сложена и одета скромно, но со вкусом. Черты лица были правильными, но не яркими, волосы гладко зачесаны назад. Большие зеленые глаза, казалось, хранили какую-то тайну. На вид ей нельзя было дать и тридцати, но морщины вокруг глаз выдавали возраст.

Назвав вполне приемлемую цену, хозяйка предложила:

— Если пожелаете, я могу готовить и на вас завтрак и ужин. Оплатите это деньгами или продуктами, — добавила она. Тёма понял, что соседка успела сообщить и о посылках, получаемых им из дома.

— Меня это очень даже устроит, — охотно согласился он, — обедаю я на работе, а по выходным — где-нибудь, с друзьями.

Тёма поселился в просторной и уютной комнате вместе с Оксаной Григорьевной и ее дочкой Любой. Так начался новый этап его самостоятельной жизни вдали от Москвы.

* * *

Сибирская осень была недолгой — в октябре лег снег. Тёма встречал зиму во всеоружии: быт у него был вполне налажен. Мама где-то достала и прислала ему подержанную летнюю куртку на меху, а сам он купил недорого у отставного пилота «английские» унты, отличающиеся от обычных тем, что были сделаны в виде хромовых сапог с верхом из дубленой кожи. Теперь морозы ему были не страшны.

Не прошло и месяца с того дня, как он поселился на новой квартире, как между ним и его хозяйкой возникла любовная связь. Произошло это просто и по инициативе Оксаны. За ужином она объявила, что у нее именины, они прилично выпили, и, когда ночью она пришла к нему в постель, Тёма ничего не имел против. По правде сказать, он соскучился по женской ласке. Моральных угрызений тоже не испытывал, так как ее друг, которого он застал у нее однажды, жил со своей семьей и к тому же был стар.

Худенькая тихая Оксана оказалась на редкость темпераментной женщиной, и их «супружеские ночи» полностью гасили его сексуальные потребности. Правда, ему редко удавалось как следует выспаться, но зато он мог всего себя отдавать работе.

— Конечно, тяжело жить одной с ребенком, но я так натерпелась от мужа, что не хочу повторить это снова. Хорошего человека найти трудно, — открывала она душу Тёме. — Найти бы милого друга, такого сладенького, как ты!

— Но ведь ты теряешь со мной время, — совестливо замечал ей «сладенький». — Я скоро вернусь в Москву. Неужели не понимаешь, что мы с тобой даже не можем жить открыто?

— Ну конечно, понимаю. Знаю, что я тебе не пара, — целуя, заверяла она его и ласково шептала: — А времени я с тобой не теряю. Мне так

хорошо, будто снова двадцать лет. Это — счастье, пусть ненадолго!

— Тогда почему ты не предохраняешься? — высказал Тёма то, что заботило его давно, но никак не решался спросить. — Ведь ребенок нас все равно не свяжет, а второго тебе не вытянуть!

— Напрасно беспокоишься, милый, — успокоила его Оксана. — Я же медик и знаю, что надо делать. И у меня плохое здоровье, рожать мне противопоказано.

Энергии у Тёмы всегда было столько, хоть отбавляй. Он и работал хорошо, и выпускал комсомольскую стенгазету, а когда секретаря заводского комитета забрали в райком, Тёму выбрали на его место. Ему довелось даже участвовать в совещании секретарей комитетов комсомола территориального управления ГВФ, о чем у него осталась групповая фотография на память. Не забыл Тёма и о своем увлечении спортом — участвовал в лыжных соревнованиях гарнизона и даже завоевал призовое место.

Находилось время и для развлечений. Соседская Вита не оставляла его своим вниманием, и он вскоре влился в компанию студентов-медиков, что было ему не в новинку. Оксана не выказывала ни недовольства, ни ревности, и он проводил с ними все выходные дни, посещая театры, концерты или просто гуляя по городу. Именно в компании Виты Тёма познакомился с Иррой.

* * *

Ира Проскурина училась в одной группе с Витой и была старшей дочерью профессора, известного всему городу тем, что у него была частная коллекция русских мастеров живописи. Внешне она выглядела как тургеневская героиня — стройная, элегантная, со строгой прической, очень шедшей к ее ясным, серым глазам. Ира чем-то напомнила Тёме Аллу из Малеевки и, может быть, именно поэтому сразу завоевала его сердце.

Встречаясь с ней в компании, Тёма вскоре убедился, что Ира тоже к нему равнодушна. Это было видно по задумчивым внимательным взглядам, на него устремленным, и по тому, как неумело кокетничала она во время танцев. В свои девятнадцать лет Ира была еще совсем неопытной девушкой.

Они с Темой долго не решались завязать более тесные отношения и, как ни странно, первой на это отважилась Ира.

— А ты знаешь, Тёма, тобой заинтересовались мои домашние, —

преодолевая застенчивость, сказала она ему, когда они танцевали на вечеринке у Виты. — Приглашают тебя на обед в воскресенье. Хотя расспросить о Москве. У нас там младшая, Катенька, учится.

— Я не прочь познакомиться с твоими предками, — не стал жеманиться Тёма. — И очень люблю живопись. Говорят, профессор собирает русских художников?

— Да, и у нас есть подлинники Репина и Поленова, — с гордостью подтвердила Ира. — Значит, придешь? — радостно улыбнулась она. — Адрес наш знаешь?

— Мне показывали ваш дом. Он примечательный, — улыбнулся в ответ Тёма. — Деревянный особняк в центре города среди многоэтажных домов.

— Отцу много раз предлагали большую квартиру в новостройках, даже две, — открыла секрет Ира. — Но там негде разместить папину коллекцию, поэтому мы остаемся в этом доме, который построил еще мой дедушка.

Тёма был отлично принят родителями Иры. Видно, он им сразу понравился, так как во время обеда на столе появился графин с водкой и строгие на вид профессор с супругой слишком уж подробно расспрашивали его о работе и родителях. «Похоже, они это делают с дальним прицелом, — сообразил Тёма. — А что? Если жениться, лучше Иры не найти, — подумал он, чувствуя, как его охватывает волнение. — Может, и впрямь, судьба велит мне остаться в Сибири?»

Дальнейшие события разворачивались в том же направлении. Тёма стал частым гостем в доме профессора, и редкий воскресный обед обходился без него. Ира приобщила его к концертам в филармонии, и он пополнил свое музыкальное образование, начатое еще в Москве. Не было стоящей постановки в оперном и драматическом театрах, которую они бы не посетили вместе. Но проявления пылкой страсти с его стороны, по понятной причине, не последовало, что, должно быть, смущало девушку, но она этого не показывала.

Ухаживания Тёмы за профессорской дочкой не остались незамеченными и не могли не отразиться на его отношениях с Оксаной. Их «супружеские» ночи стали значительно реже, его ласки прохладнее, да он и не стал скрывать от нее своего увлечения Ирой. А когда, не выдержав, она его упрекнула в холодности, Тёма решил объясниться начистоту.

— Ты ведь отлично понимаешь, что судьба связала нас временно, — мягко сказал он ей, надеясь покончить с их связью миром. — Я тебе благодарен за все, но дай мне возможность нормально устроить свою

жизнь.

— И ты согласен пойти в богатый дом примаком? По-твоему, так устроишь себе хорошую жизнь? — мужественно сопротивлялась Оксана. — Ошибаешься! Ты не понимаешь, на что себя обрекаешь.

— На что же? Объясни мне, несмышленому, — с иронией отозвался Тёма.

— Тебе будет очень плохо, когда почувствуешь себя нахлебником, и хорошо еще, если тебя не станут упрекать, — с горечью объяснила Оксана. — Да и в постели будет не лучше, когда убедишься, что девчонке до меня далеко!

Но Тёма уже все для себя решил.

— Может, будет так, а может, и нет, — тихо, но твердо заключил он. — Все равно наши отношения пора кончать. Ты знаешь, что нам на двоих с начальником техотдела завода выделили комнату в новом доме. Туда я и перееду.

— Поступай, как знаешь, — отступила Оксана. — Но ты все равно ко мне прибежишь. Я знаю!

* * *

Комната, которую выделили Тёме на двоих с Федором Купалой, сорокалетним холостяком, давно ожидавшим обещанной ему жилплощади, не только не принесла им обоим радости, но, наоборот, породила непримиримый конфликт.

— Ты должен был отказаться в мою пользу, — не скрывая злости, заявил ему начальник технического отдела. — Я уже пять лет стою на очереди, и из-за этого не могу завести семью!

— Но и у меня такие же планы, — возразил Тёма. — И ты знаешь, что мне, как молодому специалисту, жильё положено вне очереди.

— А совесть у тебя где? — сорвался на крик Купала. — Ты же уедешь! Только и думаешь, как поскорее свалить в свою в Москву!

— Вот и не угадал, — тоже разозлившись, бросил Тёма. — Я собираюсь жениться и остаться здесь. Претензии предъявляй начальству, обещавшему тебе жильё!

Однако в том, что хочет жениться, Тёма был далеко не так уверен, как можно было судить по его словам. Мрачное пророчество Оксаны запало ему в душу и породило серьезные сомнения. «А ведь она правду сказала, — удрученно думал он. — Жить самостоятельно мы с Ирой не сможем,

положение примача мне тоже противно. Да и люблю ли я ее по-настоящему?»

И Тёма затосковал по дому, по Москве. Его вдруг с новой силой потянуло к старым друзьям, к яркой и насыщенной столичной жизни. Подошло время очередного отпуска, и он решил провести его среди родных, а заодно проверить свои чувства и посоветоваться с мамой.

В Москву Тёма прибыл накануне Первомая. Отца дома не застал, зато обнаружил там большие перемены. В основном это касалось новых приобретений — холодильника, телевизора и других полезных и дорогостоящих предметов.

— Наш папочка стал очень хорошо зарабатывать, — объяснила Анна Михеевна, заметив его восхищенный взгляд. — Вот все уже готовятся к празднику, а он снова в командировке. Участвует в страховании рабочих-металлургов. — И не удержалась, пожаловалась Тёме: — Даже когда приезжает, до поздней ночи оформляет какие-то документы. Работает на износ. Здоровья-то у него пока хватает. Но на долго ли? Тогда ведь ничего этого, — кивнула на телевизор, — не надо!

Забегал Тёма и повидаться с сестрой. Леля немного пополнела, выглядела отлично, а Викочку он даже не узнал — так она выросла.

— Сеню уже сделали заведомом информации, — похвасталась Леля, — и мы скоро переезжаем на новую квартиру.

— Неужто дали отдельную? — обрадовался Тёма.

— К сожалению, только две комнаты в малонаселенной квартире — с одним соседом. Но зато в прекрасном «сталинском» доме. В общем, мы довольны.

С друзьями отпраздновал Первое Мая. Явился в парадной форме, и все отметили, что она ему идет, но чувствовалось отчуждение. Среди сугубо гражданских медиков офицерские погоны делали его «белой вороной». И, кроме того, все основные парочки, если еще не переженились, уже были близки к этому, а он по-прежнему оставался холостым.

Больше всего разочаровали встречи с Верой и Нонной. Ему неудержимо захотелось узнать, как они живут, и он позвонил обеим. Нонну с первого раза не застал, а Вера ему очень обрадовалась.

— А я, Тёмка, часто тебя вспоминаю, — в голосе ее зазвучали интимные нотки. — Ведь хорошо нам было тогда вместе. Разве не так?

— Что, плохо живется? — поинтересовался Тёма, чувствуя, как в нем вновь заговорила былая страсть. — Борис обижает?

— Да вроде бы грех жаловаться, — честно призналась Вера. — Боря пошел в гору. Стал фотокорреспондентом и сейчас в командировке. И ко

мне относится по-прежнему, но, — замялась, — поистрепался, по бабам бегая. Ты бы приехал, Тёмочка! Я сейчас дома одна, — Вера шумно вздохнула. — Вот и... поговорим.

Тёме так сильно захотелось ее немедленно увидеть, что уговаривать его не пришлось. Оставив записку, что, возможно, не придет ночевать, он выбежал на улицу, купил цветы, бутылку вина и помчался к Вере. Она его уже ждала и выглядела потрясающе! Стол ломился от угощения, но им было не до еды. Обменявшись несколькими, ничего не значившими фразами и выпив всего по рюмке, они повалились на постель и жадно занялись любовью.

Вдали от Москвы Тёма вспоминал период своих встреч с Верой, как подарок судьбы, как неповторимую сказку. Тогда ему, неопытному юнцу, она казалась женщиной, знающей толк в сексе. И хотя Вера была так же горяча и активна, он с удивлением отметил, что Оксана даст ей сто очков вперед. Теперь то, что она делала, казалось ему бесстыдным и грубым.

«Наверное, все дело в том, что у меня к ней нет больше любви, — удрученно подумал Тёма, когда, насытившись ласками, они почувствовали голод и решили подкрепиться. — Без любви к женщине секс не дает настоящего наслаждения». Поэтому, как ни уговаривала его Вера, он отказался остаться у нее на ночь, сославшись на то, что утром уже улетает. И больше никогда с ней не встречался.

* * *

После свидания с Верой, принесшего ему больше горечи, чем удовольствия, Тёма не слишком рвался увидеться с Нонной, но воспоминание о ней, превосходящей своей яркой красотой и статью скромную, бледную Иру побудило его все же позвонить еще раз, незадолго до отъезда. Она взяла трубку.

— Ну, как поживаешь? Замуж за меня идти не передумала? — весело сказал он, отметив про себя, что Нонна рада его звонку.

— Выходит, ты не нашел там себе подходящую сибирячку? — в тон ему ответила она и простодушно добавила: — Ты что, всерьез решил жениться? За тем и приехал?

— А то! Это моя главная задача, — в том же тоне продолжал Тёма. — Плохо там одному, а таких, как ты, в Сибири не делают. Ну, что на это скажешь?

— Пожалуй, это можно обсудить. Я за Москву не держусь, — весело

ответила Нонна. — Давай сходим в «Эрмитаж», там и поговорим. Погода чудесная!

«Видать, засиделась в девках. Эка рвется замуж, — скептически думал он, направляясь на встречу с Нонной. — Но уж очень хороша собой, и это вполне нормально, что женщина мечтает о семейной жизни».

Нонна была просто ослепительно красива и элегантна. Работая в министерстве легкой промышленности, она могла приобрести такие вещи, о которых простым смертным оставалось только мечтать. Сидя на лавочке в аллее «Эрмитажа», Тёма, не слишком кривя душой, поведал ей о том, что задумал жениться.

— Чувствую, что пришла пора, но никак не могу решиться, — честно признался он. — Есть там у меня на примете одна, но уж очень скромная и не так красива, как ты. Захотелось с тобой увидеться и узнать, помнишь ли обо мне?

— Помню, но у меня тоже есть жених Яша. В одном отделе со мной работает, — в свою очередь «открыла карты» Нонна. — Но он мне не очень по душе. Ну как, ты не очень там истаскался в Сибири? — она лукаво смотрела на Тёму. — Говори правду!

— Я думаю, это лучше проверить, — находчиво предложил он и по ее расширившимся зрачкам понял, что его предложение принято.

— Тогда не будем терять времени, — деловито сказала Нонна, беря его под руку. — Махнем ко мне! Моя мать на курорте, а отчим придет еще не скоро.

Когда вошли в ее большую коммунальную квартиру, Нонна, приставив палец к губам, бесшумно провела его по длинному коридору в смежные комнаты, занимаемые ее семьей. Затем в своей маленькой спальне, быстро разобрала постель и они, скинув с себя одежду, забрались под одеяло и заключили друг друга в объятия. Разумеется, одеяло скоро полетело на пол, и парочка с молодой энергией отдалась утолению своей страсти. Но в самый разгар их любовных конвульсий, раздался стук в дверь, и грубый мужской голос приказал:

— Нонна! Прекрати это безобразие и скажи своему хахалю, чтобы немедленно оделся и вышел ко мне! Мне надо с ним цо-мужски поговорить.

Весь их пыл мгновенно погас, и они несколько мгновений лежали молча, не зная, как выйти из неприятного положения. Но находчивую Нонну осенила подходящая идея.

— Знаешь что, Тёмка! Видать, Боженька не на нашей стороне. Сделаем так. Ты сейчас выйдешь и представишься отчиму моим женихом

Яшей. Он его еще не видел и примет все за чистую монету. И что бы он ни говорил — молчи!

— Но ведь обман все равно откроется, — усомнился Тёма. — Ты этого не боишься?

— А чего бояться? — усмехнулась Нонна. — Когда дойдет до свадьбы, отчим меня не выдаст!

Так и сделали. Ее отчим, огромного роста тучный мужик, полчаса терзал Тёму нравоучениями, сводившимися к тому, что нельзя этим заниматься до брака, но потом отпустил его восвояси. «Как хорошо, что я не женился ни на ней, ни на Вере, — думал Тёма, в троллейбусе возвращаясь домой, на Покровку. — Обе, конечно, очень хороши, но уж больно распутные. И мне бы наставляли рога! А Ирочка — порядочная девушка. Она совсем другая!»

Он рассказал матери о ней и ее семье, и Анна Михеевна, к удивлению Тёмы, совершенно спокойно отнеслась к тому, что останется жить в Сибири.

— Я вижу, что Ира достойная девушка и из очень хорошей семьи. Это, сын, самое главное! Мы с твоим папой тоже не всегда жили в Москве и были очень счастливы. Но все-таки, — она потрепала его по волосам, — не спеши! Дай нам возможность с ней познакомиться прежде, чем женишься.

Таким образом, Тёма, возвращаясь из отпуска, фактически получил благословение родителей на свой брак с Ирой.

* * *

Само собой, по возвращении Тёма не замедлил сообщить Ире о желании мамы поближе с ней познакомиться. И это знакомство очень скоро состоялось. Профессор принял приглашение на какой-то научный симпозиум в Москве, прибыл с дочерью и, созвонившись, нанес визит Наумовым. Вернулись они с Ирой очень довольные.

— У тебя очень приятные отец и мать. Ирочке они тоже понравились, и я не против с вами породниться, — объявил профессор во время очередного воскресного обеда. — Если вы с Ирочкой поженитесь, тебя ждет здесь прекрасное будущее. — Он выдержал паузу и с важным видом добавил: — Думаю, что тебе пора подумать об аспирантуре. Ректор Политехнического мой друг, так что поступишь без проблем.

В том, что желание породниться у их родителей взаимное, Тёма убедился, прочитав письмо матери. О Проскуриных она отозвалась

одобрительно:

«...Мне очень понравилась Ирочка. Чистая, неиспорченная девушка, таких теперь не часто встретишь. А то, что она бледная, так это после замужества пройдет. С ее отцом же тебе просто повезло! У него там большая частная практика, и у вас не будет материальных забот, что немаловажно для твоей успешной работы...»

И постаралась его приободрить:

«...Насчет Москвы не горюй. Лучше быть первым на селе, чем последним в городе. А когда сумеешь достойно себя проявить, переберешься в столицу...»

Казалось бы, дела шли наилучшим образом, и уже Проскурины готовились объявить о помолвке старшей дочери, когда разразился скандал, и все разом рухнуло. Позвонив ему на работу, Оксана сообщила, что беременна и аборта делать не будет.

— Прости меня, Тёма, за то, что подвела! — сказала она своим ровным тихим голосом и решительно добавила: — Но аборт я делать не буду. Врачи мне это запретили. Придется рожать.

Тёма был совершенно обескуражен.

Не зная, как поступить, он лишь пробормотал:

— Это нечестно! Мы так не договаривались. — Он вдруг почувствовал, как в глубине души поднимается волна обиды, недоверия и злобы. — А чем ты можешь доказать, что забеременела от меня? Прошло много времени, как мы расстались. И мне известно, что к тебе стал захаживать старый приятель.

— Любая женщина знает, от кого у нее ребенок, и доказывать я ничего не собираюсь, — так же тихо сказала Оксана — Я же ничего от тебя не требую. Только ставлю в известность. Чего ты так испугался?

— Будто не знаешь чего! — не сдержался Тёма. — Всем известно, что я женюсь. Но теперь все рухнуло!

— Отчего же? Если вы с ней, конечно, любите друг друга, — со злой иронией произнесла Оксана. — Быль молодцу не в укор.

— Брось лицемерить! Прекрасно понимаешь, что у нее за семья, — вспыхнул Тёма. — Разрушила ты мою жизнь, Ксана, особенно если ребенок и правда мой. Но я в это не верю!

Он растерянно умолк, мысленно оплакивая крах своих планов, и, не зная, что же теперь делать. Его захлестнула волна горечи и обиды.

— Не ожидал, что ты так со мной поступишь, Ксана, — сдавленным голосом наконец произнес он. — Расхлебывай теперь сама кашу, которую заварила. Меня больше не увидишь!

Приняв это жесткое решение, Тёма долго сидел за столом, бессильно уронив голову на руки, но потом все же встряхнулся и написал Ире прощальное письмо.

Дорогая Ирочка!

Ты не представляешь, как тяжело мне писать эти строки. Правильнее было бы встретиться и лично все объяснить, но мне теперь невыносимо стыдно смотреть тебе в глаза. Я понимаю, какие неприятности причиняю всем вам, отказываясь от нашего брака, но позора и горя будет куда больше, если скрою то, что узнал только сегодня.

Женщина, с которой был некоторое время в близких отношениях, но давно их порвал, сообщила мне, что ждет от меня ребенка. Я ей не вполне верю, но все равно моя жизнь испорчена, и я не имею права тащить тебя за собой в эту грязь. Ты замечательная девушка, а я — не тот, кто тебя достоин. Не сомневаюсь, что устроишь свою жизнь и будешь счастлива с другим.

Еще раз прости, и не поминай лихом. Не суждено нам быть вместе!

Тёма успел запечатать письмо, когда пришел Федор Купала. Он вернулся с партийного собрания и кипел от негодования.

— Это надо же, каким предателем оказался Броз-Тито! Ведь наш выкормыш. В Коминтерне сколько лет кантовался и потом с нашей помощью Югославию возглавил. А теперь капиталистам продался! Ты понимаешь?

— Понимаю, — буркнул Тёма, думая о своем.

— Да ничего ты не понимаешь, — Федору надо было «выпустить пар». — Если сейчас югославов отпустим, то и весь Коминформ от нас разбежится. И останемся мы за «железным занавесом» в одиночестве!

— Вот и передо мной опустился «железный занавес», — глядя перед собой, грустно произнес Тёма. — И остался я за ним — один-одинешенек!

— Чего ты несешь? — не понял Купала.

Но Тёма не стал ему ничего объяснять и пошел на почту, чтобы отправить свое письмо.

Глава 17

Фетиш мирового коммунизма

Неудача с женитьбой и сознание, что у него может родиться внебрачный ребенок, морально надломили Тёму. Ему необходимо было рассеяться, и он ударился в загул. В этом ему «помог» товарищ по несчастью Лыков. За это время Толя уже успел жениться и развестись. Невесту ему привезла мать из Ачинска, но сразу же после свадьбы выяснилось, что вслед за его женой прибыл и поселился по соседству ее любовник, с которым она в наглую продолжала встречаться. Толя ее выгнал и теперь вместе с другом восстанавливал душевное равновесие.

Они с Темой топили свое горе в вине и, естественно, потом оказывались в обществе женщин, которым приглянулись молодые инженеры-капитаны. Это были и официантки, и искательницы приключений из кафе и ресторанов, куда часто заглядывали горемыки. Трудно сказать, чем бы это для Тёмы кончилось, не случись беда с невезучим Лыковым, вмиг отрезвившая его.

А вышло так, что, когда они с Толей выпивали в одном из кафе, к ним за столик подсади две веселые женщины. В разговоре выяснилось, что они живут вдвоем, работают на авиазаводе, и там сегодня была получка. Слово за слово, и дамы предложили отметить это у них дома. «Сегодня мы вас угощаем, а в свою получку — вы нас. Договорились?»

Тёма с Толей уже пропустили по сто грамм и были вполне готовы ухаживать за дамами. По дороге к ним взяли еще вина и закуски и, когда все это выпили и съели, во время танцев образовали нежные пары, лелеявшие друг друга в тесных объятиях. К Тёме прилипла маленькая блондинка, а Толю не отпускала от себя брюнетка.

Ближе к полуночи, когда страсти уже накалились и дамы недвусмысленно стали расстилать постели, Толя отвел Тёму в сторонку и неожиданно заявил:

— Как хочешь, а я с этой здоровуцей не смогу. Мне нравится блондиночка.

— Да я-то не прочь. Люблю больших баб, — согласился Тёма. — Но как они сами на это посмотрят? — обеспокоился он. — Вдруг выпрут на ночь глядя?

— Меня точно прогонит большая, если я с ней лягу, так что делать нечего, — пожал плечами Толя и, подскочив сзади к блондинке, стал

помогать ей разбирать постель.

Неизвестно, что он ей говорил, но та отвечала хохотом и было похоже, что они поладили. Высокая брюнетка недоуменно взирала на эту сцену, но Тёма не растерялся и, приобняв, сказал:

— Анатолий — очень верный мой друг. Я ему признался, что хочу быть только с тобой, и он уступил. Не обижайся, — жарко прошептал он ей на ушко, — ты не проиграешь!

Видно, это утешило брюнетку, потому что она с большой охотой занялась с ним любовью... А через несколько дней обнаружилось, что Тёме крупно повезло. Судьба вновь зло подшутила над Лыковым, так как со своей малышкой он подцепил дурную болезнь. Это происшествие послужило для Тёмы уроком: излечило от бездумных связей и сделало осторожней.

Его легкомысленное поведение не осталось без последствий: Тёму не переизбрали в комитет комсомола и понизили в должности — перевели из цеха в технический отдел. Теперь его поддерживала лишь одна мечта — поскорее вернуться домой в родную Москву.

* * *

Молодые специалисты, окончившие институт, были обязаны отработать по месту назначения три года. Однако третья зима далась Тёме особенно тяжело. К подавленному настроению из-за постигших его личных неудач добавился обострившийся конфликт со своим непосредственным начальником Купалой, жившим с ним в одной комнате.

У Тёмы с детства были два крупных недостатка: рассеянность и на редкость крепкий сон — разбудить его утром было сверхсложной задачей. Чтобы не проспать на работу, ему приходилось ставить два будильника, но и это не всегда помогало, так как он умудрялся, еще не проснувшись, их выключить. Два года его выручали, сначала Лыков, потом Оксана. Но Купала этого не делал и уходил на работу, не разбудив.

Обычно Тёму спасали соседи. Но он частенько опаздывал, и подлый Купала подавал начальству рапорты на своего подчиненного, собрав целый букет взысканий. Терпеть это было невмоготу, и Тёма написал слезное письмо маме, прося помочь с переводом в Москву. В нем он сообщил о невыносимой обстановке на службе, но о разрыве с Ирой упомянул лишь мельком, обещав все объяснить ей лично.

Анна Михеевна со свойственной ей энергией добралась до самого

высокого начальства ГВФ и из Москвы на Тёму пришел запрос. Для перевода требовалось лишь согласие директора завода Бутенко. Но тот отказал, мотивируя тем, что не может отпустить ценного специалиста, без которого заводу не обойтись. Как Тёма ни доказывал, что он неисправимый нарушитель дисциплины и всем будет лучше, когда уедет, директор уперся.

Из Москвы пришла новая директива, требующая командировать на полгода одного инженера на авиаремонтный завод во Внуково в состав группы, создаваемой для разработки новой технологии. Дипломированных инженеров, кроме Главного и начальников основных цехов, было только двое — Купала и Наумов. И это Тёму спасло. Судьба наконец ему улыбнулась!

— Ну, что? Кто был прав? — самодовольно усмехнулся Бутенко, подписывая командировку. — Кого бы мы послали, если б я тогда тебя отпустил? А так, я и задание выполню, и от тебя избавлюсь. Уж больно вы с Купалой мне надоели!

— Значит, мне можно не возвращаться? — с надеждой спросил Тёма. — Через полгода все равно положенный срок у меня закончится.

— Считаю вопрос решенным. Сам понимаешь, что дальше жить вам вместе с Купалой нельзя, а другого жилья у меня нет. Ты только сделай там свое дело хорошо, а повторный запрос я подпишу и дам тебе самую лучшую характеристику.

Не веря своему счастью, Тёма пошел собирать свои вещи и прощаться с друзьями. Так просто его не отпустили и накануне отъезда у «его сиятельства» графа Бобринского-Колосова были устроены торжественные проводы, на которую ушла почти половина подъемных. Но Тёму это не смутило. Ведь он ехал домой!

* * *

Авиаремонтное производство находилось на обочине технического прогресса. Не существовало даже технологии ремонта самолетов. И группа инженеров ГВФ, которую собрали со всех заводов в Москве, должна была ее впервые создать. Правда, базировалась она не во Внуково, а в Быково, и Тёма каждый день ездил туда на электричке. Руководил группой инженер-майор Липский, опытнейший авиаремонтник с Внуковского завода.

Дома «блудного сына» встретили очень тепло, однако крупного разговора избежать не удалось. Пришлось честно поведать родителям обо всем, что произошло, опустив лишь амурные похождения в период

морального упадка.

— А я ведь тебя предупреждала, такие связи с женщинами до добра не доводят, — не столько корила, сколько огорчалась Анна Михеевна. — Она на десять с лишком лет старше и в жены тебе не годится!

И тут же озабоченно спросила:

— Ты уверен, что она забеременела от тебя?

— Да вовсе не уверен! Даже когда мы с ней жили вместе, она не порывала со старым приятелем, а когда переехал, у нее появился новый дружок, — растерянно ответил Тёма. — Но Оксана говорит, что знает, что забеременела от меня.

— В таком случае ты не должен признавать ребенка! — сурово нахмутив брови, заявила мать. — Даже если будет настаивать и осаждать письмами. Займи твердую позицию, и она от тебя отстанет.

— Не ожидал, что ты окажешься таким легкомысленным в отношениях с женщинами. Надо же думать о последствиях! — в голосе отца слышались осуждающие нотки. — Молодость — не оправдание! Где же была твоя голова?

— А где была твоя голова в молодости? Ты уже все забыл? — набросилась на него Анна Михеевна, встав на защиту сына. — Не очень-то ты думал, выбирая любовниц, и из-за этого тоже погорел!

Сергею Ильичу крыть было нечем, и он сконфуженно умолк.

Мать оказалась права. От Оксаны вскоре стали приходиться письма, но Анна Михеевна выбрасывала их, не читая, и они прекратились.

Поддержка матери и увлекательная работа по созданию технологии ремонта самолетов помогли ему воспрянуть духом и освободиться от тяжести горьких воспоминаний. Он вновь почувствовал себя свободным и способным добиться успеха в жизни.

В свободное время скучать тоже не приходилось. От старой компании медиков он отошел, так как все они переженились, в том числе и Марк Петляк, ставший рентгенологом. Юра Гордон, блестяще закончив институт, женился на своей подруге из одной с ним группы и был уже аспирантом. Но у Тёмы, легко сходящемся с людьми, появились новые друзья, в том числе закадычный — Симка Нехода. Вместе с родителями он только недавно переселился в столицу из Одессы и других товарищей еще не завел.

Красивый и общительный, как все одесситы, «стильный» Симка понравился Тёме, они стали часто бывать друг у друга. Родители Симки приняли Тёму очень радушно, несмотря на то, что жили в большой тесноте — в одной комнате с сыном и чужой старухой. Они взяли над ней опеку,

благодаря чему и переселились в Москву. Глава семьи торговал в керосиновой лавке и имел «левые» доходы. Тёма это понял, когда во время обеда заперли дверь, чтобы соседи не видели, как хорошо Неходы питаются.

Симка прекрасно по тем временам одевался, покупая все втридорога у спекулянтов. Он щеголял в таких модных вещах, что иногда и Тёме, чтобы не слишком отстать, приходилось на них разоряться. Так криком мужской моды были туфли, которые делал единственный в Москве мастер-армянин, заменяя подошву на рифленую «платформу». Пришлось приобрести и туфли, и модную болгарскую дубленку, переплатив почти вдвое. В то время хорошие вещи были доступны лишь высоким чинам и спекулянтам.

Таким образом, новый друг помог Тёме очень быстро обрести «стильный» московский облик, и они оба имели успех всюду, где бывали, легко заводя знакомства с приглянувшимися девушками. Но Тёму после всех любовных передраг больше не прельщал «спортивный интерес», а по-настоящему ни одной из девушек он пока не увлекся.

* * *

После бедного культурными развлечениями провинциального бытия Тёма с жадностью приобщился к кипучей театральной жизни столицы. Не было нового эстрадного концерта или премьеры, на которых они бы с Симкой не побывали. Но особенно хороши были концерты и «капустники» в одном из самых элитарных клубов — Центральном Доме работников искусств. Туда и повсюду доступ они имели благодаря Леле, а вернее, ее мужу Бандурскому, который стал ответственным секретарем популярной московской газеты.

Международная обстановка все более накалялась. Сталин старался вернуть Югославию в ряды коммунистического альянса. С помощью противников Броз-Тито, внутри страны была организована попытка военного переворота, однако югославский лидер потопил ее в крови, после чего откололся от Коминформа окончательно. Естественно, вся жизнь, и в том числе искусство, были пронизаны политикой. В прессе, литературе и на эстраде, клеймили капитализм и его сторонников, особенно Тито. Популярный куплетист Набатов так и пел:

Тра-та-ти-та, тра-та-ти-та,
посмотрите-ка на Тито.

Он дошел до Уолл-стрита.
Дальше некуда идти-то!

Чтобы компенсировать неудачу, Сталиным был сделан политический крен в сторону Китая. Капиталистическому Западу был противопоставлен союз двух коммунистических гигантов. Москву наводнили одинаковые, как мундиры, синие костюмы китайцев. С утра до вечера назойливо звучала из репродукторов песня «Москва — Пекин», настойчиво убеждавшая советских граждан, что «русский с китайцем — братья навек». Как известно, вскоре две системы померились силами в корейской войне. Никто не победил, и противники довольствовались ничьей.

— Не пойму, зачем это нам было надо? На кой нам Корея? Уйму средств там загубили, а сами ходим с голым задом, — возмущался Илья, зашедший к старшему брату объявить, что решил наконец жениться. — Эта борьба за мировой коммунизм нам ни к чему. Лучше бы своему народу жизнь сделали краше!

— Поменьше болтай, говорун, — не вступая в спор, одернул его Сергей Ильич, — Сам знаешь, чем это может кончиться. — Вместо женитьбы получишь лесоповал! Не посмотрят, что инвалид войны и вся грудь в орденах!

— Но разве за такую жизнь мы на фронте кровь проливали? — никак не мог успокоиться Илья. — Зарплата мизерная, в магазинах ничего нет!

— Вот и хорошо, что покупать нечего. До получки денег хватает, — отшутился старший брат. — Расскажи лучше, на ком женишься, и когда нам ее покажешь. А вся твоя критика — в пользу бедных.

К этому времени Илья Ильич основательно поправил свое здоровье и работал в Торговой палате экспертом по радиотехнике.

— Галя работает вместе со мной, товароведом. Собственно, мы фактически давно женаты, но привести домой я ее не мог из-за мамы. Теперь — другое дело.

— А что изменилось? — не понял Сергей Ильич.

— Сам знаешь, мама очень плоха, почти не встает. Она понимает, что дни ее сочтены, и не возражает, чтобы я привел в дом новую хозяйку.

Вскоре, когда Тёма зашел к ним в Кривоколенный, он застал там черненькую симпатичную женщину, хлопотавшую на кухне. Она была моложе дяди Ильи и у нее уже заметно выпирал животик. Вместо свадьбы был устроен семейный ужин. Собралась вся их родня, и даже баба Ада поднялась с постели, чтобы выпить рюмочку за счастье молодых. Но

протянула после этого недолго. Проводить ее в последний путь Тёме не довелось. Он был в дальней командировке уже в качестве работника Быковского авиаремонтного завода.

* * *

Тёма был зачислен на Быковский завод старшим мастером ОТК по ремонту транспортного биплана Ан-2, и ему тут же поручили расследовать рекламации, предъявленные эксплуатационными службами аэропортов Еревана и Тбилиси. Если бы не смерть бабушки Ады, эта замечательная командировка осталась бы в его памяти, как наиболее яркое впечатление того времени.

Был конец апреля, погода в Москве была на редкость скверная. То и дело шел холодный дождь и весной даже не пахло. А когда Тёма прибыл в Ереван, там уже царило жаркое лето. По пути очень низко летели над Севаном, и ему на всю жизнь запомнилась дивная красота этого необычного озера. Если в столице Армении стояла августовская жара, то в Тбилиси он окунулся в тепло конца мая. Зелень, в которой утопал этот чудесный город, была по весеннему свежей, и нарядно одетые люди гуляли по празднично украшенным улицам. Когда возвращались в Москву, самолет обходил край грозового облака и Тёме впервые довелось видеть, какая бушует в нем огненная стихия.

Вернулся на завод «на коне», так как отбил от обеих рекламаций, и был назначен ведущим инженером по самолету Ан-2, поскольку его предшественник перешел в главк. У Тёмы началась полоса везения. Китай заказал для высокого руководства переоборудование нескольких самолетов в комфортабельный пассажирский вариант. Вот когда ему пригодилось то, чему учили в МАИ! Вместе с главным инженером завода они с честью справились с этой задачей, получив авторские свидетельства.

Успех пробудил в Тёме творческую жилку. За короткое время ему удалось сконструировать ряд необходимых производству образцов оборудования, которые потом служили заводу еще долгие годы. Особенно важное значение имела диагностика объектов ремонта, а оснащена она была слабо. Тёма обобщил полученный опыт и написал об этом книгу. Называлась она «Дефектация самолетов».

— Я всегда говорила, что у Тёмочки есть способности к научной работе. Он умеет обобщать и пишет хорошо, — заявила Анна Михеевна. — Если бы он тогда попал в ЦАГИ, был бы уже кандидатом.

— А что? Вполне с тобой согласен, — поддакнул ей Сергей Ильич и, бросив любящий взгляд на сына, добавил: — Книжку ты написал здорово, осилишь и диссертацию. Думаю, что пришла пора поступать в аспирантуру.

— В МАИ очень большой конкурс, — неуверенно ответил Тёма. — Принимают тех, кого знают. Мне не пробиться!

— А ты не дрейфь, рискни! — мягко посоветовал Сергей Ильич. — Возможно, с первого раза и не пройдешь, зато, если напишешь стоящий реферат, тебя они оценят и в следующий раз примут. В твоём активе книга и изобретения.

— Отец дело тебе советует, — решительно поддержала его Анна Михеевна. — У тебя, Тёмочка, хорошие шансы! Они там, на кафедре технологии, это оценят. И я попробую нащупать какие-нибудь связи, — она была верна себе. — Министра-то ещё не сменили, и референт у него тот же. — Она вдруг рассмеялась. — Кому же, как не тебе, быть учёным! Ведь ты у нас с детства рассеянный, как профессор. Непременно академиком станешь!

И Тёма рискнул. Всерьёз занялся подготовкой в аспирантуру. Обложившись научной литературой и сделав несколько переводов из иностранных журналов, он написал реферат о технологических методах повышения гладкости обшивки современных скоростных самолётов. Затем, собрав все необходимые документы, подал их в свой родной институт. Однако на этом счастливая полоса и закончилась.

* * *

Вот когда Тёма столкнулся с пресловутым «пятым пунктом» анкеты! Раньше ему никогда не приходилось испытывать на себе дискриминацию, связанную с его смешанным происхождением и недостаточной «национальной «чистотой»». Считалось, что нацизм — это отвратительное и преступное проявление фашизма. Однако в стране, где власть принадлежала коммунистам, исповедующим интернационализм, всеобщее равенство и братство, черносотенный шовинизм все же процветал и осуществлялся на практике в государственных учреждениях.

Узнав ещё до объявления результатов конкурса, что Тёму не приняли в аспирантуру, Анна Михеевна одной из известных путей выяснила, в чём причина неудачи сына.

— Ну и мерзавцы! А ещё называют себя коммунистами и партбилеты

в карманах носят! — возмущалась она. — Двурушники и лицемеры.

— Да ты успокойся, Анечка. Никакой трагедии ведь нет. Рассказывай! — мягко попросил ее Сергей Ильич. — Тёма туда не слишком-то и рвался.

— Но очень обидно, что такое творится, когда мы победили фашизм, — уже спокойнее сказала она. — Я точно узнала, что наш сын был признан лучшим, но его отвели, так как в анкете указано, что отец — еврей. — Она перевела дыхание и требовательно взглянула на мужа: — Объясни мне, что творится? Ты же член партии!

— А чего тут объяснять? Разве мало антисемитов среди наших коммунистов? — хмуро ответил Сергей Ильич. — Конечно, таких надо гнать из партии!

— Хочешь сказать, что Тёма напоролся там на черносотенцев? Напрасно ты сводишь это к частному случаю, — горячо возразила жена. — А как тогда объяснить «дело врачей», которое сейчас раздувает официальная пропаганда? Ведь поносят и клеймят, как врагов и предателей, одних профессоров-евреев! — Сергей Ильич ничего не ответил, и она гневно продолжала: — Даже царский режим был более человечен и справедлив! Преследовали евреев как иноверцев, а те, кто принимал христианство, считались равными. Не случайно в метриках и паспортах указывалась не национальность, а только вероисповедание. Твой отец никогда ни в чем не был ущемлен! — Муж продолжал удрученно молчать, и Анна Михеевна упрекнула: — Все ты отлично понимаешь, Сережа, но тебе, как члену партии, стыдно признаться. Это сознательная подлая политическая игра с целью найти «козла отпущения» на кого можно натравить недовольный народ, свалив свою вину за плохое руководство страной и его тяжелую жизнь. Это продолжение кампании против «безродного космополитизма», в еще более отвратительной форме!

— Но ведь врач Тимошук, написавшая донос на профессоров-отравителей, привела факты, — неуверенно возразил Сергей Ильич. — Уж очень громкий вышел скандал.

— Не лицемерь! Отлично понимаешь, что это — провокация, — вспыхнула Анна Михеевна. — Арестованные профессора — медицинские светила, люди с мировым именем. Они не способны на такое!

— Ладно, уйду от греха подальше, — буркнул Сергей Ильич, вставая. — Обожду, пока успокоишься. А ты, сын, не паникуй! Аспирантура от тебя никуда не денется. Способные люди науке нужны!

Он ушел в спальню, и Тёма, молчавший во время спора родителей, с сомнением произнес:

— А не может так быть, что тебе все наврали? На каждой кафедре найдутся склочники и интриганы.

— Все верно, сынок! И досадно то, что у самих-то этих мерзавцев в жилах неизвестно, какая кровь. Сколько нашествий пережила Россия! А твоя бабушка Вера — столбовая дворянка и окончила Смольный институт благородных девиц. Я от всех скрывала, так как это было не в чести и могло нам навредить.

— Ладно, мамочка, не переживай! Теперь-то уж я обязательно поступлю в аспирантуру, — заверил ее Тёма, желая поскорее успокоить. — Всем мерзавцам наперекор!

Говоря это, он в душе сильно сомневался в том, что выполнит данное ей обещание, и уж совсем не предполагал, что сумеет достичь вершин науки.

* * *

Потерпев неудачу с аспирантурой, Тёма решил взять тайм-аут, чтобы дать отдохновение душе и усладу телу. К этому времени у них с Симкой появился новый друг Жора, у которого была своя комната, и создались самые благоприятные условия для интимных развлечений с девушками у него «на хате». Жоре «хата» досталась от матери, которая вышла замуж за капитана рыболовного сейнера и уехала жить на Камчатку. С Жорой Симка тесно сошелся в Плехановском институте после перевода из Одесского университета.

Там, на студенческой вечеринке, Тёма познакомился с Зиной. Ее нельзя было назвать красавицей, но огненноволосая, худощавая и гибкая, как кошка, с кошачьими зелеными глазами, она была необычайно сексапильна и Тёме, давно уже не знавшему женской ласки, казалась пределом мечтаний. Он пригласил ее танцевать сразу, как увидел, и потом не отпускал от себя ни на шаг. Зоя была податлива в танце, аж трепетала, когда он тесно прижимал ее к себе, и охотно согласилась поехать с ними «на хату», чтобы отпраздновать знакомство.

Отovarившись по дороге в гастрономе, пешком отправились к Жоре, благо он жил совсем рядом, в районе Серпуховки. По дороге Зина откровенно призналась Тёме, что уже год как замужем за офицером, который служит на границе, в Хабаровском крае. Живет она в общежитии, заканчивает институт, и скоро отправится к нему насовсем.

— Но зачем тебе это, раз ты его не любишь? — удивился Тёма.

— А почему ты так решил? — прищуриив кошачьи глаза, взглянула на него Зина. — Потому, что пошла с тобой? — Она немного помолчала, как бы решая, стоит ли объяснять, но все же сказала: — Ты плохо знаешь женщин. Я люблю своего лейтенанта, но не могу жить без мужчин. Видно, такой уродилась.

Тёме казалось, что он повидал уже страстных женщин, но такой, как Зина, не встречал. Она была неумоима и возбуждала желание, говоря ласковые слова и комплименты. А испытал высшее блаженство, благодарила его и покрывала поцелуями. Когда он утром собрался идти на работу — все еще отсыпались — Зина, прощаясь, прошептала:

— Мне хорошо с тобой, Тёмочка. Может, до моего отъезда снимем комнату?

— Я тебе позвоню, — бросил он на ходу, уклонившись от прямого ответа.

«Хороша, ничего не скажешь, — думал о ней Тёма, трясаясь в электричке по дороге в Быково. — Но уж больно ненасытна. Если снимем комнату, она меня до смерти загонит, — мысленно усмехнулся он. — Нет уж! Будем встречаться время от времени. А не захочет, не велика беда! Все равно скоро к своему лейтенанту укатит».

Зина охотно продолжала с ним встречаться и разговора о комнате не возобновляла. Они по-прежнему проводили ночи компанией у Жоры, только друзья Тёмы меняли партнерш, а у него была постоянная. Если это случалось в субботу, утром ехали на пляж. В будни он отправлялся на работу, а остальные продолжали спать. И вот однажды ему позвонил Жора и сказал:

— Нам надо поговорить, но не по телефону.

— Вот-те раз! О чем же? — поразился Тёма. — Что за секреты?

— Встретимся, узнаешь, — коротко ответил Жора. — Жду тебя в пивном баре на Пушкинской.

Когда Тёма туда прибыл, приятель его уже ждал.

— Ты будешь неприятно удивлен, но скрывать это больше я не могу, — сказал Жора, отводя глаза. — Тёма молча ждал объяснений. — Давай по-дружески договоримся! Мне очень нравится Зина и я хочу, чтобы она жила у меня.

— Ты это серьезно? Хочешь, чтобы я тебе ее уступил? — поразился Тёма. — А она, думаешь, согласится?

Тогда Жора сообщил ему сногшибательную новость.

— Прости меня, Тёмка, но мы с ней... — он замялся, — в общем, с первого дня, когда ты уехал на работу. Я всех выпроводил, а она осталась.

Не знал ведь, что станешь с ней постоянно встречаться.

— Ну и ну! Дела-а, — растерянно протянул Тёма, не зная, что делать и как на это реагировать. — А чего ей тогда от меня надо? Не говорила?

— Говорила, — потупился Жора. — Нравишься ты ей больно.

— Но тогда зачем же она... с тобой? — непонимающе воззрился на него Тёма.

— Наверное, у нее... болезнь... такая. Все время хочет, — пожал плечами Жора. — Бешенство матки называется. А мне только этого и надо! — усмехнулся он. — Такую охочую чувиху! — Он просительно посмотрел на Тёму. — Ну как, не жаль тебе ее будет? Может, продолжать так, как есть? Поверь, Зинке и нас двоих мало.

Но Тёма уже все решил.

— Можешь взять ее себе. Я групповухи не признаю, ты знаешь.

На том и порешили, однако Зину у Жорки он не встречал и о ней разговора у них больше не было. А вскоре их холостяцкий триумvirат распался. Отдыхая в Хосте, Симка познакомился с семнадцатилетней Мариной и так в нее влюбился, что совершенно серьезно заявил, что женится. У Марины была своя веселая компания, и Симка втянул в нее Тёму.

— Примыкай к нам, не пожалеешь, — агитировал он. — Жору не зову — его только шлюхи устраивают, — а подружки Марины — порядочные девчонки, а не подстилки. Тебе же, как и мне, — подмигнул он, — пора бросить якорь и остепениться.

Анна Михеевна давно уже «обрабатывала» сына в этом направлении.

— Не знаю, о чем ты думаешь! Есть ли вообще у тебя голова на плечах? — выговаривала она Тёме после ночных походов. — Хочешь истаскаться и к тридцати годам стать импотентом? Какой жене ты тогда будешь нужен? — И неизменно требовала: — Все, сынок! Погулял и будет. Пора тебе заводить семью!

«А что, пожалуй, она права, — все чаще задумывался Тёма. — Наверное, пора мне жениться и по-настоящему заняться делом. Как знать, быть может, у Марины найдется и для меня подходящая подружка?» Потеряв такую шикарную любовницу, как Зина, он и не думал о ее замене.

Ну что ж, решил он наконец — надо подыскать себе подходящую жену.

Глава 18

Кто же победитель?

Решение жениться заставило Тёму всерьез задуматься о своем будущем. Становясь главой семьи, он обязан был обеспечить ей достойное существование.

Работа на заводе ему нравилась, там он был на виду. Но на свою зарплату содержать семью не мог, да и жить было негде. На первых порах Тёма, конечно, мог привести жену к себе домой, но это был лишь временный выход из положения.

— Вот ты все время твердишь мне: женись! Плешь проела, — упрекнул он мать, когда та в очередной раз навалилась на него с наравоучениями и потребовала остепениться. — А на какие шиши и где жить прикажешь? Сесть к вам с отцом на шею? Вам одного меня мало?

— Очень рада, что ты задал мне эти вопросы, Тёма, — на удивление спокойно отреагировала Анна Михеевна. — Теперь вижу, что ты и впрямь всерьез задумал жениться. — Она сделала паузу, как бы взвешивая то, что собиралась сказать. — О материальной стороне не беспокойся. Пока сами твердо не встанете на ноги — мы с отцом поможем. Поступай в аспирантуру — ученая степень позволит тебе содержать семью. Более трудный вопрос с жильем. Ты прав — двум семьям у нас нет места. Конечно, лучше всего, если у твоей жены будет своя площадь. А если нет — то вместе с ее родными подумаем, как вас устроить, пока не получишь жилье.

— Ну да, будто это так просто, — скептически заметил Тёма.

— Очень даже не просто, и все же это не главное, — заключила Анна Михеевна. — Ищи порядочную девушку. Таковую, как Ира. Таковую, которая будет тебе верным другом не только в радости, но и в горе.

Тёма мрачно усмехнулся.

— А как узнаешь наперед? Ведь правильно говорится: все девушки — ангелы, но откуда берутся ведьмы-жены?

— Это верно! — заулыбалась Анна Михеевна. — Поэтому присмотришься получше! Поспешная женитьба тоже ни к чему.

— Есть еще один вопрос, мама, — сказал Тёма, немного замявшись. — Я очень рассчитываю встретить подходящую девушку среди подруг невесты Симки. Уж больно он их нахваливал. Но не спешу знакомиться, потому что возникает проблема, — он умолк, как бы сомневаясь, стоит ли

продолжать дальше.

— И какая же? Говори, не стесняйся! — приказала мать. — Денежная, что ли?

— В общем-то да, — кивнул Тёма, — хотя дело не в деньгах, а в том, что мне срочно требуется приодеться. По словам Симки, у подруг Марины родители — состоятельные люди, а у нас, как известно, встречают по одежке.

Лицо Анны Михеевны приняло озабоченное выражение.

— С деньгами нет вопроса. Твой отец зарабатывает достаточно. Но ведь сам знаешь, что достать хорошие вещи в магазинах невозможно, а блага у нас нет. Хотя ты прав. Раз уж надумал жениться, надо предстать перед невестой и ее родителями в самом лучшем виде!

Они задумались, напряженно соображая, как быстрее решить эту трудную проблему. А подумать было над чем. Жилось по-прежнему тяжело. Легкая промышленность работала плохо. Хороших товаров выпускалось мало и купить их в магазинах было практически невозможно. Даже «из-под прилавка» с большой переплатой. Заграничное можно было приобрести втридорога у спекулянтов, и то не без труда.

Было невыносимо обидно, что прошло столько лет после войны, а в СССР, по сравнению с Европой, не говоря уже об Америке, люди одевались как нищие. Лишь граждане, которым повезло работать за границей, покупали там роскошные вещи, и им все завидовали. Молодые ловкачи, прозванные «фарцовщиками», приставали к иностранцам, чтобы те продали им хотя бы мелочи. Это было позором и роняло престиж страны.

Все же с помощью энергичной и находчивой матери Тёме удалось решить эту проблему. Обувь и рубашки он сам достал у фарцовщиков и в комиссионных магазинах. А Анна Михеевна сумела тем же путем раздобыть шевиотовый отрез и у хорошего портного сшить ему отличный костюм. Удалось купить и модный в то время светлый габардиновый макинтош.

Теперь Тёма был вполне готов влиться в компанию «золотой молодежи».

* * *

На первой же вечеринке в доме у Марины Тёма убедился, что ожидания его не обманули. Невеста Симки не произвела на него впечатления. Маленького роста, чернявая и кругленькая, как колобок,

рядом со стройным белокурым красавцем Симкой она выглядела довольно невзрачно, но его друг души в ней не чаял. Ее подруги — Надя и Света были намного интереснее.

Стройная голубоглазая Светлана, с золотистыми волосами и отличной фигурой, была немногословной и обладала мягкими манерами. Дочь крупного дипломата, она выглядела очень элегантно во всем заграничном и видно было, что изрядно избалована своими родителями. Тёма сразу «положил на нее глаз», поскольку ему всегда больше нравились блондинки.

Надежда была совершенно иной. Она была не так идеально сложена, как Света, но красота и весь ее облик были куда более яркими. Надины темно-русые волосы отливали медью, большие карие глаза смотрели насмешливо, одета она была не так дорого, зато более броско и «стильно». Но самое главное, Надя была инициативной и остроумной, так что в ее присутствии обе подруги выглядели бледновато.

В новой компании Тёма, как говорится, пришелся ко двору. Кто родители Марины он так и не понял, но дом у них был полной чашей, а дочь и старший сын Гриша ни в чем не знали отказа. Кроме Гриши, в их компанию входил его двоюродный брат, долговязый Эдик, покоритель женских сердец. По словам Симки, Надя и Света были влюблены в Эдика, но по тому, как обе наперебой кокетничали с Темой, он решил, что если это и было, то в прошлом. Однако намеки на интимные отношения подруг с Эдиком сделали Тёму смелее, и, поскольку обе девушки откровенно его соблазняли, он решил не упускать возможности познакомиться с ними поближе и узнать, так ли это на самом деле. К сожалению, все оказалось правдой. И первое разочарование принесли встречи со Светланой, так как вначале Тёма отдал ей предпочтение из-за милой его сердцу «масти».

Света пригласила его на эстрадный концерт, а когда проводил ее до дома на Котельнической набережной, предложила познакомиться с родителями. На вечеринках у Марины они не раз, после распития крепких напитков и танцев обнимались в темном углу, невзирая на ревнивые взгляды Нади. Света была очень нежна, нравилась ему, и Тёму интересовали ее родители. Поэтому он охотно согласился.

Отец и мать Светы приняли его настолько радушно, насколько позволила их чванливость, и показались малосимпатичными. Квартира была большая, в высотном доме. После чая, к которому по-русски была подана выпивка и закуска, Света повела его в свою комнату. Комната была большой и прекрасно обставленной. Широкая тахта покрыта от потолка персидским ковром. У окна письменный стол с книжными шкафами по стенам, а напротив — шифоньер с зеркалом, большая радиолка и

магнитофон.

Всегда молчаливая, Света неожиданно разговорилась. Она потянула Тёму за руку к тахте и, когда они, обнявшись, уселись рядом, горячо зашептала на ухо:

— Правда у меня хорошо? Нам ведь удобно будет здесь жить, если... поладим с тобой, Тёмочка? Маме ты понравился. — И Света впилась в его губы долгим поцелуем.

Охваченная страстью, она проворно разделась. Ничуть не стесняясь своей наготы, заперла дверь, увлекла его на тахту. У нее, тихонькой и инфантильной на вид, обнаружился не только бурный темперамент, но и неприятная изощренность. Это и отвратило Тёму, твердо решившего порвать с ней, невзирая на радужные перспективы совместной жизни. После «первого тура» он мягко высвободился из ее объятий и, не объясняясь, стал одеваться.

— Ты что, уходишь? Мало же тебе надо, — обиженно проворчала Светлана, но тоже встала и оделась.

Она отперла дверь, выглянула в коридор и, понимая, что отношения у них не сложились, тихо, чтобы не услышали родители, выпроводила его из квартиры. «Неужели и Надя такая же испорченная? — с горечью думал Тёма, возвращаясь на метро домой. — Вот тебе и девушки из порядочных семей!» Его не столько разочаровало то, что у Светы уже кто-то был, как ее сексуальная распущенность. Это вызывало отвращение и уважать, а тем более по-настоящему любить такую женщину он не мог.

И все же, «забраковав» Светлану, Тёма решил проверить, что являет собой Надя, и переключился на нее, благо у получившей отставку хватило ума сделать вид, будто ничего не произошло.

Что касается Нади, то она была не глупа и лишних вопросов не задавала, ибо ее это устраивало.

* * *

С новой подругой было куда интереснее, чем со Светой. Надя не только оказалась остроумнее и начитаннее, но и умела рассказывать любопытные истории. Задолго до личного знакомства с ее родителями Тёма узнал многое об их необычно сложившихся отношениях.

— Мой отец — выдающийся человек, у него совершенно уникальная биография, — доверительно поведала она Тёме, и это еще больше их сблизило. — Он сейчас возглавляет крупное издательство, но мог бы

занимать высшие посты, если бы его карьеру, — она грустно вздохнула, — не испортила мать.

— А что у них произошло? Почему разошлись? Мать давно живет с отчимом? — забросал ее вопросами Тёма.

— Это такая удивительная история, что о ней можно написать толстый роман, — ответила Надя. — Мне очень жаль папу, и я осуждаю мать. — Начала она свой рассказ. — Мама моя выросла в семье музыканта, а отец — простой парень из рязанской деревни. Но очень способный — сумел окончить Ленинградский институт востоковедения. Прекрасно владеет персидским языком.

— А что в этом необычного? — отозвался Тёма. — В то время многие простые парни окончили красные вузы. Им отдавали предпочтение.

— Ты слушай, не перебивай, — мягко одернула его Надя. — Папа был активным партийцем и в Ленинграде его избрали в горком. Он видный мужчина и очень обаятельный. Сам убедишься, когда я вас познакомлю, — бросила на него ласковый взгляд. — И он очень понравился «кадровику» ЦК партии Маленкову.

— Ну и что, его взяли на работу в ЦК? — любопытствовал Тёма.

— Произошло другое. Было сфабриковано знаменитое «Ленинградское дело», и все руководство Ленинградского горкома было расстреляно. Уцелел только мой отец.

— Да ну! — поразился Тёма. — Как же это вышло?

— Спас его Маленков. Он-то все знал заранее и срочно накануне арестов вызвал папу в Москву на прием к самому Сталину за новым назначением на ответственную работу. Папе тогда не исполнилось и тридцати.

— Неужели он видел самого Сталина и говорил с ним? — невольно вырвалось у Тёмы.

— Вот как мы сейчас с тобой, — с гордостью подтвердила Надя. — Сталин беседовал с ним один на один за накрытым столом, назначил его первым секретарем в Хорог и даже выпил бокал вина за его успехи. Но это уже другая история. Добавлю только, что за работу на Памире отец получил орден Ленина.

— Ну а что у него вышло с твоей мамой? — напомнил ей Тёма.

— Мама с ним встретилась, когда его перевели в аппарат ЦК партии. У него было высокое положение, а ее даже в институт не приняли из-за буржуазного происхождения. Но когда за него вышла, — Надя скупно усмехнулась, — то тут же поступила в Педагогический. Сейчас заведует там кафедрой.

— Так почему же они расстались? Не сошлись характерами?

— Просто не любила она его, и все! Даже выйдя, продолжала встречаться тайком с другом детства, — нахмурилась Надя. — Он-то и есть мой отчим.

— Ну и что? Такова жизнь, — пожал плечами Тёма. — Не за что ее осуждать!

— Есть за что, — поморщилась Надя. — Тогда еще мать поступила довольно честно, разведясь с ним. Хотя уже родилась я, и она отцу испортила жизнь. Но потом сделала то, чего я ей никогда не прощу!

— Да что же она такого сделала? — нетерпеливо воскликнул Тёма.

— Началась война, и отчима сразу забрали на фронт. У них с мамой уже рос мой младший брат. А отца назначили Генеральным консулом СССР в Иране. Он был одинок и, зная, что матери с двумя детьми приходится туго, предложил ей поехать вместе с ним. И, как ты думаешь, в качестве кого? — возмущенно взглянула на Тёму. — В качестве законной супруги!

— А она знала, что отчим жив? Или опять развелась?

— Да в том-то и дело, что не разводилась она с ним. Как-то оформили документы. Даже братишка считался сыном советского консула. Но самое противное то, что пробыв с папой всю войну в Иране, мать, когда приехали в Москву с полными чемоданами барахла, сразу же, подхватив нас с братом, бросила папу и перебежала к отчиму, вернувшемуся с фронта живым и невредимым. Теперь ты понимаешь, почему я не люблю свою мать, а папу жалею и обожаю? Ведь он так больше и не женился. И несмотря ни на что, нам помогает.

Разумеется, Тёме все было ясно и ему очень захотелось посмотреть на родителей и отчима Нади.

* * *

Собираясь жениться, Тёма пришел к выводу, что с работой на заводе в Быково ему придется расстаться. Поездки в оба конца занимали слишком много времени, чтобы он мог справиться с семейными обязанностями, да еще учиться заочно в аспирантуре. Надо было подыскать новое место, где бы легче все это совмещать.

И судьба пошла ему навстречу в лице молодого инженера из НИИ ГВФ Коли Иванова. Голубоглазый коренастый паренек с широкой симпатичной улыбкой появился на заводе, когда узнал, что в агрегатном цехе осуществляют проект поточной линии ремонта, разработанный Темой.

Иванов готовился к защите кандидатской диссертации, посвященной поточным методам ремонта самолетов, и обобщал положительный опыт заводов.

Почти ровесники, они быстро сошлись, и Николай, не только помог Тёме ценными советами, но и убедил, что разработанный им новый метод организации ремонта агрегатов, который дал заводу внушительный экономический эффект, вполне может стать основой его кандидатской диссертации.

— Переходи на работу к нам в НИИ. Я тебе подсоблю, — предложил он Тёме. — Поговорю с начальником отдела, и он организует твой перевод. У нас ты быстрее сможешь написать диссертацию без отрыва от основной работы.

— С переводом вряд ли получится, — усомнился Тёма. — На заводе не отпустят. Придется увольняться, но тогда мне лучше перейти на работу в авиационную промышленность. Я ведь окончил МАИ.

— Наш институт — головной в отрасли, мы можем добиться твоего перевода через министерство. Нам не хватает толковых и инициативных инженеров. Тем более, — он улыбнулся, — будущих кандидатов наук.

Закончив дела на заводе, Иванов отбыл и больше не появлялся, но, как показали дальнейшие события, о своем обещании не забыл. Вскоре из ГосНИИ ГВФ пришел официальный запрос, предлагавший директору завода откомандировать ведущего инженера Наумова в головной институт отрасли в связи с «острой нехваткой научных кадров». Тёму вызвал к себе директор Ханов.

— Изменяешь нам? Разве не мы тебя с периферии вытащили? — обрушился он на своего ведущего инженера. — Такова твоя благодарность? И какой же ты «научный кадр»? — насмешливо ткнул пальцем в запрос: — Вот производственник ты хороший, что правда, то правда! Не отпущу!

— Да не изменяю я заводу, Иван Семенович, — решительно возразил Тёма. — И разве не отплатил я добром за вашу помощь? А учеными не рождаются! Вот и я хочу стать кандидатом наук. В ГосНИИ ГВФ для этого лучше условия! — Немного замямвшись, решил «открыть карты»: — Я жениться собрался, Иван Семенович. А там за степень буду получать!

— Ну, это другое дело, — проворчал директор, смягчаясь. — За кандидатскую на заводе и правда ничего не получишь. А что? — его широкое лицо тронула улыбка. — У тебя, Наумов, думаю, все получится. Раз книжки пишешь, кропаешь и диссертацию. — Директор откинулся в кресле: — Ладно, отпущу, но только не сразу. Через полгода, как закончим переоборудование нового агрегатного цеха. Это будет внедрением твоей

диссертации. И то при условии, — хитро подмигнул он, — если женишься!

* * *

Мать Нади оказалась крупной женщиной, очень речистой, с диктаторскими замашками. Отчим, напротив, был тихий и молчаливый, во всем ей поддакивал, и Тёма справедливо решил, что он у жены прочно «под каблуком». Квартирка была в самом центре: в двух комнатах теснились Надя с младшей сестрой и братом, родители и еще домработница, бывшая детям чем-то вроде второй матери. Правда, для старшей дочери, часть комнаты с окном отделили тонкой перегородкой. Помещались там лишь кровать, письменный стол и книжные полки.

В этом закутке, за звукопроницаемой перегородкой произошла у них первая интимная встреча. Кроме вечеринок у Марины, Тёма с Надей несколько раз ходил в театры и на выставки. Расставаясь, они целовались и пылали взаимной страстью, но была зима и удовлетворить ее им было негде. Наконец, когда стало невмоготу, и в подъезде уже почти дошло до этого, Надя воспротивилась и, тяжело дыша, предложила:

— Нет уж! Давай лучше рискнем у меня дома, в моей комнатке.

— Но из-за перегородки все слышно. Скандал выйдет! — усомнился Тёма. — В комнате всегда кто-то есть.

— Не робей, Тёмка! — спокойно сказала Надя. — Дверь запирается, а если что и услышат, никто ничего не скажет. Я знаю!

— А что, у тебя уже есть опыт? — ревниво спросил Тёма. Он уже остыл и сразу сообразил, почему она так уверена.

— Ну а если и так? — Надя смело подняла на него глаза. — Разве у тебя не было до меня девушек? Я ведь на третьем курсе университета и мне уже двадцать лет.

— Да я не о том, — смешался Тёма. — Конечно, мы уже не дети. Просто скандал нам ни к чему. Вот и хорошо, что честно об этом сказала. И я вижу, что можно не опасаться.

Надя бросила на него пристальный взгляд и тихо сказала:

— Наверное, ты должен знать. Был у меня один парень. Очень мне нравился. Борец, мастер спорта. Хотел на мне жениться, сделал предложение, но мои родители — ни в какую! Потому что — еврей.

— А ведь и я, по отцу, тоже, — напомнил ей Тёма. — Выходит, и у нас не выйдет, если захотим пожениться.

— У нас-то выйдет! — уверенно сказала Надя. — У мамы тоже

неладно по этой части, и с тобой — другое дело.

— Но как же твоя мать может себя вести как антисемитка, если в ней самой еврейская кровь? — возмутился Тёма.

— Никакая она не антисемитка, и отец тоже, — спокойно объяснила Надя. — Отказали ему, заботясь о моем благополучии. Посчитали, что такой рядовой спортсмен, да еще еврей, ничего не добьется в жизни. У отца и матери большие связи, но пятый пункт анкеты все портит.

— Меня тоже не приняли в аспирантуру. Из-за отца, — честно признался Тёма.

— Ну, это не слишком большое препятствие. Думаю, — Надя вдруг повеселела, — твоя кандидатура пройдет, ежели посватаешься. Не оставаться же мне старой девой?

И вот, в один из последующих дней у нее в комнатке произошло их первое любовное свидание. Они хотели было устроиться на узкой скрипучей кровати, но убоявшись, что их услышат не только свои за перегородкой, но и соседи, передумали. Тёма, вспомнив о пеньках, посадил Надю на край письменного стола, и они с упоением предались своей страсти. Было не очень удобно, он старался тише дышать, а партнерша искусала губы, чтобы не издать ни звука, но все же они смогли ее утолить и расстались довольные друг другом.

С этого дня встречи у нее в комнате стали частыми. Первой о замужестве заговорила Надя.

— А почему бы, Тёмочка, нам с тобой не начать жить по-людски? — осторожно начала она, когда они, отдыхая после бурного секса, лежали, тесно прижавшись на узкой кровати в ее маленькой комнатке. Был редкий день, когда в квартире никого из домочадцев Нади не было.

— Это ты называешь «по-людски» — жить в таком закутке? — скептически отозвался Тёма. — Здесь даже нормальную кровать не поставишь, а уж принять друзей и вовсе невозможно. Сама ведь не выдержишь!

— С тобой все выдержу, — ластясь к нему, заверила Надя. — И потом, мы здесь проживем только на первых порах.

— А потом? — недоверчиво посмотрел на нее Тёма.

— Потом переедем жить к моей бабушке, — неожиданно объявила Надя. — У нее две комнаты. Я уже с ней говорила, она согласна.

Тёма был озадачен. Такой вариант даже не приходил ему в голову. Бабушка Нади по матери жила не одна. У нее после развода поселился Андрей Иванович, отец Нади.

— А куда вы денете отца? — удивленно спросил он.

— Папа переедет жить к женщине, с которой давно встречается. Он сказал, что сделает это только ради меня.

— Он и правда у тебя замечательный! — восхитился Тёма. — Выходит, ты и с ним успела поговорить?

— Выходит, так. А ты что, недоволен? — тесно прижалась к нему Надя. — В чем-то еще сомневаешься?

— Сомневаюсь, смогу ли обеспечить тебе жизнь, к которой ты привыкла, — серьезно ответил ее Тёма. — Ты избалована, привыкла получать все, что хочешь. А я простой инженеришка с мизерной зарплатой. — Он помолчал и, вздохнув, добавил: — Придется нам обождать, пока не защищусь или хотя бы поступлю в аспирантуру. Тогда, — усмехнулся, — будет надежда, что ты меня не бросишь.

— Напрасно считаешь меня белоручкой, — заверила его Надя. — Я ведь все умею: и постирать, и полы помыть. Трудности меня не пугают, но они нам и не грозят. Папа обещал каждый месяц давать мне четверть зарплаты. Ему это не в тягость.

Совесть Тёмы заставила его еще немного посопротивляться, но перспектива рисовалась неплохая, и он принял решение познакомиться Надю с мамой.

* * *

Но прежде чем заговорить с матерью о женитьбе, Тёма решил лучше узнать родного отца Нади, так как она уже с ним обо всем договорилась. Ведь это он должен был уступить им ту комнату у бабушки и оказывать материальную помощь. Желая познакомиться, Андрей Иванович однажды уже приглашал его на обед, но эта встреча не состоялась из-за смерти «вождя всех народов».

За годы сталинского правления советских людей приучили, что вождь неусыпно заботится и думает за них, и потому охватившая страну скорбь была воистину всенародной. Сотни тысяч москвичей горевали так, словно настал конец света и со смертью вождя утрачены их надежды на светлое будущее. Дикая давка в толпе тех, кто пришел проводить его в последний путь, привела к массовым жертвам и напоминала знаменитую трагедию на Ходынском поле во время коронации Николая Второго.

Многие, в том числе и Тёма, искренне оплакивали его, а Андрей Иванович, у которого со Сталиным были связаны самые лучшие воспоминания, ушел в очередной запой. Больше месяца он лежал пластом,

не выходя из квартиры, опекаемый лишь бабкой, которая, несмотря на алкоголизм бывшего зятя, души в нем не чаяла. Другого бы за такую «болезнь» непременно выгнали с работы. Но все еще всемогущим был Маленков, и это делало отца Нади «непотопляемым», несмотря на пренебрежение служебными обязанностями.

Когда наконец состоялось его знакомство с Темой, Андрей Иванович еще не вышел на работу, но уже заканчивал «курс лечения», значительно уменьшив дозу. Им все еще владели переживания из-за смерти Сталина, и поначалу он мог говорить только об этом.

— Без него мы пропадем! Только он был настолько мудр, чтобы привести нас к победе коммунизма, — убежденно заявил он Тёме, опрокинув полную стопку и почти не закусывая.

— Да. Среди других вождей нет ему равного, — поддакнул Тёма. — Но никто не вечен! И все равно кому-нибудь пришлось бы его заменить.

— Он мог еще многое сделать! Кавказцы живут долго, — хмуро сказал Андрей Иванович и, налив еще по одной, с горечью добавил: — Но его погубили перерожденцы, рвущиеся к власти. — И с хмельной откровенностью пояснил: — Коль вступишь в нашу семью, скажу тебе по секрету то, что знаю оттуда, — он сделал выразительную паузу, — с самого верха. Это — дело рук Берии! Только он мог пойти на такое, дабы узурпировать власть. И правильно его уничтожили!

— Но ведь Берии в этом не обвиняют, — удивился Тёма. — Почему?

— Нельзя народу знать, что в верхах непорядок. Тогда никому верить не будут, — объяснил Андрей Иванович. — Теперь вся надежда на молодежь. Кстати, — он жестко посмотрел на жениха. — Почему ты не в партии? Тебя не приняли?

— Напротив, не раз предлагали, — ответил Тёма. — Но я не считал себя готовым вступить в партию. Вот когда стану семейным человеком — тогда другое дело.

— Ну что ж, это говорит в твою пользу, — одобрительно заметил отец Нади. — Ты ответственно относишься к званию члена партии, а не примазываешься ради карьеры.

Андрей Иванович, стараясь побольше узнать о женихе дочери, все расспрашивал и расспрашивал. И в свою очередь, рассказал о себе многое, что раскрыло Тёме его жизнь, и очень их сблизило. В разговорах будущий тесть подтвердил, что сам он принял решение жениться лишь из необходимости создать условия — для них, молодых.

Это укрепило уверенность Тёмы в том, что они с Надей хорошо начнут свою семейную жизнь и будут счастливы. Собравшись с духом, он объявил

матери, что собирается жениться и хочет познакомить ее со своей невестой.

* * *

Несмотря на то что Анна Михеевна давно мечтала о женитьбе сына, после двух встреч с Надей она настроилась к ней сугубо отрицательно. А забрав невесту по причине, видимо объясняемой материнским инстинктом, для того, чтобы оттолкнуть от нее Тёму, применила чисто женский прием. Надя была красива и хорошо сложена, но она, строго поджав губы, ее критиковала:

— Твоя невеста слишком коротконога. У тебя испортился вкус. Ты же всегда любил высоких и стройных.

— Ты к ней несправедлива. У Надюши хорошая фигура, — возражал Тёма. — Уж лучше скажи прямо: что тебе в ней не нравится.

— Это ты сейчас необъективен. А когда опомнишься, будет поздно, — стояла на своем мать. — Ну, и кроме того, сразу видно, что это «стиляга». Гонится за последним криком моды. Ты не сможешь столько заработать, сколько ей нужно, и она тебя бросит.

— Ну, это уже слишком, мама! Надюша не такая, она готова переносить трудности, — защищал невесту Тёма. — И ведь знаешь, что Андрей Иванович обещал давать ей столько, сколько я еще не скоро смогу зарабатывать.

— Вот-вот, надейся «на дядю»! И потом, это будет постоянно унижать тебя в ее глазах.

— А ты хочешь, чтобы я вообще никогда не женился? Ты у всех найдешь уйму недостатков, — горячился Тёма.

На это Анне Михеевне возразить было нечего, но у нее неожиданно обнаружился союзник в лице Симки Неходы.

— Ты делаешь ошибку, приятель, — решительно заявил он Тёме, узнав, что тот собирается жениться на Наде. — Пока ты с ней крутил шуры-муры, это было одно, а жениться на такой... — он выругался, — никак нельзя!

— Полегче в выражениях. Я тебе этого не спущу! — вспыхнул Тёма. — Чем тогда твоя Марина лучше?

— Не горячись! Ведь жениться собрался, — осадил его Симка. — Во-первых, Марина, в отличие от Светки и Нади, еще девушка, и этим многое сказано. Но дело даже не в том, что ее подруги «стреляные воробушки». Света и то лучше, потому что Надька — подлая!

— Ну что же! Видно, нашей дружбе пришел конец, — расвирепел Тёма. — Мне бы не надо тебя и слушать, но раз уж начал, выкладывай — что тебе о ней наплела Марина. Вот они какие, эти подруги!

— Между прочим, я тебе не навязываюсь. А как друг молчать не имею права! — сердито сказал Симка. — Встречаясь с Эдиком, Надька старалась его окрутить, но параллельно «клеила» у себя в университете одного румына. Узнав это, Эдик ее бросил и переключился на Светку. А Надька со зла вылила на подругу потоки грязи. Светка, какая бы она ни была, никогда бы так не поступила!

— Не верю я этому! Неужто не видишь, какова цена женской дружбы? Все они завистливы, — возмущенно отмахнулся Тёма. — В том числе и твоя Маринка.

Это их окончательно рассорило, и они расстались на долгие годы. А мать Тёмы, когда окончательно убедилась, что он все-таки женится на Наде, сдалась — и с ней произошли удивительные метаморфозы. Анна Михеевна перестала отговаривать сына и так сблизилась с будущей невесткой, что при всех разногласиях всегда принимала ее сторону. «Она это делает ради меня, — благодарно думал Тёма, разгадав мудрую тактику матери. — Хочет привязать к себе Надю с целью укрепления нашего брака».

Таким образом, его женитьба стала делом решенным и началась активная подготовка к свадьбе.

* * *

Этот год — год десятилетия после окончания войны — он не забудет никогда. Тёме пришлось пережить два судьбоносных события: одно — радостное, другое — трагическое.

В июне наконец сыграли их свадьбу с Надей. Праздничное застолье устроили на Покровке у Наумовых, где в маленькой комнате на первых порах должны были жить молодые, пока Андрей Иванович не оформит свой новый брак, и не переедет к жене. При подготовке к свадьбе не обошлось без нервотрепки. Мать Нади, профессорша, категорически отказалась прийти на свадьбу без супруга.

— Он растил Надюшу с малых лет, а не Андрей, — убеждала она Тёминых родителей. — Водил в школу, проверял ее тетрадки. Сами знаете — не тот отец, кто зачал, а тот, кто вырастил.

— А куда прикажете девать Андрея Ивановича? — с укоризной

взглянула на сватью Анна Михеевна. — Разве он был плохим отцом? Разве материально не помогал? Будет несправедливо, если его место на свадьбе дочери займет ваш муж!

— Вы хотите, чтобы на свадьбе мы сидели рядом, как ни в чем не бывало? — рассердилась профессорша. — Какая нелепость! Кому нужна эта комедия?

— В первую очередь вашей дочери, которая любит отца, — доказывала ей Анна Михеевна. — У вас с мужем еще двое детей, а у вашего бывшего супруга — только она одна. Будьте же к нему справедливы, потерпите один вечерок!

— Но таком случае пусть не будет на свадьбе и его сожительницы, — потребовала мать Нади. — А то получится настоящий фарс.

— Само собой, — постарался успокоить ее Сергей Ильич. — Мы ведь с ней даже не знакомы, так же как и с вашим супругом. Сразу после свадьбы милости просим к нам, вместе с ним, чтобы еще раз поздравить молодых в узком семейном кругу.

— Тёма с Надюшей отправятся на юг на следующей неделе. Вот мы и успеем за эти дни укрепить родственные связи, — поддержала мужа Анна Михеевна. — Кстати, — не преминула подчеркнуть она, — это ведь Андрей Иванович заказал для них и оплатил за две недели номер в гостинице «Гагрипш».

На свадьбе отец и мать Нади восседали на положенном месте рядом, и все прошло наилучшим образом. Большинство гостей было приглашено женихом. У невесты родственников было мало, и никого из компании Марины она, естественно, тоже не позвала. Свидетелями бракосочетания были — у Нади ее подруга по университету Валентина, а у Тёмы — двоюродный брат Лешка.

Свадебная поездка к морю поначалу доставила много радости. Гагра, одна из жемчужин Черноморского побережья Абхазии, поразила своей субтропической красотой. Горы Главного Кавказского хребта там подходят к самому морю, и окна номера, доставшегося молодоженам, смотрели прямо на обрыв скалы. Однако это нисколько их не смущало, так как, естественно, в медовый месяц любоваться видом из окна было недосуг. Лишь несколько часов в день они проводили на пляже, купаясь и загорая.

Этот чудесный отдых был прерван неожиданным звонком из Москвы. Тёма узнал густой голос соседа Самойлова, и сердце у него упало. Он понял, что дома стряслась беда.

— Вот что, Артем, — медленно произнес Георгий Иванович, заметно волнуясь. — Тебе надо срочно вернуться. Сегодня ночью скоростижно

скончалась Анна Михеевна. Выезжай немедленно, иначе не успеешь на похороны...

— А что... с ней... случилось? — спросил Тёма прерывающимся голосом.

— Врачи говорят — инсульт, — коротко ответил Самойлов. — Ну, так что передать? Ты приедешь?

— Да, — подтвердим Тёма неожиданно севшим голосом, и связь оборвалась.

Сосед позвонил утром, и Надя принимала ванну. Ничего ей не говоря, Тёма побежал покупать авиабилеты. Конечно, молодая жена была расстроена из-за смерти свекрови и срыва их медового месяца, но не сказала ни слова упрека.

Дома они застали траур. Сергей Ильич и Леля были убиты горем и недееспособны. Все хлопоты по похоронам взяли на себя дядья Борис и Илья, но больше всех — муж Лели, Бандурский: это он помог получить место на уютном Преображенском кладбище.

Похоронили Анну Михеевну в солнечный летний день. Тёма и в детстве-то мало плакал, а тут впервые слезы лились, и он ничего не мог с собой поделать. Боль от безвозвратной утраты была невыносимой. Он не только сознавал, что потерял единственного в мире человека, который его беззаветно любил, но вдобавок испытывал муки совести из-за того, что не успел, хоть частично, отплатить матери добром.

* * *

На поминки собрались все родственники и сослуживцы Анны Михеевны по Текстильному институту, где она долгие годы преподавала английский. Вскоре, когда были произнесены надлежащие застольные речи, коллеги и родные Нади разошлись, и за столом остались самые близкие.

— Плохо все же мы живем, — с горечью сказала Римма. — Слишком слаба наша медицина. Ведь если бы врач «скорой» сразу верно поставил диагноз, то Анечку можно было бы спасти! А он решил, что это отравление грибами и ей сделали промывание желудка в то время, когда требовался полный покой. — И возмущенно добавила: — Вот в Америке такого бы не произошло. Вадик пишет, что медицина там на грани фантастики!

— Что верно, то верно, — поддержал ее Борис Ильич, недавно вернувшийся из служебной поездки в Чехословакию, Польшу и Восточную Германию. — Здорово мы еще отстаем от Запада и от наших союзников в

Европе. Даже у побежденных немцев медицинская техника шагнула намного дальше нашей!

— И сколько же это будет продолжаться? — посетовал Илья Ильич. — Нам же после войны обещали прекрасную жизнь... А получается, что даже побежденные немцы живут лучше нас! Что скажете, товарищи партийцы? — остро взглянул он на старших братьев и Инну.

— Сам знаешь, что страна в войну была разрушена, а потом с Германии мы получили шиш. Союзники забрали себе весь золотой запас гитлеровского рейха, а нам кинули кости с барского стола, — хмуро ответил Борис Ильич. — Теперь же все деньги уходят на создание коммунистического блока против США и их сообщников по Североатлантическому альянсу.

— Да и остальные средства расходуются бездарно, — вторила ему Инна. — Мне это особенно хорошо видно на «стройке коммунизма». Никто там не заботится о простых людях. Живут в условиях полного бездорожья, ютятся в бараках, зарплата маленькая, в магазинах ничего нет.

— А мне кажется, что там наверху, — Илья Ильич поднял глаза к небу, — в наглуую обманывают народ! Обещают манну небесную, а ничего и не думают делать. Сами-то создали себе шикарные условия и сейчас живут уже, как при коммунизме!

Все с опаской посмотрели на Сергея Ильича, который всегда пресекал такие речи, но убитый горем хозяин на это не отреагировал, и инвалид войны мрачно заключил:

— Что ни говори, а Западные союзники и партийные бонзы украли у нашего народа плоды его великой победы! Где бы все они были, если бы не огромные жертвы, которые он ради нее принес? Какая черная неблагодарность! Нет, простым людям не приходится ждать ничего хорошего!

Тёма слушал все эти речи и понимал, что бывший фронтовик совершенно прав. Пережив тяжелые потрясения, он реально оценивал происходящее и уже знал, что ждать от судьбы сплошного праздника слишком наивно. И хотя надеялся на лучшее, ясно сознавал, что у него начинается чреватый сплошными испытаниями этап семейной жизни и становления, как ученого.

Самое трудное и интересное ждало его впереди.

Конец первой книги